

СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ISSN 0132-1366

№ *1* РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЛАВЯНО ·
· ВЕДЕНИЕ
2010

2010

«НАУКА»

СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

2010

МАРТ •

АПРЕЛЬ •

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

Содержание

СТАТЬИ

<i>Семенов И.Г.</i> (Махачкала). К вопросу об отношениях Руси и Хазарского каганата в IX – первой половине X века	3
<i>Лукин П.В.</i> (Москва). «Старцы» или «старшие»? О терминологии славянской «племенной знати»	12
<i>Флоря Б.Н.</i> (Москва). Московский договор между Россией и Речью Посполитой и внешнеполитические планы А.Л. Ордина-Нащокина	31
<i>Артамонов В.А.</i> (Москва). Украинское казачество между Петром I и Карлом XII в полтавский период Северной войны 1708–1709 годов	38
<i>Ефимова В.С.</i> (Москва). К вопросу о значении так называемых знаков препинания в древнейших славянских списках гомилитических текстов	55

СООБЩЕНИЯ

<i>Иванов С.А.</i> (Москва). Мифологический конвой «Басни о Совии» в составе Иудейского Хронографа	63
<i>Бардах Ю.</i> (Варшава). III Литовский статут и его проекции	72
<i>Сазонова Л.И.</i> (Москва). Средневековый мотив богородичного чуда в повести Н.В. Гоголя «Портрет»	79

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Бортникова А.В.</i> (Луцк). Грамоты на магдебургское право городу Луцку XV–XVI веков	88
---	----

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Соколов С.В.</i> Л.С. Клейн. Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон	105
<i>Кривко Р.Н.</i> Die grossen Lesemenäen des Mitropoliten Makarij. Uspenskiĵ spisok	109
<i>Капитанова О.С.</i> В.Е. Туманин «“Historia – moje życie”: Научное наследие Ежи Топольского»	115

<i>Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л.</i> Kyrillische paraliturgische Lieder: Edition des handschriftlichen Liedguts im ehemaligen Bistum von Mukačevo im 18. und 19. Jahrhundert	117
<i>Дронов М.Ю.</i> Nàrod – cirkev – štát	120

НЕКРОЛОГИ

<i>Иванов С.А.</i> Памяти Геннадия Григорьевича Литаврина (1925–2009)	122
<i>Сазонова Л.И.</i> Памяти Людольфа Мюллера (1917–2009)	126

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М.А. РОБИНСОН (главный редактор),
Г.К. ВЕНЕДИКТОВ, Р.П. ГРИШИНА, В.И. КОСИК,
Г.Ф. МАТВЕЕВ, В.В. МОЧАЛОВА, К.В. НИКИФОРОВ, С.В. НИКОЛЬСКИЙ,
В.Я. ПЕТРУХИН, Л.А. СОФРОНОВА, А.С. СТЫКАЛИН, Б.Н. ФЛОРЯ,
В.А. ХОРЕВ, Т.В. ЦИВЬЯН

А.С. Стыкалин (отв. секретарь)

Заведующие отделами: *Адельгейм И.Е.* (отдел литературоведения),
Белова О.В. (отдел культурологии),
Стыкалин А.С. (отдел истории)

Зав. редакцией *Г.А. Михеева*

Сотрудники редакции: *Авакова Л.А., Пономарева Е.В., Веслова И.Ю.*

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а. Телефон 8-495-938-01-20
 E-mail: zhurslav@mail.ru

Рукописи принимаются в электронном виде с распечаткой (1 экз.) объемом: статьи не более 40 тыс. знаков, сообщения – до 30 тыс., рецензии – до 20 тыс. знаков.

Научный аппарат должен быть оформлен в соответствии с правилами, принятыми в журнале.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

© Российская академия наук, 2010 г.
 © Редколлегия журнала «Славяноведение» (составитель), 2010 г.

© 2010 г. И. Г. СЕМЕНОВ

К ВОПРОСУ ОБ ОТНОШЕНИЯХ РУСИ И
ХАЗАРСКОГО КАГАНАТА В IX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ X ВЕКА

В Повести временных лет (ПВЛ) формирование Древнерусского государства представлено как многоступенчатый процесс: на первом этапе Рюриком создается Северная Русь (862 г.), центром которой спустя небольшой отрезок времени становится Новгород; тогда же Рюрик отправляет своих бояр Аскольда и Дира в Киев, где те создают другое русское государство [1. С. 37]; на следующем этапе, в 882 г., Южная Русь завоевывается Северной, и таким образом завершается формирование единого Древнерусского государства [1. С. 39]. Однако, из «Бертинских анналов» известно, что первое Русское государство возникло на четверть века раньше: в 838 г. послы «хакана росов» побывали сначала в Константинополе, а затем, в 839 г., в Ингельгейме, при дворе франкского императора [2. С. 10–11]. Вполне возможно, что эта Русь тождественна Аскольдовой Руси, созданной в земле полян, но, независимо от этого, можно считать бесспорным, что Русский каганат возник несколько раньше рюриковой Руси¹.

Вероятно, раннее Русское государство на юге с самого начала своего существования поставило себя в оппозицию к Хазарскому каганату [4. С. 189, 231], о чем свидетельствует титул «хакан» (*chakanus*), под которым правитель «росов» фигурирует не только в «Бертинских анналах», но и в средневековых арабо-персидских источниках («хакан русов») (обзор источников см., например [5. С. 152–157; 6. С. 117 и сл.]). Хазары, скорее всего, должны были бы враждебно отнестись к появлению в Восточной Европе какого бы то ни было властителя, присвоившего себе титул кагана, следовательно, «хакан росов» изначально ставил перед собой амбициозные задачи, одной из которых должно было стать вытеснение Хазарии из Северного Причерноморья. Можно также предположить, что другая важнейшая задача, логично вытекающая из первой, состояла в подрыве позиций Хазарии в качестве стратегического союзника Византии в Северном Причерноморье и переходе этой роли к Руси [7. С. 326]. В формулировке А.Н. Кирпичникова, И.В. Дубова и Г.С. Лебедева, «хакан росов» добивался перестройки византино-хазаро-русских взаимоотношений [4. С. 285]. По всей видимости, именно эти цели преследовала Русь во время своих рейдов в Крым и Пафлагонию (в Малой Азии) в 30-х годах IX в. [8. С. 64–68, 95–96] (историографию вопроса см. [9. С. 25–42;

Семенов Игорь Годович – канд. ист. наук, сотрудник Института истории, археологии и этнографии Даг. НЦ РАН.

¹ О проблематичности реконструкции истории Русского каганата см. дискуссию в [3] (*прим. ред.*).

10. С. 59–60]) и во время нападения на Константинополь в 860 г. (историографию вопроса см. [11; 9. С. 48–60, 70, 76 и сл.]).

Судя по всему, атаки на владения византийцев в Малой Азии и Крыму принесли свои плоды: в 838 г. посольство «росов» было принято в Константинополе, что можно расценить как политическое признание молодого государства².

Очевидно, что агрессивное отношение к Хазарскому каганату объяснялось тем, что молодому Русскому государству была необходима внешняя конфронтация – для внутренней консолидации политических сил. Отсюда и стремление поставить себя на один уровень с хазарским каганом. И хотя потенциально такая политика была самоубийственна, некоторый практический подход в действиях русского кагана все же просматривается – в этот период Хазария, едва только пережившая восстание кавар³, была значительно ослаблена и не могла всеми силами обрушиться на Русь. Тем не менее, последствия не заставили себя ждать – хазарами была предпринята торговая блокада Руси, что прослеживается на материалах нумизматики: начиная с 30-х годов IX в. прекращается поступление восточного серебра (арабских дирхемов) в Среднее Поднепровье (см., например [13. С. 172]), где, вероятнее всего, и локализовывался «Русский каганат» (Южная Русь)⁴.

В отличие от южнорусского государства, внешнюю политику рюриковой Руси отличали принципиально иные установки. Рюриково государство образовалось на стыке важнейших торговых маршрутов своего времени – волжско-каспийского торгового пути и речного пути через волоки в Балтийский регион, и, как свидетельствуют средневековые арабо-персидские источники, русы выступали важнейшими агентами в этой торговле, поставляя через территорию Хазарии в страны мусульманского Востока северо- и восточноевропейские товары (главным образом, пушнину, а также рабов, мечи, мед [16. Т. 2. С. 102–103, 114–115]). Как писал Ибн Хаукаль (977–978 г.), русы складировали свои товары в Хазаране, одной из частей Итиля [17. С. 321]. Надо полагать, что особое внимание источника Ибн Хаукаля к русам является не случайным, а было связано с тем, что к середине X в. русы стали играть ведущую роль в каспийской торговле (ср. [18. С. 112]). О тесном сотрудничестве Северной Руси и Хазарии свидетельствует и следующее наблюдение И.Г. Коноваловой: к середине X в. русы имели в Итиле довольно внушительную колонию, так как, по сообщению ал-Мас‘уди, там имелся особый судья для разбора тяжб между славянами и русами [15. С. 112].

О том, что русы успели завоевать лидирующую роль в каспийской торговле значительно раньше, свидетельствуют данные Ибн Хордадбеха (IX в.): «Они доставляют заячьи шкурки, шкурки черных лисиц и мечи из самых отдаленных [окраин страны] славян к Румийскому (Черному. – *И.С.*) морю. Владелец (сахиб) ар-Рума (Византии. – *И.С.*) взимает с них десятину (ушр). Если они отправляются по Танаису (Дон. – *И.С.*) – реке славян, то проезжают мимо Хамлиджа, города хазар. Их владелец (сахиб) также взимает с них десятину. Затем они отправляются к морю Джурджана (Каспийскому. – *И.С.*) и высаживаются на любом берегу [...]. Иногда они везут свои товары от Джурджана (Горган/Гиркания; у юго-восточного угла Каспия. – *И.С.*) до Багдада на верблюдах» [19. С. 124].

В связи с вопросом датировки этого сообщения В.Я. Петрухин отмечает, что

² А.Н. Сахаров относит дипломатическое признание первого Русского государства со стороны Византии к 60-м годам IX в. [9. С. 123], однако, ввиду сказанного выше, данное признание следует связывать с посещением русским посольством Константинополя в 838 г.

³ Последний по времени библиографический обзор относительно восстания кавар см. [12].

⁴ Различные варианты локализации государства «хакана росов» см. [14. Р. 27 etc.; 15. С. 37–46].

наиболее раннее летописное сообщение о торговом пути «из варяг в греки» относится к 882 г. [20. С. 73]⁵, следовательно, глосса о русах в сочинении Ибн Хордадбега, в которой фигурирует описание этого пути, относится к 80-м годам IX в. [20. С. 74].

О том, что Северная Русь не конфликтовала с хазарами, а торговала с ними, свидетельствует еще и тот факт, что всплеск ввоза восточного серебра в Северную и Восточную Европу приходится на 60-е годы IX в. [22; 23. Р. 226 etc.], к которым ПВЛ относит образование государства Рюрика.

Развитие торговых отношений Северной Руси с Хазарией невозможно представить без тесных политических отношений между двумя государствами (ср. [18. С. 112]). Но и то, и другое было бы полностью исключено, если бы правитель Северной Руси титуловал себя каганом. И действительно, обращение к источникам позволяет установить полное отсутствие каких-либо признаков такого титулования. Как было показано П.Б. Голденом, данные средневековых арабо-персидских источников о «хакане русов» восходят к IX в., а в X в. они именуют правителя Руси только арабским термином *малик* [24. Р. 87; 18. С. 118; 10. С. 57], что может иметь значение либо «царь», либо «князь». Это позволяет сделать вывод, что в X в. титулование правителя Руси каганом прекращается (см. [18. С. 118]).

Надо также обратить внимание, что последний из содержащихся в европейских источниках намеков на бытование титула «хакан русов» относится к 867 г. (см. [18. С. 111, 115]). Но поскольку Северная Русь была образована лишь в 862 г., то политическую традицию именования правителя Руси каганом следует связывать с Южной Русью. Это позволяет достаточно уверенно говорить о том, что, как только Южная Русь была подчинена Северной, указанная традиция сошла на нет. Ее возрождение на Руси относится лишь к XI–XII вв. (обзор источников см. [5. С. 152–157; 18. С. 110–111; 10. С. 57]), когда Хазарского каганата уже не существовало. В таком случае, точка зрения о том, что русские князья продолжали сохранять за собой титул кагана, применительно к ситуации последних десятилетий IX в. (см., например, [20. С. 74]) теряет под собой почву.

Принципиальные различия во внешнеполитических устремлениях двух ранних Русских государств, одно из которых стремилось к развитию отношений с Византией и вытеснению Хазарского каганата из Северного Причерноморья, а другое – к развитию политических и торговых связей с Хазарией, позволяет предположительно говорить об отсутствии между их правителями каких-либо династических или иерархических связей. Легенда же о том, что Аскольд и Дир являлись боярами Рюрика, вероятно, понадобилась летописцу лишь для того, чтобы представить формирование Русского государства как единый процесс, в котором главную роль сыграл Рюрик и его преемники. В действительности же два Русских государства, скорее всего, возникли независимо друг от друга. А разрешение вопроса о том, почему оба они назывались Русью, в значительной степени зависит от дальнейшего уточнения семантики термина *русь* в рассматриваемый период⁶.

Следует отметить, что единственным фактом враждебных отношений между преемниками Рюрика и Хазарским каганатом является упоминаемое в ПВЛ отторжение Олегом земель сначала северян, а затем и радимичей (соответственно в

⁵ О начале функционирования пути «из варяг в греки» см. [21].

⁶ О трудностях, связанных с интерпретацией летописного термина *русь*, см. [25. С. 11–14, 32–34].

884 и 885 гг.), когда он присвоил хазарскую дань с этих племен себе [3. С. 39, 41]. В.Я. Петрухин связывает эти данные с регистрируемым нумизматикой кризисом поступления восточного серебра в Восточную Европу в последней четверти IX в. [26. Р. 41–50; 27. Р. 200 etc.], что расценивается им как торговая блокада со стороны Хазарии [20. С. 77–78]. Но, на мой взгляд, указанный кризис может иметь и другие объяснения.

В связи с этим вопросом хотелось бы указать, что для данного периода имеются свидетельства теснейших военно-политических связей Руси с хазарами. Речь идет о военных походах русов в Прикаспий. Первый из таких походов имел место приблизительно тогда же, когда Олегом была присвоена хазарская дань с северян и радимичей. Это может говорить о том, что конфликт из-за земель северян и радимичей мог являться лишь одним из многочисленных эпизодов русско-хазарских политических взаимоотношений, которые в целом отличались дружественностью. Что же касается временного прекращения ввоза восточного серебра в Восточную Европу в последней четверти IX в., то оно вполне объяснимо осложнением отношений Хазарского каганата с мусульманскими странами Прикаспия, причем с этим, скорее всего, и были связаны первые походы русов в Прикаспий.

Между 864 г. и 883 г. русы напали на город Абескун, крупный торговый порт на юго-востоке Каспия, но были разбиты [28. С. 4; 29. С. 317–318]. В октябре 910 г. (уточнение даты см. [29. С. 318–321]) шестнадцать ладей русов совершили новое нападение на Абаскун и разграбили город и его окрестности [29. С. 318].

Поскольку русы не могли выйти в Каспийское море, минуя Итиль [30. С. 353; 18. С. 114], то их поход происходил не без ведома хазар. А.П. Новосельцев вполне резонно предлагал связать последнее нападение с событиями, происходившими в этот же период в восточной части Кавказа [31. 213, 214] (см. также [18. С. 116, 117]). По сообщению дербентской хроники «Тарих ал-Баб» (XI в.), в 901 г. хазары со своим царем *К.са бен Б.лджан ал-Хазари* напали на Дербент, но эмир города Мухаммад I отбил их (см. [32. С. 65]). Источник не сообщает о причинах этого нападения. А в 909 или 912 г.⁷ Мухаммад I вместе с ширваншахом Али б. Хайсамом совершил нападение на Шандан; шанданцы, поддержанные правителем Сарира и хазарами, одержали победу над дербентско-ширванским войском. По всей видимости, пытаясь оказать поддержку своим союзникам, хазары и организовали нападения русов на прикаспийские страны, которые находились под контролем мусульманских правителей⁸.

В 911–912 г. русы подвергли атаке город Сари, близ Абескуна, и с большой добычей ушли в море. Затем этот же отряд высадился на юго-западе Каспия, в области Гилян. Гилянцы ночной атакой перебили русов, находившихся на берегу, а остальные на ладьях направились к Ширвану. Ширваншах, предупрежденный гилянцами, устроил засаду и разбил русов [29. С. 318]⁹.

Все эти факты убеждают в том, что в тот период, под которым в ПВЛ в качестве активного действующего лица на Руси фигурирует Олег, русско-хазарские отношения были союзническими, причем имел место очень тесный союз. Надо

⁷ В одном месте «Тарих ал-Баб» приводится дата 909 г. [32. С. 65], в другом – 912 г. [32. С. 48].

⁸ А.П. Новосельцев формулирует свое предположение иначе: «Вполне возможно, что хазары одним из условий пропуска русских судов на Каспий поставили помощь в их войне с закавказскими мусульманами» [31. С. 213].

⁹ Об этом набеге русов кратко упоминают и другие иранские историки – Мавлан Авлиа-Аллах Амоли, автор «Истории Руйана», и Захир ад-Дин Мар'аши, автор «Истории Мазандерана» (см. [29. С. 319]).

полагать, что в ходе сношений с хазарами Русь добилась для своих воинов возможности военной службы в хазарской гвардии, подобно тому, как несколько позже, а именно в 944 г., князь Игорь добился от византийцев права для русских воинов наниматься на военную службу в византийской армии¹⁰.

Нельзя также отбрасывать и точку зрения И.Г. Коноваловой на причины развития военных связей между Хазарией и Русью: по данным ал-Мас'уди и других арабских авторов, значительную часть хазарской гвардии составляли наемники-ларисийя, являвшиеся мусульманами, причем они оговорили с хазарским беком¹¹ условие, что не будут принимать участие в военных действиях против мусульман, а это подрывало свободу маневра хазарского бека [18. С. 112–113]; привлечение же в гвардию наемников-русов снимало эту проблему. И.Г. Коновалова говорит в данном случае о возможности оказания русами помощи хазарам [18. С. 113], но, как мне представляется, речь должна идти не о прямой помощи, а об использовании русов, служивших в хазарской гвардии. О том, что таких наемников у хазарского бека было довольно много, свидетельствуют данные того же ал-Мас'уди (см. [32. С. 193–194]).

До недавнего прошлого исследователями довольно часто высказывалось мнение о связи походов русов в Прикаспий с развитием византино-русских отношений (историографию вопроса см. [9. С. 182–191, 200; 31. С. 211–219; 34. С. 99–100]), однако, как сравнительно недавно было показано И.Г. Коноваловой, такого рода предположения не имели надежной аргументации и, кроме того, они, как правило, не учитывали возможностей хазарской дипломатии, а также и того факта, что выход в Каспий контролировался именно хазарами [18. С. 112 и сл.].

По всей видимости, к этому времени русы настолько освоились на Каспии, что в 913–914 г.¹² уже самостоятельно подготовили один из самых грандиозных своих походов в Прикаспий. По сообщению ал-Мас'уди (см. [32. С. 199–200]) (писал в 943–944 г.), русы на 500 судах, в каждом из которых сидело по 100 воинов, вышли в Черное море и прибыли к хазарской крепости, стоявшей у входа во владения хазар. Исследователи обычно отождествляют эту крепость с Таматархой на Таманском полуострове (см., например, [35. С. 109–110. Прим. 19]). Русы через коменданта крепости запросили у хазарского бека разрешения войти в Каспий с тем, чтобы ограбить прибрежные мусульманские страны. Половину добычи они предлагали беку.

Ал-Мас'уди явно преувеличивал численность русов [36. С. 370; 31. С. 215], так как даже самые крупные боевые ладьи, ходившие в X в. на Балтике и в Северном море, не вмещали более 80 воинов [37. С. 90]¹³, а наиболее крупные из известных флотилий на Балтике состояли из 300 судов [37. С. 92]. Следует также принять во внимание следующие данные: на семи русских ладьях, выступивших в 934 г. в составе византийской эскадры в Лангобардию, находилось 415 воинов [33. С. 62]. Однако даже если бы ал-Мас'уди преувеличил численность русского войска не меньше, чем в десять раз, оно все равно было бы достаточно крупным для того, чтобы вызвать тревогу у хазарского бека. По всей вероятности, он не

¹⁰Подробнее о наемных воинах из Руси в византийской армии см. [33. С. 62, 65, 66 сл.; 9. С. 203, 204].

¹¹В начале IX в. каган был фактически отстранен от управления государством, и практически все рычаги власти сосредоточил в своих руках хазарский бек (см., например, [16. Т. 1. С. 203–229]).

¹²Относительно даты см. [28. С. 302; 32. С. 84; 31. С. 213].

¹³А.П. Новосельцев указывает, что, по данным русских летописей, боевые ладьи руси вмещали лишь сорок воинов [31. С. 215].

мог сдерживать эту силу, и только поэтому дал согласие на проход флотилии в Каспий [36. С. 370].

Русы, разграбив почти все прикаспийские области, находившиеся под контролем мусульман – Гилян, Дейлем, Табаристан, Абескун, Баласакан и Ширван, укрылись на безлюдных островах близ Апшеронского полуострова и оттуда продолжали совершать набеги на материк. Наконец, через «много месяцев», собрав награбленное, русы направились в обратный путь и прибыли в Итиль. К этому времени весть о бесчинствах русов в мусульманских странах достигла Хазарии и возбудила негодование мусульман, служивших в наемной гвардии хазарского бека. Они потребовали от бека, чтобы он позволил им расправиться с русами, и тот, будучи не в силах сдерживать их, дал им свое согласие. Но поскольку он был связан договором с русами, то предупредил их о готовящейся расправе.

По-видимому, негодование в Итиле было всеобщим, так как разбой русов серьезно нарушили торговые связи на Каспийском море [36. С. 370; 18. С. 118], а итильцы богатели, прежде всего, на этой торговле, и к вышедшим из-под контроля гвардейцам-мусульманам присоединились и жители Итиля. В трехдневном сражении русы были разбиты. Уцелевшие, погрузившись на ладьи, бежали вверх по Волге. По пути они подверглись нападению буртасов, а затем были добыты волжско-камскими болгарами.

И.Г. Коновалова обращает внимание, что под 916 г. «местные прикаспийские хроники фиксируют совместные действия хазар и халифского наместника в Азербайджане Йусуфа ибн Абу-с-Саджа», что свидетельствует о том, что к этому времени конфликт между Хазарским каганатом и мусульманскими правителями в Прикаспии был урегулирован [18. С. 118]. Надо полагать, что это и привело к временному прекращению набегов русов на Каспий.

О новой военной экспедиции русов в Прикаспий, а именно в город Берда‘а (Кавказская Албания), состоявшейся по одним данным в 943 г. [38. С. 63–92], по другим – в 945 г. [39. С. 59–69], свидетельствует большая группа источников, среди которых албанские, сирийские, арабо-персидские (см., например, [30]). Как можно предполагать, в довольно завуалированной форме об этих событиях повествуется и в так называемом «Кембриджском Анониме», или «Тексте Шехтера» (ср. [40. С. 85–104]), представляющем собой фрагмент письма высокопоставленного итильского чиновника. В нем, в частности, рассказывается о нападении «царя Руси» Хельгу на хазарские владения [40. 118–120; 41. С. 141–142]. По подстрекательству византийского императора Романа I Лакапина (920–944), Хельгу захватил хазарский город *С.м.к.рай* (Таматарха, Тмутаракань [40. С. 118. Прим. 4]) около 940 г. [40. С. 99; 7. С. 328], но затем был заблокирован там хазарскими войсками. Хазары вынудили Хельгу заключить антивизантийский пакт, причем Хельгу должен был атаковать Константинополь.

Н.Я. Половым было приведен ряд веских аргументов в пользу гипотезы о том, что, именно эти события и предшествовали неудачному нападению князя Игоря на Византийскую империю в 941 г. [40. С. 91–95, 99] (см. также [7. С. 328–332]), и что перед рейдом в пределы Византийской империи Игорь заключил с хазарами антивизантийский союз [40. С. 99–100]. Мною же было обосновано предположение о том, что Хельгу являлся воеводой князя Игоря [7. С. 331].

Согласно предложенной Н.Я. Половым реконструкции последующих событий, зиму 941 г. Хельгу «провел в Крыму или поблизости от него» [40. С. 99], а весной, после вскрытия Днепра, когда Игорь с пешим войском выступил на Балканы из Киева [40. С. 90, 95], Хельгу направился к Константинополю морем. После по-

ражения от византийского флота, Игорь вернулся в Киев, а Хельгу высадили в Малой Азии и три месяца воевал там против византийцев [40. С. 91–92].

Как предполагал Н.Я. Половой, когда Хельгу был все-таки вытеснен из Малой Азии, он вернулся к своим союзникам хазарам, после чего им и был совершен поход на город Берда'а [30. С. 349–351]. Несколько раньше на возможность отождествления Хельгу с предводителем русов, напавших на Берда'а, было указано А.Ю. Якубовским [38. С. 89]¹⁴. Данная точка зрения высказывалась и М.И. Артамоновым, однако, он полагал, что до этого Хельгу принял участие во втором походе Игоря на Византию [43. С. 32]. По этому поводу можно возразить, что в русско-византийском договоре 944 г. имя Хельгу отсутствует. Кроме того, следует принять во внимание, что, согласно данным Льва Диакона, Ингор (Игорь) после поражения на море близ Константинополя *вернулся* к Боспору Киммерийскому [44. С. 10], т.е. Керченскому проливу. Однако, поскольку в 941 г. князь Игорь выдвигался на территорию Византийской империи из Киева, а не со стороны Боспора Киммерийского, и, кроме того, в морском сражении близ Константинополя он не участвовал, то, надо полагать, что к Боспору Киммерийскому *вернулся* тот же Хельгу [7. С. 335].

Судя по всему, Хельгу провел у хазар довольно много времени. Готовясь к походу, он пополнил свое войско воинами из самых разных народов, входивших в состав Хазарского каганата, в том числе из самих хазар, а также буртасов, алан и др. (обзор источников см. [7. С. 333; 30. С. 345–347]). Таким образом, хазары не просто пропустили русов в Каспий, откуда те направились в Берда'а [30. С. 349–351], но и сами приняли участие в данном рейде. Иначе говоря, эта кампания представляла собой совместные действия двух союзников – русов и хазар.

По мнению А.Н. Сахарова, поход русов на Берда'а был организован при поддержке Византии, при этом роль хазар в указанных событиях сводится А.Н. Сахаровым к минимуму [9. С. 205, 207] (см. также [45. С. 86–87]). Однако следует возразить, что хазары не только пропустили Хельгу в Прикаспий, но и, как было показано Н.Я. Половым, сами приняли участие в этом походе [30. С. 345–347] (см. также [7. С. 333]). Что же касается византийской дипломатии, то обосновать ее участие в данных событиях с помощью известных источников не представляется возможным.

Не останавливаясь на рассмотрении деталей кампании 943 г. (или 945 г.) (обзор источников см. [38. С. 70–71; 30. С. 345–347; 9. С. 206–207; 7. С. 332–333]), отмечу только, что, по данным некоторых из источников, русы вышли к Берда'а на ладьях по Каспийскому морю и по руслу Куры. Захватив город, они провели в нем полгода, а затем, потеряв своего предводителя, вернулись на родину (обзор и анализ источников см. [30. С. 347–353; 36. С. 381; 43. С. 31–33; 7. С. 334–335]). Как предполагал Н.Я. Половой, а вслед за ним и М.И. Артамонов, в экспедиции Хельгу в Берда'а принимал участие Свенельд, который несколько раз упоминается в ПВЛ как воевода – сначала в период правления Игоря, а затем Ольги и Святослава. Именно Свенельд вывел отряд русов из Берда'а в Хазарию, после чего успешно вернулся на Русь [30. С. 352–353; 43. С. 33].

Здесь важно также упомянуть предположение М.И. Артамонова о том, что впоследствии, при князе Святославе Игоревиче, когда русско-хазарские отношения стали крайне враждебными, именно Свенельд стал инициатором экспедиции на восток [43. С. 34–35], что привело к разгрому Хазарского каганата (по лето-

¹⁴В своей более поздней работе А.Ю. Якубовский присоединился к мнению А.А. Куника (см. [28. С. 521]) о том, что поход на Берда'а возглавлял один из воевод князя Игоря [42. С. 469].

писным данным – в 965 г., по данным Ибн Хаукаля – в 968 г.) (историографию вопроса см. [46. С. 90–98]).

Таким образом, под влиянием более поздних событий, когда при князе Святославе русско-хазарские отношения резко обострились, и, в конечном счете, Хазарский каганат был разбит и прекратил свое существование, ПВЛ описывает взаимоотношения Рюриковичей с хазарами как только враждебные, тогда как в действительности Северная Русь в начальный период своей истории поддерживала с Хазарией тесные политические, военные и торговые связи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Повесть временных лет // Памятники русской литературы. Начало русской литературы. XI – начало XII века. М., 1978.
2. Бертинские анналы // Латиноязычные источники по истории Древней Руси. Германия: IX – первая половина XII в. М.; Л., 1989.
3. Славяноведение. 2001. № 4.
4. Киртичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Русь и варяги (русско-скандинавские отношения домонгольского времени) // Славяне и скандинавы. М., 1986.
5. Новосельцев А.П. К вопросу об одном из древнейших титулов русского князя // История СССР. 1982. № 4.
6. Коновалова И.Г. О возможных источниках заимствования титула «каган» в Древней Руси // Славяне и их соседи. М., 2001. Вып. 10. Славяне и кочевой мир.
7. Семенов И.Г. К интерпретации сообщения «Кембриджского Анонима» о походах Хельгу, «царя Руси» // Евреи и славяне. М.; Иерусалим, 2005. Т. 16. Хазары.
8. Васильевский В.Г. Труды. Пг., 1915. Т. 3.
9. Сахаров А.Н. Дипломатия Древней Руси: IX – первая половина X в. М., 1980.
10. Цукерман К. Два этапа формирования Древнерусского государства // Славяноведение. 2001. № 4.
11. Vasiliev A.A. The Russian Attack on the Constantinople in 860. Cambridge (Mass.), 1946.
12. Семенов И.Г. Этнополитическая ситуация в Хазарии в 830–850-х гг. // Восток (Oriens). 2008. № 3.
13. Петрухин В.Я. Хазарская дань и славяне: к истории тюрко-славянских взаимоотношений в Восточной Европе IX в. // Тюркологический сборник. 2003–2004. Тюркские народы в древности и средневековье. М., 2005.
14. Shepard J. The Emergence of Rus 750–120. London; New York, 1996.
15. Литаерин Г.Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII в.). СПб., 2000.
16. Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1962. Т. 1. Горган и Поволжье в IX–X вв.; М., 1967. Т. 2. Булгары, мадьяры, народы Севера, печенеги, русы, славяне.
17. Validi Togan A. Zeki. Ibn Fadlan's Reisebericht. Leipzig, 1939.
18. Коновалова И.Г. Походы русов на Каспий и русско-хазарские отношения // Восточная Европа в исторической ретроспективе. М., 1999.
19. Ибн Хордадбех. Книга путей и стран: Пер. с арабск. Баку, 1986.
20. Петрухин В.Я. Русь и Хазария: к оценке исторических взаимосвязей // Евреи и славяне. М., 2005. Т. 16. Хазары. Иерусалим.
21. Lebedev G.S. On the Early Date of the Way “From the Varangians to the Greeks” // Fenno-Ugrica et Slavi. 1978. Helsinki, 1980.
22. Потин В.М. Русско-скандинавские связи по нумизматическим данным // Исторические связи Скандинавии и России. Л., 1970.
23. Noonan Th.S. The Vikings in the East: Coins and Commerce // Development around the Baltic and North Sea in the Viking Ages. Stockholm, 1994.
24. Golden P. The Questions of the Rus' Qaganate // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 1982. 2.
25. Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М., 2001. (Серия «Studia historica»).
26. Noonan Th.S. The First Major Silver Crisis in Russia and the Baltic. С. 875–900 // Hikui. 1985. № 11.
27. Noonan Th.S. Khazaria as an Intermediary between Islam and Eastern Europe in the Second Half of the Ninth Century: the Numismatic Perspective // Archivum Eurasiae Medii Aevi. V. 1987.

28. *Дорн Б.* Каспий. О походах русских в Табаристан, с дополнительными сведениями о других набегах их на побережья Каспийского моря. СПб., 1875.
29. *Алиев С.М.* О датировке набега русов, упомянутых Ибн Исфандийаром и Амоли // Восточные источники по истории Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1969. Вып. 2.
30. *Половой Н.Я.* О русско-хазарских отношениях в 40-х гг. X в. // Зап. Одесского Археологического общества. 1960. Т. 1 (34).
31. *Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.
32. *Миновский В.Ф.* История Ширвана и Дербенда X–XI вв. М., 1963.
33. *Пацуто В.Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.
34. *Новосельцев А.П.* Русь и государства Кавказа и Азии // *Пацуто В.Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.
35. *Коковцов П.К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932.
36. *Артамонов М.И.* История хазар. Л., 1962.
37. *Херрман И.* Славяне и скандинавы в ранней истории Балтийского региона // Славяне и скандинавы. М., 1986.
38. *Якубовский А.Ю.* Ибн-Мискавейх о походе Русов в Берда в 332–943/4 г. // Византийский временник. 1926. Т. 24.
39. *Кесрави А.* Шахрийаран-е гомнам. Тегеран, 1956 (на перс. яз.).
40. *Половой Н.Я.* К вопросу о первом походе Игоря против Византии (Сравнительный анализ русских и византийских источников) // Византийский временник. 1961. Т. 18.
41. *Голб Н., Прицак О.* Хазарско-еврейские документы X века. М.; Иерусалим, 1997 (5757).
42. *Якубовский А.Ю.* О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях в IX–X вв. // Изв. АН СССР. Сер. историческая. М., 1946. Т. III. № 5.
43. *Артамонов М.И.* Воевода Свенельд // Культура Древней Руси. М., 1966.
44. *Лев Диакон.* История. М., 1988.
45. *Насонов А.Н.* Тмутаракань в истории Восточной Европы // Исторические записки. 1940. Т. 6.
46. *Калинина Т.М.* Сведения Ибн Хаукаля о походах Руси времен Святослава // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1975. М., 1976.

© 2010 г. П.В. ЛУКИН

«СТАРЦЫ» ИЛИ «СТАРШИЕ»? О ТЕРМИНОЛОГИИ СЛАВЯНСКОЙ «ПЛЕМЕННОЙ ЗНАТИ»

В историографии XIX – начала XX вв., как дореволюционной, так и советской, немалое внимание уделялось упоминающимся в начальном русском летописании обозначениям общественной элиты восточнославянских «племен» и раннего Древнерусского государства, таким как «нарочитые мужи» («лучшие мужи») и «старцы» («старейшины», «старцы», «старцы градские», «старцы людские»). Высказывались разные точки зрения [1. С. 194–196; 2. С. 30–31; 3. С. 67; 4. С. 165–166]. У ученых не было только сомнений в том, что речь идет о реальных группах восточнославянской знати, к которым современники применяли встречающиеся в начальном летописании обозначения. Такое понимание – не редкость и сейчас. Так, в новейшем исследовании по истории правящей элиты в допетровское время автор древнерусского раздела М.Б. Свердлов, пусть и с определенными оговорками, ведет речь о древлянских «нарочитых мужах» и «старейшинах града» как о вполне реальных категориях местной знати (хотя первое словосочетание встречается в повествовании о первых трех мценциях Ольги, а второе – в относящемся к другому слою летописного текста повествовании о четвертой мести) [5. С. 20–22].

Однако еще в 1919 г. В.Н. Строевым была опубликована краткая заметка об одном из таких обозначений – «старцах градских». Историк обратил внимание на то, что оно может происходить от греческого словосочетания $\rho\alpha\epsilon\sigma\beta\acute{\upsilon}\tau\epsilon\rho\omicron\iota\ \tau\eta\varsigma\ \pi\acute{o}\lambda\epsilon\omega\varsigma$, означающего в III книге Царств советников царя Соломона, с которыми перестал совещаться его сын Ровоам. Летописец, который, характеризуя Владимира Святославича, в значительной степени, по мнению Строева, вдохновлялся образом Соломона, «перенес и эту черту еврейского царя на своего героя» [6. С. 64]. Это наблюдение было, однако, надолго забыто, и советские историки, фактически, лишь повторяли высказывавшиеся еще до революции соображения (если не считать новациями схоластические дискуссии о том, были ли «старцы градские» «феодалами» или «родоплеменными» старейшинами) (см. подробный историографический обзор [7. С. 89–105]¹).

Лукин Павел Владимирович – канд. ист. наук, старший научный сотрудник ИРИ РАН.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ, проект № 08-01-00440а. Research for this article was supported in part by Central European University («CEU») Special and Extension Programs. The opinions expressed herein are the author's own and do not necessarily express the views of CEU. Благодарю за советы, рекомендации и критические замечания М.В. Бибикова, Ф. Борри (Венеция), А.Ю. Виноградова, А.А. Горского, Т.М. Калинин, В.А. Кучкина, В.М. Лурье, А.В. Назаренко, В. Поля (Вена), Б.Н. Флору, М. Хардта (Лейпциг) и за содействие – А.А. Адашинскую.

¹ Было лишь два исключения: М.Н. Тихомиров и А.Н. Насонов. Тихомиров, не ссылаясь прямо на Строева, отметил, что «старцы градские» могли быть литературным термином [8. С. 160]. О позиции Насонова, принципиально важной для рассмотрения данной проблемы, будет сказано ниже.

Подлинное возвращение к проблеме произошло в конце 70-х – 80-е годы XX в. с появлением серии статей С.В. Завадской о древнерусской «социальной» терминологии, в частности, о «старцах градских», «старцах людских» и «старейшинах». Обратив внимание на то, что огромное большинство упоминаний «старцев градских», «старцев людских», «старейшин» причем в схожих контекстах, а иногда даже в качестве обозначения одних и тех же групп людей, относится к церковной, переводной письменности, и представляет собой, фактически, простую кальку греческих словосочетаний, Завадская охарактеризовала эти наименования как литературные, скрывающие «реальную сущность стоящего за ним реального института» [9. С. 103; 10. С. 40–42] (см. также [11. С. 186]).

Выводы Завадской получили признание в историографии. Более того, опираясь в значительной мере на них, А.А. Горский в ряде работ сформулировал концепцию о «неуловимости» в источниках такой социальной группы, как «племенная» знать², после эпохи Расселения у славян вообще и у восточных славян в частности. Он отмечал, что наименования типа «старцы» и «старейшины» «являются книжными и не несут информации о реальных общественных категориях». Анализируя ранние свидетельства об общественной элите западно- и южнославянских догосударственных общностей, историк пришел уже к определенному выводу о том, что, начиная с эпохи славянского Расселения (VI–VII вв.), существуют твердые свидетельства о наличии у славян только служилой знати – княжеской дружины [17. С. 178–196; 18. С. 61–69]. Прямо Горский не отрицает существования неслужилой («племенной») знати у славян, однако вполне определенно пишет о ее «неуловимости» в раннесредневековых источниках и связывает это обстоятельство с тем, «что ее эпоха была позади, пришлась на время, в отношении которого данные об общественном строе славян отсутствуют» [18. С. 66] (т.е. на эпоху до Расселения).

Такая позиция, на первый взгляд, кажется весьма обоснованной, и все же некоторые, и достаточно определенные, данные о «недружинной» знати в славянских «племенных» союзах, на мой взгляд, существуют. Они, конечно, хорошо извест-

² В этой статье эпитеты «племенная», «недружинная» и «неслужилая» (по отношению к знати) используются как синонимы; обсуждение комплекса проблем, связанных с понятием «племя» увело бы нас слишком далеко. Научная релевантность самого этого понятия, восходящего к романтической историографии XIX в., противопоставлявшей институционализированное государство и «естественное» племя, построенное на кровно-родственных связях, вызывает в современной науке большие сомнения [12, особенно: Р. 11–25; 13] (новейшие критические очерки применительно к славянским догосударственным общностям см. [14. S. 47–69; 15. S. 69–106]). Отечественная историография до сих пор находится в этом отношении под влиянием (подчас даже неосознанным) идей, популяризованных еще в позапрошлом веке Ф. Энгельсом в известном трактате «Происхождение семьи, частной собственности и государства», которые также в значительной степени основывались на романтическом представлении о «племенном» золотом веке [16. С. 97]. Рассуждения о том, какое догосударственное общество было «племенным», а какое не было, могут в контексте современных научных представлений носить только схоластический характер, поскольку, во-первых, непонятно, что конкретно подразумевается под «племенем», во-вторых, эволюционистская теория о всеобщем характере «родоплеменного» строя, предшествовавшего государству (и пригнотившаяся теоретикам марксизма благодаря концепции изначального «первобытного коммунизма») является более, чем спорной. И все же термин «племя» настолько уже укоренился в историографии, что устранение его из научного дискурса может привести к еще большей путанице, чем его использование как некоего условного обозначения разнообразных догосударственных локальных общностей. Под «племенной знатью» же здесь в общем и целом имеется в виду социальная элита этих общностей, не принадлежащая к дружинной организации и не находящаяся в сеньориально-вассальных отношениях. Вопрос о возможности «уловить» такую элиту в раннесредневековых источниках о славянах и является предметом данной работы.

ны исследователям, но анализировались, во-первых, по отдельности, во-вторых, как правило не в контексте рассматриваемой здесь проблемы. Определенным исключением является небольшой раздел монографии Ф. Малингудиса, где упоминается ряд свидетельств, которые обсуждаются ниже, но и там они изучаются не с точки зрения данных о «племенной» знати, а для решения вопроса о славянской «демократии», и, соответственно, термины, которые прилагаются в источниках к элитным группам специально не рассматриваются [19. Σ. 45–76].

1. В трактате «Об управлении империей» (далее – DAI), составленном византийским императором Константином VII Багрянородным в 948–952 гг. в 29-й главе идет речь о политическом строе южнославянских «народов» (τὰ ἔθνη): «Архонтов же, как говорят, эти народы не имели, кроме ζουλάνους γέροντας, как это в правилах и в прочих славиниях» («Ἄρχοντας δέ, ὡς φασι, ταῦτα τὰ ἔθνη μὴ ἔχειν, πλὴν ζουλάνους γέροντας, καθὼς καὶ αἱ λοιπαὶ Σκλαβηνίαι ἔχουσι τύπον») [20. С. 112–113]. Внимание исследователей останавливалось, главным образом, конечно, не на γέροντες, а на ζουλάνοι, которым посвящена огромная литература, – рассматривать ее здесь нет необходимости. Меня же интересуют именно γέροντες.

Словосочетание ζουλάνους γέροντας обычно переводилось, как «старцев-жупанов», под которыми как правило понимались «старейшины рода или племени» [20. С. 364] (комментарий О.А. Акимовой; см. также более новую работу: [21. Р. 85–86])³. Однако в последнее время Горский, считающий, как указывалось выше, славянскую «племенную» знать «неуловимой», предлагает видеть в слове γέροντες не существительное, а прилагательное. По его мнению, речь здесь идет не о «старцах-жупанах», а о попытке передачи гипотетического славянского термина «жоупани старѣишии» («т.е. «жупаны старшие», в смысле главные»). Если не имеющее греческого эквивалента слово «жупаны» осталось без перевода, то определение «старейшие», как полагает Горский, было переведено буквально, «и его социальный смысл остался затушеван» [17. С. 192]. Эта интерпретация весьма остроумна, но вызывает вопросы. Во-первых, она не вполне удачна по чисто грамматическим соображениям (γέροντες, даже если трактовать это слово как прилагательное, означает именно «старые», а не «старейшие»). Во-вторых, γέρων как прилагательное – это в подавляющем большинстве случаев именно «старый», но не «старший» в социальном отношении. Выход из этого положения, предложенный Горским, предусматривает допущение того, что Константин Багрянородный не понял своего информатора (или свой источник) – допущение, без которого вполне можно обойтись, если согласиться с обычным чтением. В-третьих, ссылка историка на Завадскую, показавшую, по его мнению, что не только термин «старейшины», но и «старцы» является книжным и не несет конкретной информации об определенном слое общества, не вполне точна. Завадская так считала только применительно к словосочетаниям «старцы градские» и «старцы людские», относительно же «старцев» как таковых она специально отметила, что термин «старцы» множество раз упоминается и в переводных, и в оригинальных памятниках домонгольского времени, а в источниках XIII–XIV вв. продолжает существовать «с социальными характеристиками светского содержания» [9. С. 102]. Представляется, таким образом, что наиболее точная и экономная (т.е. не

³ Некоторое исключение представляет Я. Ферлуга, который переводит ζουλάνοι γέροντες как alte Županе («старые жупаны»), т.е., очевидно, в возрастном смысле. В то же время он не сомневается в том, что существование «старых жупанов» при отсутствии «архонтов» – свидетельство еще продолжавшегося в конце VIII – начале IX вв. разложения «племенного строя» (Stammesverfassung) [22. S. 256–257].

предполагающая гипотезы о непонимании византийским императором имевшихся у него сведений) интерпретация этого места должна подразумевать понимание ζουλάνους γέροντας как «жупанов-старцев»⁴. В жизнеописании византийского императора Василия, которое находится в составе так называемой хроники Продолжателя Феофана, также принадлежащем перу Константина Багрянородного [23. С. 244]⁵, содержится известный рассказ о первом крещении Руси в IX в.: «Когда князь этого народа (россов. – П.Л.) созвал собрание (σύλλογον) подданных и председательствовал вместе с окружавшими его старцами (μετὰ τῶν περὶ αὐτὸν γερόντων), они (старцы. – П.Л.) оказались в большей степени, чем остальные, преданы суеверию из-за долгой привычки; и, в то время как они рассуждали о своей вере и о вере христиан, был призван только что прибывший к ним архиерей» [25. V. 97. S. 343; 23. С. 142]. Как видим, здесь также фигурируют γέροντας (старцы, старейшины), причем в окружении князя росов. Горский полагает, что «термин γέροντας [...] здесь употреблен Константином в возрастном смысле», что следует «из контекста» [17. С. 191]. «Контекст» действительно вроде бы намекает на то, что росские γέροντας могли быть старцами в буквальном смысле слова («долгая привычка» к «суеверию»), но высокий социальный статус этой группы не подлежит сомнению: в источнике прямо сказано, что они руководили собранием вместе с князем («τοῦ γὰρ ἄρχοντος [...] μετὰ τῶν περὶ αὐτὸν γερόντων προκαθεσθέντος»). Это, несомненно, была общественная элита, критерий же принадлежности к ней – это отдельный вопрос⁶. Кем были эти принявшие христианство «росы», – отдельный вопрос, который здесь рассматривать не представляется возможным. Существенно, однако, что это упоминание говорит о «старцах» как об элитной группе «народа росов», а, главное, – свидетельствует о словоупотреблении у Константина Багрянородного и прямо поддерживает понимание ζουλάνους γέροντας как «жупанов-старцев», а не как «старейших жупанов».

Но, полагаю, проблема интерпретации упоминания «жупанов-старцев» у Константина Багрянородного полностью снимается свидетельством грамоты 1181 г., выданной майсенскими маркграфами Отто и Дитрихом монастырю св. Петра на горе Лаутерберг в Саксонии (ныне Петерсберг, недалеко от Галле), в которой упомянуты представители местного славянского населения – *seniores villarum, quos lingua sua supanos vocant* («старейшины деревень, которые на их языке называются жупанами»). Там они, наряду с «*in equis servientes, id est withasii*» («несущими службу на конях, то есть withasii») отделяются от более низших категорий населения: смердов (*zmurdi*) и зависимых от церкви людей (*censuales ecclesie vel proprii*) [26. S. 309; 23. S. 166]. Вопрос о том, в какой степени можно говорить о преемственности между этими поздними жупанами на территории Майсенского маркграфства и Штирии и одноименными древнеславянскими предшественниками, имевшими, несомненно, значительно более высокий статус [27. S. 254], является весьма дискуссионным (так, важнейшей обязанностью первых было участие в судебных собраниях, возглавлявшихся бургграфами, чего, понятно, не могло быть в эпоху до немецкого завоевания; они фиксируются и в тех населенных пунктах, которые возникли после немецкой колонизации, а их полномочия распространя-

⁴ Так это обычно и понимается в современной историографии [24. S. 162–163].

⁵ Привожу несколько скорректированный перевод по сравнению с блестящим вариантом Я.Н. Любарского, так как в данном случае были нужны не литературные достоинства, а буквальная точность.

⁶ Ср. также использование в жизнеописании Василия I слова γεροβία («совет старейшин») по отношению к византийскому синклиту [25. V. 28. S. 255; 23. С. 109].

лись не только на славянское население) [28. S. 163, 168–169; 23. S. 166–169; 29. P. 72–73], но нет никаких сомнений в том, что: а) *seniores villarum* («старейшины деревень»), упоминающиеся не в нарративном тексте, а в актовом источнике, представляют собой не «литературный штамп», а термин, характеризующий вполне реальную группу населения; б) латинское *seniores* – точный аналог греческого $\gamma\acute{\epsilon}\rho\upsilon\tau\epsilon\varsigma$ – красноречивое подтверждение справедливости традиционной интерпретации $\zeta\omicron\upsilon\lambda\acute{\alpha}\nu\omicron\upsilon\varsigma$ $\gamma\acute{\epsilon}\rho\upsilon\tau\alpha\varsigma$ Константина Багрянородного как «жупанов-старцев». В других, также довольно ранних источниках те же деревенские старосты (*seniores villarum*) по-немецки могут именоваться *Eldesten* или *Aldermänner*, а по-латыни просто *seniores*, т.е. «старейшинами», «старостами» [23. S. 166]. Ряд конкретных свидетельств конца XII–XIV вв., подтверждающих тождество жупанов и «старцев» (*seniores, eldisten*), а наименований типа земельных владений, образованных от этих обозначений (*supen, eldesthove, eldestum*), приводит в своей работе чешский историк Л.Е. Гавлик [30. S. 194]. То, что жупанами, в принципе, могли называть именно недружинную («племенную») знать, подтверждается балтскими параллелями. В поздних немецких источниках упоминаются жупаны (*supanen*), которые еще называются представителями «мелкой знати» (*vom geringen adill*). Те же лица в латинских текстах (судебных документах и протоколах межевания) именуется *seniores*, т.е. «старейшинами», «старшими» [31. S. 16–17]! При этом, как будет сказано ниже, эта знать не имела никакого отношения к дружине, по отношению к которой применялись другие термины. Западнославянские и балтские аналогии однозначно поддерживают интерпретацию $\gamma\acute{\epsilon}\rho\upsilon\tau\alpha\varsigma$ в ДАИ как своего рода глоссы, поясняющей непонятное для иноязычного читателя слово.

Кем конкретно были «жупаны-старцы» Константина Багрянородного, можно только гадать. Но ясно, что это были представители элитной группы славянских общностей. М. Хардт видит в них «патриархальных глав больших семей или семейных союзов». Ниже будут сделаны некоторые предположения о том, кем они могли быть с точки зрения социальной антропологии, пока же важно отметить, что, во-первых, нет ни малейших оснований считать их дружинниками; во-вторых, византийцы не считали их «архонтами» – князьями, единоличными правителями. Иначе говоря, это были и не дружинники, и не князья, т.е. представители той догосударственной неслужилой знати, которая, по мнению Горского, является «неуловимой»⁷.

⁷ Свердлов находит славянских старейшин еще в одном греческом источнике – в «Истории» византийского автора VII в. Феофилакта Симокатты [5. С. 13], но серьезных оснований для этого нет. В русском переводе соответствующего фрагмента С.А. Иванова – именно на это издание ссылается Свердлов – действительно фигурируют «старейшины» неких – очевидно, эльбо-одерских – славян [32. С. 17], но в оригинале говорится о переговорах аварского хагана с «этнархами» ($\epsilon\theta\nu\acute{\alpha}\rho\chi\alpha\iota\varsigma$) славян [33. VI. 2. S. 243]. Слово $\epsilon\theta\nu\acute{\alpha}\rho\chi\eta\varsigma$ вообще означает «правитель племени или народа» [34. P. 480], а у Симокатты, как показал Р. Бенедикти, означает «правителя крупной этнической общности или племенного союза» [35. P. 52–53]. Тем самым, «старейшины» оказываются термином не источника. Кем были в действительности эти «этнархи», сказать сложно, судя по этимологии слова, это могли быть руководители отдельных славянских «племенных» общностей, не имевшие княжеского титула, или чей княжеский титул не признавался в Византии. Информация Симокатты повторяется в «Хронографии» Феофана, но в несколько измененном виде. Там также послы хагана обращаются к славянским «этнархам», однако, ответ получают уже от «таксиархов»: $\omicron\iota\ \delta\epsilon\ \tau\alpha\zeta\iota\alpha\rho\chi\omicron\iota\ \alpha\upsilon\tau\acute{\omega}\nu\ \acute{\alpha}\lambda\epsilon\sigma\tau\epsilon\iota\lambda\alpha\nu\ \alpha\upsilon\tau\omicron\upsilon\varsigma$... [36. P. 268–269]. $\tau\alpha\zeta\iota\alpha\rho\chi\omicron\varsigma$ – это командир военного отряда (в Византии, в аскетической литературе также в переносном значении – епископ, глава монашеской обители даже архангел по отношению к ангелам и Бог как Творец и демиург; военные коннотации тем не менее сохраняются) [34. P. 1756; 37. P. 1372]. Если считать, что Феофан использовал здесь недошедший до нас независимый источник, надо предполагать, что славянские «этнархи» были, прежде всего, военными вождями, однако нельзя исключить, что византийский историк полностью здесь основывался на Симокатте, а фраза про «таксиархов» представляет собой чистый домысел.

2. В «Записке» испанского еврея из Тортосы (вероятно, купца⁸) Ибраhима Ибн Йа'куба (Ибраhим Ибн Йа'куб ал-Исра'или ат-Туртуши), предпринявшего путешествие по Центральной Европе, по мнению большинства исследователей, в 965 и/или 966 г. [39. S. 16–17; 40. С. 63; 41. С. 36, 46, примеч.], а, по мнению немецкого ученого Петера Энгельса, скорее, в 961 г. [38. S. 420], содержатся сведения о западнославянском «племенном» союзе велетов (лютичей), и среди прочего говорится: «Они (велеты. – П.Л.) не имеют царя, и не позволяют управлять собой одному [правителю], а осуществляющими власть среди них являются их старцы» [42. S. 50]. Как отмечает польский публикатор источника Т. Ковальский, арабское слово «ашйах», переданное им как «старцы» (starsi), «может означать как стариков, так и вождей племен, «старших» по рангу, а не обязательно по возрасту» [42. S. 98]⁹. Д.Е. Мишин полагает, что еврейский путешественник сам не был в земле лютичей и черпал информацию из вторых рук; по мнению исследователя, об этом свидетельствуют, во-первых, отсутствие в рассказе о лютичах указаний маршрутов (в отличие от рассказов о Праге и земле ободритов), во-вторых, тот факт, что Ибн Йакуб называет столицей лютичей «город на море», тогда как на самом деле их столица Ретра на море не находилась; в-третьих, само название этого племенного союза передано им согласно немецкой традиции: «убаба», с графической конъектурой: «ул.таба» (ср. *Veletabi* в немецких хрониках). На этом основании Мишин предполагает, что Ибн Йакуб «узнал о лютичах в Германии при дворе Оттона Великого» [41. С. 47–48, примеч.]. Однако это не означает, что сведения еврейского путешественника о лютичах недостоверны. Так, отсутствие у них княжеской власти зафиксировано и немецким хронистом начала XI в. Титмаром Мерзебургским: «И всеми теми, которые вместе называются лютичами, никакой властитель единолично не управлял» [43. VI. 25 (18). S. 304]. Что же касается «города на море», то на самом деле у Ибн Йа'куба речь идет не собственно о «столице», а о «могущественном городе на Океане» [42. S. 50] (т.е. на Балтийском море), который мог и не быть в формальном смысле столицей. Таким образом, и в этом случае приходится считаться со «старцами» как с элитной группой славянского догосударственного общества.

3. Наконец, еще одна группа свидетельств представлена сведениями латиноязычных источников о лужицких сербах и поморских славянах. В «Хронике» Титмара Мерзебургского при описании событий, происходивших после битвы на р. Лех (955 г.), упомянуты славяне, находившиеся под властью «сениора» Коховика (Коховича?) и жившие в районе Цвенкау (городок к югу от Лейпцига): «Post longum tempus imperator ad Merseburg veniens a quodam proditore comperit exuvias eiusdem a Sclavis in Zuencua sub Cuchavico seniore sibi multum dilecto haberi» [43. II. 38 (24). S. 86]¹⁰. Этимология имени «сениора» не совсем ясна,

⁸ Так думает большинство исследователей на основании интереса Ибраhима Ибн Йа'куба к экономике. Есть и другая точка зрения: ливанский ученый А.А. эль-Хаджи, подготовивший арабское издание текста путешественника, предположил, что он мог быть просто образованным человеком, путешествовавшим из жадности приключений [38. S. 420].

⁹ Малингудис, ссылаясь на немецкий перевод Г. Якоба, передает «ашйах» как *αἰροῦτότεροι* (*алю аутоус*), т.е. «старейшие (из них)». Однако такой нюанс, который может свидетельствовать в пользу понимания данного термина в возрастном смысле, отсутствует в переводе, на который ссылается греческий исследователь: там стоит слово (*ihre*) «Ältesten», т.е. «(их) старейшины (старшины, старосты)» [19. S. 50, 69, Σημ.].

¹⁰ Хр. Любке в качестве первостепенного приводит упоминание этого славянского деятеля в хронике Саксонского анналиста (*Annalista Saxo*) [44. S. 133]. Оно действительно читается там под 955 г.: «Post longum tempus inperator Merseburgh veniens a quodam proditore conperit, exuvias eiusdem

по предположению Г. Шлимперта, специально занимавшегося славянскими антропонимами в средневековых немецких источниках, это может быть либо древнесорбск. имя *Koch-v-k, образованное от глагола *kochati («любить»), или патроним от гипотетического дья для сорбов, но имеющего параллели в других славянских языках имени *Koch (этимологически связанного с тем же глаголом) [47. S. 63, 213]¹¹. Заслуживает внимания и сам термин *senior*. Его нельзя обязательно понимать, как прямой перевод на латынь некоего славянского понятия (типа «старейшины»). Титмар мог его употреблять и по отношению к князьям (по мнению А.В. Назаренко, к тем из них, кто не был суверенным или легитимным правителем [48. С. 333–334]). Именно так названы, например *senior venerabilis Добремир* (Добромир) – некий западнославянский династ, чья дочь стала третьей женой польского князя Болеслава I [43. IV. 58. S. 198]¹², и древнерусский князь Святополк Окаянный [43. VIII. 32. S. 530]. В. Шлезингер предположил, что *Cuchavicus* мог быть потомком сорбских *primoges*, упоминающихся во франкских источниках IX в. в качестве категории населения высокого статуса, промежуточной между князьями (*reges, principes, duces*) и простыми людьми. Резиденциями таких *primores*, как полагает историк, могли быть укрепленные поселения (*castella*), о которых применительно к сорбскому «малому племени» колодичей (*Sorabi qui Colodici vocantur*) идет речь в «Бертинских анналах» под 983 г.: «Саксы между тем, сражаясь с сорбами, которых называют колодичи у *Kesigesburg*, подкрепленные помощью небес, одержали победу, и, убив князя Чимисла, захватили этот город и одиннадцать укрепленных поселений» [49. P. 35]. Шлезингер справедливо замечает, что эти укрепления «были слишком многочисленны, чтобы они все могли служить в качестве резиденций для *rex'a* или *dux'a*» [50. S. 76, 83–84]. В «Бертинских анналах», по крайней мере, говорится об 11 взятых саксонским войском *castella*, а князь (*rex*) упомянут один, и сидит он в городе (*urbs*). Одной из таких *castella* мог быть и Цвенкау. По мнению Я. Бранкача, Чимисл принадлежал к кругу знати, выросшей из слоя деревенских старост (*Dorfältesten*), которые в некоторых случаях могли быть и главами округов (жуп или *civitates*, по «Баварскому географу»), состоявших из нескольких деревень [51. S. 173]. Так или иначе, *senior Cuchavicus*, по всей вероятности, был сохранившим свой статус благодаря расположению к нему германского императора представителем славянской (сорбской) «племенной» знати [52. S. 24; 44. S. 134]. Употребление термина *senior* в «Хронике» Титмара не противоречит такой интерпретации: как отмечает Р. Кётцше, «там, где оно не указывает на возраст, оно используется для обозначения властного статуса (*Herrenstellung*)» [52. S. 24. Anm.]. Считать его дружинником нет

a *Slavis in Zuencouua sub Euchauuico seniore sibi multum dilecto haberi*) [45. S. 188], но находится во фрагменте текста, заимствованного из «Хроники» Титмара [45. S. 188. Anp. 8]. Написание имени славянского «сеньора» у Саксонского анналиста совпадает не с чтением оригинального списка «Хроники» Титмара, а с вариантом Корвейской переработки [43. II. 38. S. 87], что неудивительно, так как факт использования Саксонским анналистом именно переработанной редакции «Хроники» Титмара установлен (см. [46. S. 147–148]). Корвейская переработка Титмара и вслед за ней Саксонский анналист называют славянина *Euchavicus*. Хотя, по мнению некоторых ученых, интерполяции Корвейской переработки могут восходить к несохранившемуся списку «Хроники», изготовленному самим Титмаром [44. S. 144], в данном случае мы, очевидно, имеем дело с ошибкой в позднем тексте, так как имя *Euchavicus* в отличие от *Cuchavicus*, по-видимому, не поддается адекватной этимологизации.

¹¹ Гавлик предлагает, правда, без всякой аргументации вариант «Кукавик» [30. S. 193].

¹² Об этнической принадлежности Добремира существует две точки зрения. Одни исследователи считают его одним из князей лужичан, другие – вислян в Малой Польше [44. S. 171–173].

никакой возможности, так как применительно к полабским славянам и сорбам «отсутствуют всякие сведения о существовании такой организации дружины, которая была представлена «дружиной» в Киевской Руси» [53. Р. 118]¹³.

Во многих документах XIII–XIV вв., относящихся к анхальтским, мерзебургским и частично наумбургским деревням, зафиксированы *seniores* – «старцы», «старейшины», причем все это были исключительно славянские деревни, и «все они сами были славянами». По мнению одних исследователей, также изначально применялся к славянам немецкий аналог этого латинского термина – *eldesten*, по мнению других, этот термин использовался по отношению к старостам в немецких деревнях, но структурно он также соответствовал «славянскому» понятию *seniores* [55. S. 49–50]. Так или иначе, вполне возможно, что мы имеем дело с переводом/переводами славянского, сорбского, обозначения.

Хр. Любке полагает, что такие «старейшины» («elders») были и у велетов (лютичей), в источниках они скрываются за стереотипными латинскими обозначениями: они возглавляли кланы, а их опорными пунктами могли быть укрепления – 95 *civitates*, отмеченных «Баварским географом». Конечно, это предположение весьма гипотетично, и ничем не сильнее предположений о дружинном статусе велетской знати, но существует грамота Оттона III (993 г.), в которой упоминается о том, что *peninsula Poztupimi* (современный Потсдам с полуостровом на р. Гавель) ранее принадлежал некоему Хотемыслу (*Chotemysl*) (хотя «старейшиной» он там не назван). Археологические раскопки показали, что находившееся там укрепленное поселение также, по-видимому, было его владением [56. Р. 385–386]. Хотемысл явно был одним из лютичских *primores*, но никаких оснований считать его представителем служилой знати нет, у него была своя зона влияния и свой укрепленный опорный пункт. Никакого отношения к той дружине, которая, согласно Горскому, «на начальном этапе развития проживает обособленно на содержании предводителя» [57. С. 82–83]¹⁴, он явно не имел. Считать же его подобием древнерусского боярина XII–XIII вв., поселившегося в своем владении в результате так называемой «разложения дружины», было бы явной модернизацией.

В более позднее время – первой трети XII в., но вновь применительно к славянскому обществу, в котором отсутствовали многие институты государственности¹⁵, – городам Западного Поморья – также зафиксированы данные о существовании недружинной знати. Общественный строй поморских городов получил достаточно яркое отражение в агиографических текстах о миссионерских путешествиях епископа Оттона Бамбергского в 20-е годы XII в. Наиболее ранним из имеющихся трех текстов является анонимное сочинение так называемое Прюффенингского монаха (далее – VP), написанное между октябрём 1140 и летом 1146 гг. и основывающееся на весьма достоверной письменной и устной традиции; авторы двух других, работавшие в 1150-е годы монахи Эбон и Герборд, пользовались VP, но имели и свои независимые источники, также достоверные (в частности,

¹³ Любке приводит любопытный пример из «Фульдских анналов»: когда в 869 г. возникла необходимость в ходе войны с восточнофранкским королем Людовиком Немецким, сорбам пришлось специально нанять чешский отряд – *Behemi*, «*qui a Sorabis mercede conducti fuerant*» [54. Р. 118. Footnote] (см. [55. S. 69]).

¹⁴ Кстати сказать, в этой более ранней работе Горский высказывает гораздо более осторожную и, на мой взгляд, более справедливую точку зрения на проблему недружинной знати у восточных славян [57. С. 36].

¹⁵ О догосударственном характере политического устройства Западного Поморья до середины XII в. см. [58. С. 129–130].

рассказы спутников епископа по миссионерским путешествиям) [59]. Автор одного из них, монах бенедиктинского монастыря св. Михаила (Михельсберг) рядом с Бамбергом Эбон, работавший в 1151–1159 гг., неоднократно упоминает среди поморянской элиты *maiores natu* (дословно: «старших по рождению, по происхождению»; в классической латыни *maiores natu* – это «пожилые люди» [60. С. 505]). Примеры многочисленны [61. С. 77, 106, 115–116, 124]. По именам авторы житий упоминают двух представителей элиты Щецина: Домаслава (*Domazlaus, Domizlaus, Dumuzlaus*) и Вышака (*Wirtsca, Wirtschachus, Witscacus*) и одного – Волина: Недамира (*Nedamirus*).

О первом Прюфенингский монах сообщает, что он был «*unus de primoribus civitatis*» [62. II. 9. S. 92] («один из первых/знатнейших в городе»), что мало о чем говорит, так как слово *primoges*, как и древнерусское «старейшины», не обладало четким терминологическим значением, зато имело библейские параллели [62. S. 92. Ann.]. Согласно Эбону, он был «самый выдающийся среди щецинцев телом и душой, а также размером богатства и знатностью рода» («*corpore et animo ac diviciarum copia, sed et generis nobilitate inter Stetinenses eminentissimus*»), причем его почитали так, что «и сам князь [Западной] Померании Вартислав без совета с ним и его согласия ничего не предпринимал, но все дела, как общие, так и частные, планировались в соответствии с его волей» [61. II. 9. S. 69]. Ко времени первой миссионерской поездки еп. Оттона (1124–1125 гг.) Домаслав уже был (если верить Эбону, у Герборда другая версия) «некогда» (*olim*) крещен в Саксонии, но члены его семьи, и даже жена оставались язычниками. Обращение было решено начать с его родственников и близких. В результате крещение приняла «вся его семья» (*omnis familia eius*), в которой оказалось «*anime [...] plus quam quingente*» («более пятисот человек»), среди которых были «*propinqui eius et amici cum domesticis suis*» [61. II. 9. S. 70] («родственники и друзья с его домочадцами»). Перевод этот условен, так как в средневековой латыни *amicus* – не столько «друг», сколько протезе, лицо, находящееся под покровительством, а *domestici* – не «домочадцы» в классическом древнеримском смысле (члены *familia*, состоявшей из родственников, клиентов, вольноотпущенников и рабов), а слуги разного статуса, «министерялы» [63. Р. 44, 348]. Герборд называет его *civis nobilis*, что может означать как «знаменитый горожанин», так и «знатный горожанин». После своего обращения он стал одним из главных помощников еп. Оттона в деле крещения щецинцев, и действовал вместе «со своими друзьями и родственниками» (*cum amicis et cognatis suis*). Немалую роль он сыграл и во время решающего городского собрания, в ходе которого он «подобно глашатаю рукой и голосом сдерживал ропот недовольного народа», пока миссионер обращался к людям со специальных ступеней (*gradus lignei*) [64. II. 26. S. 175, 177–179].

Со вторым щецинским вельможей – Вышаком – мы встречаемся во время второго миссионерского путешествия «апостола поморян» в 1128 г. VP сообщает о нем со свойственным ей лаконизмом, что он был «*predives ac prepotens*» («чрезвычайно богатый и могущественный») и незадолго до описываемых событий посещал Данию («*ad Danorum provinciam paulo ante transierat*») [62. III. 10. S. 128–129]. Эбон рассказывает о нем значительно подробнее: это «могущественнейший из горожан» («*potentissimus de civibus*»), «знаменитейший среди сограждан богатством и славой». Известен он был тем, что «имел обыкновение часто плавать в землю датчан и привозить из нее добычу». Для одной из своих «навигаций», а по сути дела грабительской экспедиции, он сумел снарядить для нападения на «враждебных ему датчан» целый флот в шесть кораблей [61. III. 2. S. 94–95]. По

подсчетах специалистов общая численность войска Вышака должна была достигать 250 чел. с учетом того, что на одном корабле размещалось 44 чел. [64. S. 95. Ann.].

О волинском Недамире мы узнаем от Эбона, что ко времени первого миссионерского путешествия Оттона Бамбергского он был тайным христианином и, что для нас в данном случае важнее, «славнейшим среди сограждан богатством и могуществом» («divitiis et potentia inter suos orpinatissimus»). Его богатство и слава также были связаны с морским промыслом: он смог предоставить миссионерам для переезда в Щецин «три больших корабля, груженных большим запасом продовольствия» [61. II. 8. S. 68–69] (см. также [64. II. 26. S. 111–112]).

Таким образом, в западнопоморских городах часть общественной элиты в житиях еп. Оттона именуется понятием, связанным со «старостью», «старшинством». Обращает на себя внимание также и то, что речь явно идет именно о социальной категории, а не просто о стариках, так как словосочетание *maiores natu* постоянно выступает в паре с терминами, явно характеризующими лиц высокого статуса (*principes, primates*). Мы, как и в предыдущих случаях, увы, не знаем, каково было славянское наименование этих *maiores natu*, но ясно, что это, во-первых, знать, во-вторых, знать неслужилая, поскольку западнопоморские города в то время были автономны по отношению к князю и не управлялись его дружинниками. Конкретные типы поморской знати, о которых шла речь выше, конечно, совершенно не вписываются ни в феодальную, ни в дружинную схемы. С другой стороны, у нас нет больших оснований говорить применительно к ним и о родоплеменной аристократии. Для науки XIX в., в которой господствовала эволюционистская концепция о переходе от «родового быта» к «государственному», здесь не было проблемы: государствам предшествовали кровнородственные объединения низшего (собственно роды) и высшего (племени) уровней (см. на западнославянском примере [65. S. 142–144]). Марксистская историография интерпретировала эту схему по-своему (в рамках представления о смене «общественно-экономических формаций»), но в сущности сохранила ее основы в неприкосновенности. Везде и всегда должны были существовать «родоплеменные» общности, а значит, и «родоплеменная» аристократия. Эта теоретическая парадигма определяет сознание многих ученых и в наше время. Так, Горский, ставящий, как уже говорилось, под сомнение существование «племенной» знати в известных исторически славянских обществах, совсем не отрицает ее существования в принципе; она *должна* была существовать и, по мнению историка, «*несомненно* (курсив мой. – П.Л.) существовала в праславянских племенах «дорасселенческого периода»» [66. С. 19] – несмотря на то, что о последних нам не известно ровным счетом ничего¹⁶. Более того, никакого единого «родоплеменного» строя не наблюдается и у древних германцев, относительно которых существует значительно больше данных, чем о славянах. Очень четко об этом написал В. Поль в новейшем обзоре проблемы: «*Одного* (древне)германского общественного строя не существовало. У разных германских народов были очень разные формы организации власти, от надрегионального королевства Марбода до региональных (мелких) королевств алеманов, вплоть до *gentes*, у которых, очевидно, королевская власть отсутство-

¹⁶ Ссылки на общеславянскую лексику вряд ли помогают делу: наличие в ней слов *l'udь/*l'udьje или *gospod'/*gospodinъ свидетельствует, конечно, о какой-то дифференциации, но ничего не говорит о ее природе и тем более не позволяет делать выводы о том, что первые – это именно «свободные общинники», а вторые – «племенная знать» (ср. [17. С. 157]); эти выводы вытекают не из источников, а из теоретических представлений, основывающихся на концепции Моргана – Энгельса.

вала. Также не прослеживается линейное развитие, якобы ведущее к усилению позиций королей; еще в VIII в., наряду с организованной королевской властью у франков существовали не имевшие королевской власти саксы» [67. S. 65].

Выше уже шла речь о том, что сама «племенная» парадигма в свете современных научных данных ставится под сомнение. Что касается аристократии в догосударственных общностях, то тут ситуация весьма неоднозначна. Если говорить о европейских обществах, схожих со славянскими «племенами» в хозяйственно-культурном отношении, то повсюду элитарные группы, не принадлежащие при этом к дружине, обнаруживаются. Например, у балтийских пруссов такая категория населения была отмечена уже в англосаксонском тексте путешественника Вульфстана, побывавшего в районе современного Эльблонга ок. 900 г. В нем говорится, что в «Эстланде» «в каждой крепости был король» («on ælcere byrig bið cyningc»); «король и ricostan men (досл.: «могущественнейшие люди». – П.Л.) пили кобылье молоко» («se cyning 7 þa ricostan men drincað myran meolc»), а остальные – *unspedigan* («бедные») и *þeowan* («рабы») – пили мед (*medo*) [68. P. 17]. В гораздо более позднее время, у Петра из Дусбурга этим категориям соответствуют латинские понятия: *reges*, *nobiles*, *communis populus* [31. S. 16]. Таким образом, у пруссов какая-то знать («короли» и *ricostan men*) имелась. Прусские нобили не были дружинниками, последние, вероятно выступали в немецких источниках под наименованием «Witinge» (от прусск. *witing*, этимологически связанного со славянск. «вита́зь») [31. S. 26–28]. Точно так же у всех без исключения германских племен наличествовала элитная прослойка. Другое дело, что в разных племенах она имела разную природу, и нет возможности свести все ее варианты к одной схеме и вписать в одну – будь то «родоплеменную», «дружинную» или «феодальную» модель. Так, у ряда германских племен (например, у франков или баваров), как и в любом, даже самом примитивном обществе, были лидеры, могущественные люди, но они не составляли замкнутой группы и их влияние, весьма большое в реальности, никак не фиксировалось законом. Повышенным вергельдом охранялись определенные должностные лица, но их статус не передавался по наследству. У алеманов, бургундов и лангобардов существовало деление на ранги, основывавшееся, вероятно, на месте каждого члена объединения в войске (яснее всего это зафиксировано для лангобардов). Это место было тесно связано с «качеством» (*qualitas*) человека, и высокое «качество» не было жестко детерминировано происхождением, но зависело и от личных свойств. Границы между рангами были преодолимы, и в целом деление на аристократию и рядовое население отсутствовало. В других германских общностях (у саксов, фризов и тюрингов) наблюдается, напротив, именно такое четкое разделение свободных людей на аристократию и рядовое население. В частности, принадлежность человека к саксонским эделингам определялась именно происхождением, а не богатством или военным снаряжением. Применительно к этим племенам и можно говорить о «родовой аристократии», естественно, понимая под родом родственное объединение, а не обязательно экзогамный союз по Моргану – Энгельсу. В высшей степени существенно, что в латинских источниках по отношению ко всем этим чрезвычайно различным элитным группам могли использоваться одни и те же понятия: *nobiles*, *optimates*, *primi* и т.д. (об элитных группах у германцев см. [69. S. 205–253]). Определить их сущность можно только в результате тщательного изучения соответствующих племенных «правд» (*leges barbarorum*). К сожалению, в нашем распоряжении нет древлянской, радимичской или северянской «правд», поэтому суждения о характере восточнославянской «племенной» знати на основе

эпитетов, встречающихся в нарративных источниках и носящих, главным образом, литературный характер, будут неизбежно произвольными. Однако нет никаких серьезных оснований считать, что у славян отсутствовали недружинные элитные группы, разнообразные формы которых известны у балтов или германцев.

Наши поморянские герои предстают перед нами в источниках как лидеры местного общества, высокое положение которых основывается: а) на выдающихся личных качествах; б) богатстве; в) родовитости. Именно это позволяло им концентрировать вокруг себя «родственников и друзей» – клиентелу, которая в случае чего могла поддержать их, в том числе и с оружием в руках. Но каких-либо формальных служебных отношений с князем у них не существовало. Больше всего такой тип лидерства напоминает предложенную французским этнологом М. Годелье для примитивных обществ модель «грейтмена» – нечто среднее между классическим вождем, власть которого строго передается по наследству и сохраняется как в военное, так и в мирное время, и «бигменом» (термин М. Салинза [70. P. 162–188]¹⁷), авторитет которого связан, главным образом, с личным богатством и умением его перераспределять. Лидерство грейтмена, базирующееся, прежде всего, на личных качествах, обычно связано и с богатством, и с военными успехами, но носит гораздо более аморфный и неформальный характер, чем власть вождя. В военное время оно неоспоримо, в мирное время – может быть почти незаметным, хотя его авторитет сохраняется [72]. Любопытно отсутствие данных о каких-либо титулах у обсуждаемых персонажей, что характерно именно для грейтмена, а не вождя. Разумеется, недостаток сведений позволяет судить обо всем этом со значительной долей условности, и, конечно, *напрямую* тех же лидеров довольно уже развитых городских центров Западного Поморья сравнивать с меланезийскими бигменами и грейтменами нельзя. Тем не менее, стоит заметить, что «модели грейтмена» идеально соответствуют представители элиты еще одного этнической общности «варварской Европы» – балтийских пруссов, которые сохраняли свои общественные и религиозные (языческие) традиции вплоть до XIV в. В силу последнего обстоятельства о знати прусских племен известно существенно больше, чем о знати племен славянских. Между тем, как отмечает Х. Ловмянский, изучивший социальный строй балтских племен, у пруссов вожди (в латиноязычной «Хронике земли Прусской» Петра из Дусбурга: *capitanei, duces*) избирались на время войны, полномочия их носили временный характер. В то же время выдвигались они из среды местных нобилей, выделявшихся авторитетом и богатством [73. S. 308–309]. В качестве примера польский исследователь приводит упомянутого Петром из Дусбурга прусского нобиля Скуманда, который сначала, в повествовании о войне одной из «племенных» прусских областей, Судовии, с Орденом назван «вождем судовов» («*Sudowitarum capitaneus*»), а потом оказывается вождем только одной из волостей (*territorium*) Судовии – Красима («*capitane[us] dicti territorii*»). При этом он характеризуется как человек «могущественный [...] и богатый» (*potens [...] et dives*) в этой волости [74. Pars III. 166. S. 128, 206. S. 143, 210. S. 142] (русский перевод см. [75. С. 119, 133, 134]).

Таким образом, использование этнологических моделей, не исключено, поможет размышлениям над тем, о каких типах знати может *в принципе* идти речь применительно к ранним славянским обществам.

Приведенные выше данные позволяют предполагать, что в славянских догосу-

¹⁷ Попытку применить теоретические разработки Салинза и Годелье к ранней истории славян см. [71. P. 315–329].

дарственных общностях (по крайней мере, в некоторых из них) могла существовать прослойка недружинной знати, вероятно, часто характеризовавшаяся понятиями, имеющими отношение к «старости», «старшинству». По-видимому, они обозначали не физическую старость, а символизировали высокий социальный статус. Речь идет, конечно, именно о *возможности* существования такой прослойки, а не о том, что она была везде и всегда. Славянские общества были весьма разнородны, и их социальные характеристики нельзя свести к одной схеме. Кроме того, необходимо сделать и другую оговорку. Значительная часть приведенных выше материалов относится к полабским и поморским славянам, которые часто в историографии рассматриваются как некое исключение, отклонившееся от магистрального пути развития, по которому шли те славяне, на чьей территории сформировались раннесредневековые государства: Польша, Чехия, Русь. Подробное обсуждение этой проблемы вновь увело бы нас в сторону, поэтому отмечу вкратце два обстоятельства.

Во-первых, уникальность полабских и поморских славян существует только, если ограничиваться собственно славянскими территориями. Если же обратиться к другим регионам «варварской Европы», мы увидим чрезвычайно любопытные параллели. Применительно к лютичам, у которых, как известно, отсутствовала княжеская власть, об этом очень точно написал К. Модзелевский: «Ученые, занимающиеся полабскими славянами, склонны трактовать лютичей как исключение из правила, своего рода достопримечательность, порожденную специфическим стечением исторических обстоятельств. Достаточно, однако, преодолеть этнические перегородки и посмотреть за Лабу, чтобы констатировать далеко идущее сходство между лютичами и саксами» [69. S. 356] (у которых также не было королей или князей). Что касается поморских славян, то Б.Н. Флоря и В.К. Ронин, определенно утверждают, что политическая структура их социума до середины XII в. была «принципиально сходна с политическим устройством шведских земель в IX–XI вв.» и, следовательно, также не может считаться уникальной в контексте «варварской Европы» [58. С. 130]. Впоследствии всюду там (за исключением народов, которые были покорены завоевателями и прекратили свое историческое существование) – и в Саксонии, и в Поморье, и в Швеции – сформировалась раннесредневековая государственность, несмотря на значительные особенности, схожая с той, которая сложилась в других областях «нероманской» Европы.

Во-вторых, однозначное отнесение Руси к общей «центральноевропейской модели», суть которой состояла в господстве княжеско-дружинной знати над рядовым населением, осуществлявшимся с помощью централизованной эксплуатации, требует существенных оговорок. В такую модель очень сложно вписать социальный строй русского Северо-Запада, который в то же время имеет явные параллели с социальной системой, существовавшей в раннее Средневековье в городах Западного Поморья. Наконец, такой важнейший политический фактор на Руси, как вече, также не находит адекватного объяснения в рамках «дружинной» модели (если в Польше или Чехии городские собрания, напоминающие древнерусское вече, носили эпизодический характер, а власть в городах всецело принадлежала князьям, то на Руси городское вече, как известно, и в XII в. неоднократно их приглашало и изгоняло). Разумеется, это не означает того, что «дружинная модель» вообще нерелевантна для Руси и ее нужно заменить какой-нибудь другой схемой, наоборот, она объясняет многие особенности ее общественного строя. Это лишь означает, что на колоссальной территории Древнерусского государства,

образовавшегося в результате объединения разнородных славянских и неславянских «племенных» общностей под властью династии Рюриковичей, действовали разные социально-экономические и политические тенденции. И это обстоятельство не дает возможности ограничить поле сопоставления только какой-либо одной «моделью» или схемой, но заставляет изучать социально-политический строй Руси в контексте всей «варварской Европы».

В этой сравнительно-исторической перспективе следует, думается, рассматривать и древнерусских «старейшин» и «старцев». Заслуживает внимания точка зрения по этому поводу, высказанная еще Насоновым, согласно которой идея Строева о литературном происхождении понятия «старцы градские справедлива лишь частично: «прибавление “градские” навеяно литературными воспоминаниями», но «старцы» как таковые – «вполне реальный и характерный институт общественного быта». В подтверждение историк приводил упоминание *maiores natu* в описании миссионерских поездок Оттона Бамбергского [76. С. 25] (хотя, как мы видели, есть и гораздо более ранние упоминания, относящиеся к X в.). Даже если вслед за Львовым и Завадской считать, что лексемы «старцы» и «старейшины» в живой речи восточных славян не использовались, в ней, несомненно, присутствовали слова с близкой семантикой. Так, в живом языке, несомненно, использовалось слово «старосты»: к наблюдениям Львова о том, что оно встречается в древнерусских оригинальных памятниках и «ни одного разу не встречается в памятниках ст.-слав. письменности» [11. С. 185–186], можно добавить еще и то, что это слово имеется в берестяных грамотах домонгольского времени, самая ранняя из них – № 900 – относится по стратиграфическим данным к 20–30-м годам XII в. [77. С. 286, 312, 319–320, 382, 408]. Кроме того, в новгородской берестяной грамоте № 831 (по стратиграфическим данным датируется 2-й четвертью XII в.) есть другая лексема – «старший»; так в ней назван некий Рагуил («отъ коузъме и отъ дети его къ рагоуилови ко старъшоум[о](у)»), которого А.А. Гиппиус отождествляет с Рагуилом – ладожским посадником в 1132 г. и одновременно с упоминающимся позднее боярином и тысяцким князя Владимира Мстиславича Рагуилом Добрыничем [77. С. 302–304]. А.А. Зализняк отмечает, что «старший» в этом контексте «скорее всего обозначает не возраст, а должность» [77. С. 304]. По мнению С.И. Иорданиди, эту форму корректнее транскрибировать не как «старъшомо(у), а как «старѣшомо(у)» [78. С. 356]. Именно в такой форме встречается это субстантивированное прилагательное в древнейшем списке Ерижской редакции договора Смоленска с немецкими городами 1229 г.: «Роусиноу же не лзѣ приставити децьского на немчича Смоленське, нѣ переже обѣстити емоу старейшему. Оже старейшии его не оумолвить, то лзе емоу децьскыи приставити» [79. С. 43]. В высшей степени существенно, что в других списках (Дрижской редакции и Аготландской) «старейшему» соответствует «староста» [79. С. 33, 23], что обнаруживает тождество этих обозначений. В договоре имелись в виду немецкие купеческие старосты (= «старейшие»), но нас в данном случае интересует само наличие таких терминов в живой языковой практике. Этот момент не очевиден, поскольку формы на -ѣш живому народному языку, «за небольшими исключениями, были чужды». К таким исключениям и относится форма «старѣшии», впоследствии эволюционировавшая в форму «старшии», – «одна из наиболее употребительных форм ср[авнительной] с[тепени] в письменности древнерусского периода, ориентированной на народно-разговорный язык» [78. С. 356–358].

Безусловно, «старосты» и «старшие» («старейшие») XI–XII вв. не имели уже

отношения к восточнославянским «племенам» и к «племенной» знати (например, в берестяной грамоте № 676 50-х – сер. 90-х годов XII в. старостой оказывается носитель скандинавского имени Якун [77. С. 382]). Значение этих терминов было совершенно иным. Но они убедительно показывают саму возможность существования обозначений подобного рода и в догосударственных общностях, которые были вытеснены впоследствии литературными наименованиями. Имея в виду западнославянские данные о *seniores*, можно говорить о высокой вероятности этого. Как уже говорилось, точные славянские соответствия греческих, арабских, латинских терминов в южно- и западнославянских регионах неизвестны. Но есть основания предполагать, что это могли быть те же «старосты» и «старшие», что, по-видимому, имело место у восточных славян. Так, в языке лужицких сербов оба этих слова – и «старосты», и «старшие» как субстантивированное прилагательное – зафиксированы¹⁸. Первое, например, встречается в написанном на немецком языке официальном документе из города Герлица (1376 г.): «*Myt dem staraszem auf dem Lande*», где староста – деревенское должностное лицо. Яркий же пример употребления слова «старший» в значении «член высшего слоя населения, общественной элиты» – упоминание в переводе Евангелия (Мф.: 21, 23): «*A teho luda starschi*» (речь в Новом Завете идет, конечно, не о стариках, а о «старейшинах (иудейского) народа») [81. S. 1355–1356]. Слово «староста» распространено как в восточно-, так и в западнославянских языках (польском, чешском, словацком, верхнелужицком) [82. С. 747]. Есть данные о его существовании и в языке полабских славян [83. S. 765–766]. Этимологически оно связано с понятиями «старость» и «старый», а лексемы, родственные последнему, есть и в ряде древних индоевропейских языков, таких, как древнеисландский или древнеиндийский, где они имеют значение характеристик чего-то (кого-то) выдающегося («большой», «сильный», «крепкий», «важный» и т.д.).

Впоследствии, конечно, и такие, вероятно, изначально литературные понятия, как «старцы» или «старейшины» представляли собой уже не фикции, а термины, использовавшиеся древнерусскими книжниками для характеристики реальных групп населения. Об этом, в частности, свидетельствует их употребление применительно к другим этносам, где существование местной знати несомненно (например, представитель финно-угорского населения – известный Пелгусий из жития Александра Невского именуется «старѣшина в земли Ижерьской» [84. Т. III. С. 292]).

Предложенное понимание подтверждается и данными русских народных говоров. Слово «старейшина» в них вообще не зафиксировано, а слово «старец» не фигурирует в социальном значении [85. С. 67, 68–69]. Зато фиксируются «старший» («старшóй») как субстантивированное прилагательное, обозначающее лицо, возглавляющее семью, артель, распоряжающееся в ней, и «староста» [85. С. 87, 83]¹⁹.

Таким образом, представляется доказанной возможность существования у славян недружинной (или, по сложившейся терминологии, племенной) знати, к

¹⁸ На этом основании В. Прохазка уже высказывал предположение о том, что саксонские *supani* и *eldesten* могли именоваться «старостами» [80. С. 42].

¹⁹ Попутно замечу, что приведенный в этом словаре пример к значению слова «старшие» (мн., в знач. суц.) со ссылкой на В.И. Даля: «Как старшие положат, на том и пригороды станут» (С. 83) – следствие недоразумения. Даль взял эту фразу не из народных говоров, а из Лаврентьевской летописи, из известного рассказа о вечерних порядках на Руси [84. Т. I. Стб. 377–378].

которой могли прилагаться термины, связанные с возрастными обозначениями²⁰. Вполне вероятно, что у восточных славян поздние термины литературного происхождения («старейшины», «нарочитые мужи» и др.) вытеснили реально существовавшие понятия, обозначавшие эту прослойку (типа «старейший»/«старший» или «староста»).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Соловьев С.М. Сочинения. М., 1993. Кн. 1. История России с древнейших времен. Т. 1–2.
2. Ключевский В.О. Боярская дума древней Руси. М., 1909.
3. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. М., 2005.
4. Пресняков А.Е. Княжое право в древней Руси. Очерки по истории X–XII столетий. М., 1993.
5. Свердлов М.Б. Переходный период: от племени к государству // Правящая элита Русского государства IX – начала XVIII в.: Очерки истории. М., 2006.
6. Строев В.Н. По вопросу о «старцах градских» русской летописи // Известия Отделения русского языка и словесности Российской академии наук. 1918 г. Пг., 1919. Т. XXIII.
7. Фроянов И.Я. Киевская Русь. Главные черты социально-экономического строя. СПб., 1999.
8. Тихомиров М.Н. Древнерусские города. М., 1956.
9. Завадская С.В. О «старцах градских» и «старцах людских» в Древней Руси // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978.
10. Завадская С.В. К вопросу о «старейшинах» в древнерусских источниках XI–XIII вв. // Древнейшие государства на территории СССР. 1987 г. М., 1989.
11. Львов А.С. Лексика «Повести временных лет». М., 1975.
12. Fried M. The Notion of Tribe. Menlo Park, 1975.
13. Кабо В.Р. Первобытная доземледельческая община. М., 1986.
14. Boroń P. Słowiańskie wiece plemienne. Katowice, 1999 (Prace Naukowe Uniwersytetu Śląskiego w Katowicach. № 1841).
15. Urbańczyk P. Trudne początki Polski. Wrocław, 2008.
16. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1961.
17. Буданова В.П., Горский А.А. Ермолова И.Е. Великое переселение народов. Этнополитические и социальные аспекты. М., 1999.
18. Горский А.А. О «племенной знати» и «племенах» у славян // Florilegium. К 60-летию Б.Н. Флори. М., 2000.

²⁰ Возрастными терминами, разумеется, не исчерпывается вероятная терминология славянской догосударственной знати. Например, возможность использования в живом языке эпитета «лучший» для обозначения знатного лица свидетельствует очень ранней новгородской берестяной грамотой № 246 (датируется по стратиграфическим данным сер. 20-х – сер. 90-х годов, а скорее всего, – до 50-х годов XI (!) в., т.е. временем, когда некоторые восточнославянские «племена», безусловно, существовали). В ней упоминается некий «лоуцшии новгородянин» – «знатнейший новгородец» [77. С. 280–281; 86. С. 436]. На память сразу приходят древлянские «лучшие мужи» из рассказа о мести княгини Ольги. В. Фритце уже обратил внимание на терминологическую близость между последними и ободритскими *meliores ac praestantiores* (дословно: «лучшие и превосходнейшие») [87. S. 181–182]. Горский ссылается на то, что древлянские «лучшие мужи» в другом месте летописи названы также «дружиной» (как доказательство того, что они могли быть членами «княжеской дружины»), представителями «новой служилой знати» [18. С. 62], однако, сами древляне сказали Ольге: «Гдѣ суть дружина **наша** (а не князя. – П.Л.), ихъ же **послахомъ** (а не князь послал. – П.Л.) по тебе?» (ср. также летописные указания на то, что Древлянская земля, прежде всего, избирала и посылала «лучших мужей» в Киев [84. Т. III. С. 110–112; Т. I. Стб. 55–57]. Не так все однозначно и со скептической оценкой этого фрагмента Горским («несет легендарные черты и записан через много десятилетий после описываемых событий» [18. С. 61–62]). Эпический характер повествования очевиден, но его отдельные детали вполне могут быть достоверными, во всяком случае, как выясняется, вопреки А.А. Шахматову, он появился не в «Начальном своде» 90-х годов XI в., а относится к «наиболее архаичному пласту текста» Начальной летописи [88. Р. 179. Примеч.]. Этот «древнейший пласт» разными исследователями датируется временем от конца X в. до 30-х годов XI в., следовательно, о *многих* десятилетиях речь не идет – в эпоху написания текста могли быть еще живы современники событий и уж во всяком случае, их дети.

19. Μαλιγκούδης Φ. Σλάβοι στη μεσαιωνική Ελλάδα. Θεσσαλονίκη, 1991.
20. Константин Багрянородный. Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий / под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. М., 1989.
21. Zhekov Zh. On the Titles of Balkan Aristocracy in the 7th–9th c. // Balkan Studies (= Études balkaniques). 2003. № 4.
22. Ferluga J. Archon. Ein Beitrag zur Untersuchung der südslavischen Herrschertitel im 9. und 10. Jahrhundert im Lichte der byzantinischen Quellen // Tradition als historische Kraft. Interdisziplinäre Forschungen zur Geschichte des früheren Mittelalters. Berlin; New York, 1982.
23. Любарский Я.Н. Сочинение Продолжателя Феофана. Хроника, история, жизнеописание? // Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей. СПб., 1992.
24. Hardt M. Der Supan. Ein Forschungsbericht // Zeitschrift für Ostforschung. Länder und Völker im östlichen Mitteleuropa. 1990. 39. Jahrgang.
25. Theophanes Continuatus. Chronographia / ex. rec. I. Bekkeri. Bonnae, 1838 (Corpus scriptorium historiae Byzantinae).
26. Codex diplomaticus Saxoniae Regiae / hg. von O. Posse, H. Ermisch. Leipzig, 1889. Hauptteil I. Bd. II.
27. Hardt M. Aspekte der Herrschaftsbildung bei den frühen Slawen // Integration und Herrschaft. Ethnische Identitäten und soziale Organisation im Frühmittelalter / hg. von W. Pohl, M. Diesenberger. Wien, 2002. (Österreichische Akademie der Wissenschaften. Phil.-hist. Klasse. Denkschriften. Bd. 301. Forschungen zur Geschichte des Mittelalters. Bd. 3).
28. Leipoldt J. Wesen und Wandlungen der Saupenverfassung im Amte Meißen // Vom Land und Kultur. Beiträge zur Geschichte des mitteldeutschen Ostens. Zum 70. Geburtstag Rudolf Kötzschkes. Leipzig, 1937.
29. Malingoudis Ph. Die Institution des župans als Problem der frühslavischen Geschichte. Einige Bemerkungen // Cyrillomethodianum. Recherches sur l'histoire des relations helléno-slaves. Thessalonique, 1972–1973. [Vol.] V.
30. Havlík L.E. Slovanské státní útvary raného středověku. Politické postavení, společenská a vládní organizace státních útvarů ve východní, střední a jihovýchodní Evropě od 8. do 11. století. Praha, 1987.
31. Wenskus R. Über einige Probleme der Sozialordnung der Prussen // Acta Prussica. Abhandlungen zur Geschichte Ost- und Westpreußens. Fritz Gause zum 75. Geburtstag. Würzburg, 1968 (Beihefte zum Jahrbuch der Albertus-Universität Königsberg/Pr. XXIX).
32. Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1995. Т. II. VII–IX вв.
33. Theophylacti Simocattae Historiarum libri octo / rec. I. Bekkerus. Bonnae, 1834 (Corpus scriptorum historiae byzantinae).
34. A Greeco-English Lexicon, compiled by H.G. Liddell and R. Scott, revised and augmented throughout by sir H. Stuart Jones with the assistance of R. McKenzie and with the cooperation of many scholars, with a revised supplement. Oxford, 1996.
35. Benedicty R. Die auf die frühslavische Gesellschaft bezügliche byzantinische Terminologie // Actes du XII Congrès international d'études byzantines. Ochride, 10–16 septembre 1961. Beograd, 1964.
36. Theophanis. Chronographia / rec. C. de Boor. Lipsiae, 1883.
37. Lampe G.W.H. A Patristic Greek Lexicon. Oxford, 1961.
38. Engels P. Der Reisebericht des Ibrāhīm ibn Ya'qūb (961/966) // Kaiserin Theophanu. Begegnung des Ostens und Westens um die Wende der ersten Jahrtausend. Gedenkschrift des Kölner Schnütgen-Museums zum 1000. Todesjahr der Kaiserin / hg. von A. von Euw, P. Schreiner. Köln, 1991. Bd. I.
39. Widajewicz J. Studia nad relacją o Słowianach Ibrahima ibn Jakuba. Kraków, 1946 (Polska Akademia Umijętności. Rozprawy Wydziału Historyczno-Filozoficznego. Seria II. T. XLVI. Nr. 1).
40. Ковалевский А.П. Славяне и их соседи в первой половине X в. по данным аль-Масуди // Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений. М., 1973.
41. Мишин Д.Е. Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее средневековье. М., 2002.
42. Relacja Ibrāhīma ibn Ja'kūba z podróży do krajów słowiańskich w przekazie al-Bekriego / ed. T. Kowalski / Monumenta Poloniae Historica. Nova series. Kraków, 1946. T. I.
43. Thietmari Merseburgensis episcopi chronicon / Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum. Nova Series. Berlin, 1935. T. IX. Hg. von R. Holtzmann.
44. Lübke Chr. Regesten zur Geschichte der Slaven an Elbe und Oder (vom Jahr 900 an). Berlin, 1985. Teil II. Regesten 900–983 (Osteuropastudien der Hochschulen des Landes Hessen. Reihe I. Giessener Abhandlungen zur Agrar- und Wirtschaftsforschung des Europäischen Ostens. Bd. 133).
45. Die Reichschronik der Annalista Saxo / hg. von K. Nass. Hannover, 2006 (MGH. Scriptores. T. XXXVII).
46. Naß K. Die Reichschronik der Annalista Saxo und die sächsische Geschichtsschreibung im 12. Jahrhundert. Hannover, 1996 (MGH Schriften. Bd. 41).

47. *Schlimpert G.* Slawische Personennamen in mittelalterlichen Quellen zur deutschen Geschichte. Berlin, 1978 (Deutsch-slawische Forschungen zur Namenkunde und Siedlungsgeschichte. № 32).
48. *Назаренко А.В.* Западноевропейские источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников / под ред. Е.А. Мельниковой. М., 1999.
49. *Annales de Saint-Bertin* / publ. par F. Grat, J. Viellard et S. Clémencet; introduction et notes par L. Levillain. Paris, 1964.
50. *Schlesinger W.* Die Verfassung der Sorben // Siedlung und Verfassung der Slawen zwischen Elbe, Saale und Oder. Giessen, 1960.
51. *Brankač J.* Studien zur Wirtschaft und Sozialstruktur der Westslawen zwischen Elbe-Saale und Oder aus der Zeit vom 9. bis zum 12. Jahrhundert. Bautzen, 1964 (Schriftenreihe des Instituts für sorbische Volksforschung in Bautzen bei der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Bd. 23).
52. *Kötzchke R.* Zur Sozialgeschichte der Westslawen. Beobachtungen aus dem Mittelgebiet // Deutsche und Slawen im mitteldeutschen Osten. Ausgewählte Aufsätze. Darmstadt, 1961. S. 24.
53. *Lübke Chr.* Forms of Political Organisation of the Polabian Slavs (until the 10th century A.D.) // Origins of Central Europe. Warsaw, 1997.
54. *Annales Fuldenses sive Annales regni Francorum orientalis* / rec. F. Kurze. Hannover, 1891 (Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum ex MGH recusi).
55. *Hünicken R.* Die Eldesten // Thüringisch-sächsische Zeitschrift für Geschichte und Kunst. 1937. Bd. XXV.
56. *Lübke Chr.* The Polabian Alternative: Paganism between Christian Kingdoms // Europe around the Year 1000. Warsaw, 2001.
57. *Горский А.А.* Древнерусская дружина (К истории генезиса классового общества и государства на Руси). М., 1989.
58. *Ронин В.К., Флоря Б.Н.* Государство и общество у полабских и поморских славян // Раннефеодальные государства и народности. М., 1991.
59. *Petersohn J.* Einleitung. III. Quellen und Vorlage // Die Prüfeninger Vita Bischofs Ottos I. von Bamberg nach der Fassung der Großen Österreichischen Legendars. Hannover, 1999 (MGH. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi. T. LXXI).
60. *Дворецкий И.Х.* Латинско-русский словарь. М., 1986.
61. *Ebonis.* Vita S. Ottonis episcopi Babenbergensis / Monumenta Poloniae Historica. Series Nova. Rec. et ann. J. Wikarjak, praef. et comm. est K. Liman. Warszawa, 1969. T. VII. Fasc. 2.
62. Die Prüfeninger Vita Bischofs Ottos I. von Bamberg nach der Fassung der Großen Österreichischen Legendars. Hannover, 1999 (MGH. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi. T. LXXI).
63. *Mediae latinitatis lexicon minus* / comp. J.F. Niermeyer. Leiden. 1976.
64. *Herbordi.* Dialogus de vita S. Ottonis episcopi Babenbergensis / Monumenta Poloniae Historica. Series Nova. Rec. et ann. J. Wikarjak, praef. et comm. est K. Liman. Warszawa, 1974. T. VII. Fasc. 3.
65. *Wachowski K.* Słowańszczyzna zachodnia. Poznań, 2000 (wyd. 3) (Poznańskie towarzystwo przyjaciół nauk. Wznowienia. T. 6).
66. *Горский А.А.* От славянского Расселения до Московского царства. М., 2004.
67. *Pohl W.* Die Germanen. München, 2004 (2. Aufl.) (Enzyklopädie deutscher Geschichte. Bd. 57).
68. *The Old English Orosius* / ed. by J. Batley. Oxford, 1980.
69. *Modzelewski K.* Barbarzyńska Europa. Warszawa, 2004.
70. *Godelier M.* The making of great man. Male domination and power among the New Guinea Baruya. Cambridge; Paris, 1986.
71. *Curta F.* The Making of the Slavs. History and Archaeology of the Lower Danube Region, c. 500–700. Cambridge, 2002 (Cambridge Studies in Medieval Life and Thought. Fourth Series).
72. *Sahlins M.* Poor man, rich man, big-man, chief: Political types in Melanesia and Polynesia // Comparative Studies in Society and History. An International Quarterly. 1962–1963. Vol. V.
73. *Lowmiański H.* Studia nad dziejami Wielkiego Księstwa Litewskiego. Poznań, 1983 (Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu. Seria Historia. Nr. 108).
74. *Peter von Dusburg.* Chronicon Terrae Prussiae / hg. von M. Toeppen // Scriptores rerum Prussicarum (= Die Geschichtsquellen der Preussischen Vorzeit bis zum Untergange der Ordensherrschaft) / hg. von T. Hirsch, M. Toeppen, E. Strehlke. Leipzig, 1861.
75. *Петр из Дусбурга.* Хроника земли Прусской / изд. В.И. Магузова. М., 1997.
76. *Насонов А.Н.* История русского летописания XI – начала XVIII вв. Очерки и исследования. М., 1969.
77. *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. М., 2004.

78. Кузнецов А.М., Иорданиди С.И., Крысько В.Б. Прилагательные // Историческая грамматика древнерусского языка. М., 2006. Т. III.
79. Смоленские грамоты XIII–XIV веков / подг. к печати Т.А. Сумникова и В.В. Лопатин. М., 1963.
80. *Procházka V. Župa a župan // Slavia antiqua. Rocznik poświęcony starożytnościom słowiańskim.* Warszawa; Poznań, 1968. Т. XV.
81. *Schuster-Šewc H. Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache.* Bautzen, 1978. Bd. 18.
82. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1986. Т. III.
83. *Polanski K. Słownik etymologiczny języka drzewian połabskich.* Warszawa, 1993. Zeszyt 5.
84. Полное собрание русских летописей. М., 1997. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 2000. Т. III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов.
85. Словарь русских народных говоров. СПб., 2007. Вып. 41.
86. Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. М., 1991. Т. IV.
87. *Fritze W. Probleme der abodritischen Stammes- und Reichsverfassung und ihrer Entwicklung vom Stammesstaat zum Herrschaftsstaat // Siedlung und Verfassung.*
88. *Гуннуис А.А. Рекоша дружина Игоревы... К лингвотекстологической стратификации Начальной летописи // Russian Linguistics.* 2001. № 25.

© 2010 г. Б. Н. ФЛОРЯ

МОСКОВСКИЙ ДОГОВОР МЕЖДУ РОССИЕЙ И РЕЧЬЮ ПОСПОЛИТОЙ И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ПЛАНЫ А.Л. ОРДИНА-НАЩОКИНА

Заключение в январе 1667 г. Андрусовского мирного договора означало большие перемены в расстановке сил в восточной части Европы. Договор положил конец многолетней войне между Россией и Речью Посполитой, войне, которая не позволяла обоим государствам направить свои силы на решение стоявших перед ними других проблем, в том числе и внешнеполитических. Кроме того, с заключением договора был сделан важный шаг к соглашению обоих государств для совместной борьбы против угрозы с Юга. В ст. 18 и 19 договора устанавливалось, что в случае нападения войск крымского хана или султана, Россия и Речь Посполитая «общими силами и войски отпор бусурманом [...] давать будут» [1. № 398. С. 665]. Конкретно «о способу общей помочи», как предусматривалось ст. 30 договора, должны были договориться послы, которые приедут для ратификации Андрусовского договора [1. № 398. С. 643].

Эта договоренность была реализована с приездом в Москву осенью 1667 г. «великих» послов Речи Посполитой во главе с С. Беневским и заключением 4 декабря 1667 г. так называемого Московского договора. И ход длительных переговоров, предшествовавших соглашению, и само его содержание подробно рассматривались в научной литературе [2; 3. S. 88–109]. Однако до сих пор остается во многом неясным, какие планы связывали в Москве с заключением этого договора, как рассчитывали использовать его для решения своих внешнеполитических проблем.

В научной литературе можно найти указания на источник, который позволяет пролить свет на эту сторону дела – заметки главы Посольского приказа А.Л. Ордина-Нащокина на полях принадлежавшей ему копии Московского договора [2. С. 135; 4. S. 65]. Анализ этих заметок показывает, что А.Л. Ордин-Нащокин рассматривал Московский договор как важное долговременное соглашение. Для закрепления наметившегося сотрудничества он был готов пойти на уступки польско-литовской стороне в решении ряда спорных вопросов [5. С. 168–169]. Заметки позволяют судить и о том, как А.Л. Ордин-Нащокин рассчитывал использовать Московский договор для решения внешнеполитических проблем, прежде всего по отношению к южным соседям – Крымскому ханству и Османской империи.

Первый пункт Московского договора предусматривал, что в случае нападения этих южных соседей царь выставит 5 тыс. конницы и 20 тыс. пехоты, которые

Флоря Борис Николаевич – чл.-корр. РАН, зав. отделом Института славяноведения РАН.

должны будут соединиться с войсками Речи Посполитой между Днепром и Днестром. При этом оба государства обязывались не вести сепаратных переговоров с ханом или султаном. Совместные силы должны были действовать не только против татар и османов, но и против «своевольных людей» – казаков, которых следовало «принудить [...] к послушанию и отлучению от бусурман» [1. №. 420. С. 728–731]. Таким образом, по общему смыслу этой части соглашения русские войска должны были содействовать защите земель Речи Посполитой от нападения татар и османов и подчинению ее властям населения Правобережной Украины, гетман которой, Петр Дорошенко, был союзником крымского хана и вассалом султана. Несомненно, для представителей польско-литовской стороны именно в этом состоял главный смысл заключенного соглашения.

Как справедливо указал Г.А. Санин [2. С. 135], А.Л. Ордин-Нащокин, как показывают его заметки, оценивал тексты соглашения, касавшиеся казаков, иначе и вкладывал в них иное содержание. В тексте соглашения положениям о совместных действиях против казаков предшествовала преамбула, где указывалось, что казакам будут прощены все их враждебные поступки в прошлом, если «казаки украинские противные (т.е. враждебные. – *Б.Ф.*) за обсылкою обоих великих государей или которого ни есть из них, ту милость и добродейние благодарно приняв, от бусурман отлучилися и болши с ними совету не имели». Этот текст А.Л. Ордин-Нащокин сопроводил таким комментарием: «Зело сие прехвально, чего прежде поляки слышать не хотели, а ныне, под заступление склонясь, волю казаком дали, кого они захотят к себе принять и в послушании быть» [6. Кн. 105. Л. 633]. Для понимания этого текста важно привести еще одну заметку на полях текста, говорившего о посылке войск на Украину: «На сие разум промыслом быти, а не все кровью приводить и держать» [6. Кн. 105. Л. 634]. Таким образом, глава Посольского приказа вовсе не стремился вести военные действия против казаков Правобережья, а приведенный выше текст Московского договора толковал как выражение согласия польско-литовской стороны на мирное присоединение Правобережной Украины к России, если ее население откажется от союза с «бусурманами».

Правильность такого понимания высказываний политика подтверждается текстом другого документа – его доклада царю. В нем «посольских дел оберегатель» доказывал, что надо вступить в переговоры с казаками Правобережья и при этом «не следует остерегатца поляков, в противности чего бы не показалось мирному утверждению», так как Московским договором «поволено и утвержено, кого они захотят, им дано на волю» [6. Кн. 105. Л. 672]. Употребленные А.Л. Ординым-Нащокиным слова о «мирном утверждении» имели в виду Андрусовский договор, по которому Правобережная Украина признавалась частью Речи Посполитой. Он доказывал царю, что переход Правобережного гетманства под власть России не будет нарушением этого соглашения, так как по Московскому договору польско-литовская сторона якобы согласилась на пересмотр условий, выработанных в Андрусове, в этом важном пункте, если таким путем будет разорван союз Правобережного гетманства с Османской империей и Крымом.

Заметки позволяют также установить, что, по мнению русского канцлера, заставило Речь Посполитую пойти на такую важную уступку. В этой связи обращают на себя внимание слова, что поляки, «под заступление склонясь, волю казакам дали». Их смысл, как представляется, можно раскрыть, рассмотрев еще одну заметку на полях Московского договора: «А тот промысл, как денги, так и рати, в вечной окуп за Украину» [6. Кн. 105. Л. 633–634]. Таким образом, по

убеждению А.Л. Ордина-Нащокина, на переговорах в Москве в обмен за «заступление» – военную и дипломатическую поддержку русского правительства в будущем конфликте с Османской империей и Крымом польско-литовская сторона дала завуалированное согласие на присоединение Правобережной Украины, и эту возможность, по его мнению, следовало непременно использовать.

При заключении Московского договора был поднят вопрос и о решении другой важной внешнеполитической проблемы, стоявшей перед Россией. В своих записках 1660-х годов, адресованных царю, А.Л. Ордин-Нащокин постоянно поднимал вопрос о том, что в союзе с Речью Посполитой можно будет добиться уступок от Швеции, важных, благоприятных для союзников перемен в Балтийском регионе [4. С. 59–61]. Важный шаг в этом направлении был предпринят во время переговоров в Москве. Здесь русская сторона выступила с предложением созвать в июне 1668 г. трехсторонний русско-польско-шведский съезд на территории Курляндии, где были бы выработаны благоприятные условия торговли для подданных всех трех государств. Послы Речи Посполитой обязались довести эти предложения до сведения короля и Речи Посполитой. Эта договоренность была зафиксирована в ст. 8 Московского договора [1. № 420. С. 733–734]. К тексту статьи А.Л. Ордин-Нащокин сделал следующий комментарий: «Сия осмая статья замыкает в себе великую государственную тайну», а от ее осуществления «великой Росии [...] прибытки неоцененные будут» [6. Кн. 105. Л. 649 об.]. Эта заметка показывает, какое значение придавалось созыву съезда. Руководитель Посольского приказа явно рассчитывал, что на нем благодаря совместному выступлению союзников будет ликвидировано (или значительно смягчено) принудительное посредничество немецких купцов – подданных шведского государства при заключении сделок с русскими и западноевропейскими купцами, т.е. будет сделан важный шаг к благоприятному для России решению «балтийского вопроса».

Важные сведения о планах главы Посольского приказа и первых шагах, направленных на осуществление этих планов, содержит наказ посланникам И.П. Акинфову и Я. Поздышеву, отправленным в Варшаву в конце декабря 1667 г. добиваться ратификации сеймом Московского договора.

Содержание наказа показывает, как глава Посольского приказа оценивал международную ситуацию в самом конце 1667 г. Хотя Московский договор был прежде всего соглашением о военно-политическом союзе России и Речи Посполитой, направленном против Османской империи и Крыма, содержание наказа говорит о том, что глава Посольского приказа был убежден, что само заключение такого союза заставит Османскую империю и Крым воздержаться от враждебных действий. Не случайно в наказе много места было посвящено тому, каковы должны быть условия мирных соглашений с этими государствами и какими способами следует в дальнейшем обеспечить сохранение мира. Так, в будущий договор с Османской империей следовало бы внести условие, чтобы султан «не вступался» в случае, если христианские государи станут давать отпор нападениям крымских татар [6. 1668 г. № 3. Л. 75]. Оба государства общими усилиями должны добиться того, чтобы прекратились нападения на земли ханства донских и запорожских казаков [6. 1668 г. № 3. Л. 77]. В грамоте Алексея Михайловича, которую посланники должны были вручить королю Яну Казимиру, также говорилось, что благодаря решениям сейма должно установиться «общее остереганье от Запорогов, что тамошние казаки зело неохотны с ханом с ордами в миру быть» [6. 1668 г. № 3. Л. 30].

В наказе, совсем необычно для русских документов такого рода, ярко рисовались картины благоденствия, которое наступит после заключения мира: «Тогда

вместо кровавые войны от торговли богатство и пожитки на обе стороны людям будут, и учнут множитца люди торговые, а не воинские, и то будет меж государствы крепость непорушимая» [6. 1668 г. № 3. Л. 87]. Эта торговля, более выгодная для всех, чем война, изменит и характер отношений Крыма с Доном и Запорожьем. Начнутся «торги великие» «не толко в поселениях живущих, как на Дону, так и в Запорогах, но и в кочевых улусах лошадьми и всяким скотом [...] и познают великие прибыли к мирному здержанию» [6. 1668 г. № 3. Л. 87]. Так, благодаря взаимовыгодной торговле на южных границах Восточной Европы наступит мир и процветание. Тот же рецепт А.Л. Ордин-Нащокин предлагал использовать и в сфере отношений с Османской империей. И здесь следует добиваться, чтобы «торговлям и промыслам [...] ни в чем забороны не было, и торги б, де, меж людьми и до Царя города в проезде были не обидны» [6. 1668 г. № 3. Л. 75–76]. В этих высказываниях, непривычно страстных, отразились сокровенные мысли главы Посольского приказа о том идеальном устройстве мира, которые он пытался воплотить в своей практической деятельности, его глубокое убеждение, что всем можно показать и доказать, что настоящее процветание может принести только взаимовыгодная торговля.

Достижения таких мирных соглашений оба государства должны были добиваться совместно. Посланникам следовало предлагать, чтобы послам Речи Посполитой в Стамбуле дали указания действовать совместно с русскими дипломатами [6. 1668 г. № 3. Л. 93]. Одновременно планировались тройственные русско-польско-крымские мирные переговоры. В уже упоминавшейся грамоте Алексея Михайловича содержалось предложение прислать представителей Речи Посполитой на Дон для заключения трехстороннего мирного договора [6. 1668 г. № 3. Л. 163 и сл.]. Вместе с тем содержание наказа показывает, что мирные инициативы в Москве считали нужными подкрепить военными демонстрациями, которые могли бы заставить крымского хана пойти на заключение мирного договора. Политикам в Варшаве следовало сообщить, что Я.Т. Хитрово и генерал Филипп фон Буковен посланы из Москвы на юг, «им же вручен Белгородской полк, и тот полк взял, итти им к Запорогам». Одновременно в Киев приказано идти «всему Севскому полку». От Волги к Запорожью должны были также двинуться калмыки. В наказе выражалось убеждение, что этого будет достаточно, чтобы заставить хана соблюдать мир «и казаков к послушанию привести, не побуждая великих ратей и войны» [6. 1668 г. № 3. Л. 86–87].

Посланники везли еще одно важное сообщение о скором приезде в Киев самого царя Алексея Михайловича. Посланники должны были объяснить, что этот приезд удержит хана от враждебных действий «и лехкомысленные люди (очевидно, казаки Правобережья. – *Б.Ф.*) впрямь от хана отлучатца» [6. 1668 г. № 3. Л. 96]. Соображения эти были вполне резонными. Приезд царя мог действительно привести к подобным результатам, но они вряд ли могут служить действительным объяснением столь необычного решения о поездке русского монарха в пограничную крепость, которую по условиям Андрусовского договора следовало вскоре передать полякам. Мотивы такого решения станут яснее после рассмотрения всей совокупности данных о шагах, предпринятых русским правительством на рубеже 1667–1668 гг.

Посланникам было дано еще одно поручение. Они должны были встретиться на сейме с послами правобережного казачества и разъяснить им смысл и значение Московского договора. Им следовало объяснить, что союз России и Речи Посполитой обеспечит надежную оборону Украины «против турецких и татарских сил».

Кроме того, казацким послам должны были сообщить, что послы Речи Посполитой согласились с тем, что царь будет «заступником» жителей Правобережья и что им прощаются «вины и преступления [...] с начала нынешней войны и до сих пор». Послов следовало убедить, что казакам нужно «от бусурманские прелести оторватца» и подчиниться власти христианских государей – польского короля и русского царя. Но далее недвусмысленно указывалось, что у казаков при этом есть выбор – они могут порвать с «бусурманами» – «из них единого послушав». Кто должен быть этим «единым», достаточно ясно вытекало из заключительных слов этого раздела наказа, где предписывалось сообщить через послов всем казакам Правобережья, чтобы они «на то все надежны были и его царское величество за оборонителя и заступника вечно себе имели» [6. 1668 г. № 3. Л. 96–97]. Очевидно, что на страницах наказа отразилось то понимание характера Московского договора, которое до этого было зафиксировано в заметках руководителя русской внешней политики.

Еще до отъезда посланников в Варшаву на Украину с важной миссией был послан стряпчий Василий Михайлович Тяпкин, в предшествующие годы неоднократно выполнявший важные поручения русских властей. Он прибыл в Киев 13 декабря 1667 г. [7. С. 47]. Материалы этой миссии сохранились очень неполно. Нет ни наказа В.М. Тяпкину, ни его подробного отчета о поездке, не сохранились и тексты грамот, которые он посылал украинским партнерам по переговорам. О характере его миссии можно судить лишь по некоторым сохранившимся ответам этих партнеров и по высказываниям, сделанным на переговорах самим В.М. Тяпкиным. Изучение этих материалов, опубликованных во второй половине XIX в., позволило установить, что главной целью миссии В.М. Тяпкина были переговоры с гетманом Правобережной Украины Петром Дорошенко о переходе гетманства под русскую власть. Констатация этого факта поставила ученых перед важной проблемой. Уже известный исследователь истории Украины XVII в. В.И. Эйнгорн задавался вопросом, «как поступило бы московское правительство, если бы Дорошенко сдался на увещания Тяпкина?». Присоединение к России Правобережной Украины означало бы пересмотр Андрусовского договора в одном из наиболее важных его условий. По убеждению Эйнгорна, ни русское правительство, ни только что заключивший Андрусовский договор А.Л. Ордин-Нащокин, который отправил В.М. Тяпкина на Украину, на это пойти не могли. Поэтому, по его мнению, в действительности Тяпкин должен был своими действиями вызвать «в западной Малороссии такие серьезные смуты, что польскому правительству было бы не до Киева», который в соответствии с условиями Андрусовского договора следовало передать Речи Посполитой в 1669 г. [8. С. 434–435]. В.И. Эйнгорн, к сожалению, никак не объяснил, какие благоприятные для русского правительства «смуты» должны были вызвать на Правобережной Украине действия В.М. Тяпкина.

Саратовский исследователь И.В. Галактионов выдвинул другую точку зрения. Как и В.И. Эйнгорн, он полагал, что А.Л. Ордин-Нащокин не мог пойти на нарушение Андрусовского договора. По его мнению, указания вести переговоры с Дорошенко посланец получил от Боярской Думы, и они шли вразрез с инструкциями Ордина-Нащокина [7. С. 47–51].

Основываясь на проведенном выше анализе заметок А.Л. Ордина-Нащокина и его наказа посланникам в Варшаву, можно предложить иное решение вопроса. Посылка В.М. Тяпкина была шагом по пути к реализации установлений Московского договора по отношению к Украине в том понимании, какое придавал

им глава Посольского приказа. По его убеждению, как уже указывалось выше, Московский договор открывал для России возможность мирным путем, не вступая в конфликт с Речью Посполитой, присоединить Правобережную Украину к Русскому государству, и он стремился использовать эту возможность.

Есть основания полагать, что «посольских дел оберегатель» был уверен в успехе миссии В.М. Тяпкина, так как, по его оценке, у правобережного казачества и его главы Дорошенко не было иного выхода, кроме как согласиться на русские предложения. Оценка эта опиралась на убеждение, что союз России и Речи Посполитой, подкрепленный соответствующими дипломатическими и военными мерами, заставит Османскую империю и Крым отказаться от вмешательства в восточноевропейские дела, и лишенный татарской и османской помощи Дорошенко окажется в тяжелом положении.

Уже в грамоте, посланной гетману Левобережья И.М. Брюховецкому в июне 1667 г., А.Л. Ордин-Нащокин, говоря о вероятном скором заключении мира союзников с ханом и султаном, риторически восклицал, имея в виду сторонников Дорошенко: «И те отступники где явятца» [9. Т. 6. № 63. С. 205]. 15 августа 1667 г. местоблюститель киевской митрополичьей кафедры Мефодий Филимонович, опасавшийся нападения войск Дорошенко на Левобережье, просил усилить гарнизоны в украинских городах, но услышал в ответ: «Плевать мне на Дорошенка, надеятца ему не на кого, и крымской хан просит и хочет быть с великим государем в миру» [9. Т. 7. № 31. С. 80]. После заключения Московского договора эта уверенность усилилась, что нашло свое выражение в высказываниях В.М. Тяпкина на переговорах с правобережным гетманом [9. Т. 6. № 71. С. 252–253].

Тяпкин убеждал представителей казачества Правобережья, что их существование в составе Речи Посполитой невозможно («с полскими народы в мире и в любви не ужитца, и без кроворазлития никогда меж вами не будет»). Если поляки сумеют привлечь на свою сторону хана, положение казаков станет безнадежным. Единственный выход – переход под власть царя, а царь «в заступлении от всех ненавидящих вас имети будет».

В.М. Тяпкин одновременно был тем лицом, которое сообщило в Киеве о желании Алексея Михайловича приехать в город, чтобы «помолиться» у мощей похороненных в Киево-Печерской лавре святых, его посещению должен был предшествовать приезд в Киев А.Л. Ордина-Нащокина, он должен был все подготовить для приема царя [8. С. 436–437]. Как видно из приведенного выше текста наказа И.П. Акинфова, одновременно с царем в Киев должен был прийти «весь Севский полк».

Сопоставляя между собой все имеющиеся факты, как представляется, можно сделать вывод, что приезд Алексея Михайловича в Киев находился в определенной связи с планами перехода Правобережного гетманства под русскую власть. Дело было не только в том, что приезд царя в Киев способствовал бы более оперативному решению всех вопросов, которые могли возникнуть при заключении соответствующего договора. В ст. 1 Московского договора указывалось, что если один из монархов выедет на вероятный театр военных действий, то все находящиеся здесь войска союзников должны в этом случае поступить под его командование [1. № 420. С. 730]. Тем самым, находясь на Украине и взяв на себя командование, Алексей Михайлович мог бы предотвратить попытки польских войск препятствовать переходу правобережного гетманства под русскую власть.

При всем возросшем интересе к украинским делам в Москве не упускали из виду и «балтийской проблемы». И.П. Акинфов и Я. Поздышев должны были ука-

зывать сенаторам на важность съезда в Курляндии и добиваться того, чтобы сейм дал соответствующие полномочия тем представителям Речи Посполитой, которые поедут на съезд [6. 1668 г. № 3. Л. 89–92]. Предложение снова было повторено в апреле 1668 г. с посылкой в Варшаву гонца Михаила Гольцова [6. 1668 г. № 9. Л. 19–24]. 16 декабря 1667 г. Алексей Михайлович обратился с предложением о созыве съезда в Курляндии к шведскому королю Карлу XI [10. S. 553].

Перед русскими правящими кругами на рубеже 1667–1668 гг. разворачивались широкие перспективы: установление длительного взаимовыгодного мира с соседями, мирное присоединение Украины, пересмотр условий торговли на Балтике в духе, благоприятном для развития русской экономики. Однако очень скоро на пути осуществления этих планов стали возникать серьезные трудности. Речь Посполитая понимала Московский договор иначе, чем А.Л. Ордин-Нащокин, и не намерена была отказываться от Правобережной Украины. Османская империя и Крым не проявляли заинтересованности в заключении мира и, рассчитывая на их помощь, правобережный гетман Петр Дорошенко не только не желал подчиняться русской власти, но и хотел вырвать из-под нее Левобережье. Швеция не желала участвовать в невыгодном для нее съезде.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. СПб., 1830. Т. 1.
2. *Санин Г.А.* Правобережная Украина и русско-польские переговоры 1667 г. в Москве // История СССР, 1970, № 1.
3. *Wójcik Z.* Między traktatem Andruszowskim a wojną turecką. Stosunki polsko-rosyjskie 1667–1672. Warszawa, 1968.
4. *Koprejewa T.* Starania Rosji o sojusz ekonomiczny z Polską w walce z władztwem szwedzkim na Bałtyku (Projekt zwołania konferencji w Kurlandii w 1668 r.) // Kwartalnik historyczny. 1959. № 1.
5. *Флоря Б.Н.* Заметки А.Л. Ордина-Нащокина на полях Московского договора 1667 г. // *Prospice sed respice.* Проблемы славяноведения и медиевистики. Сборник научных статей в честь 85-летия профессора Владимира Александровича Якубского. СПб., 2009.
6. Российский государственный архив древних актов. Ф. 79. Сношения России с Польшей.
7. *Галактионов И.В.* Украина в дипломатических планах России, Польши, Крыма и Турции в конце 60-х гг. XVII века // Славянский сборник. Саратов, 1985. Вып. 3.
8. *Эйнгорн В.И.* Очерки из истории Малороссии в XVII в. М., 1899. Т. 1.
9. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. СПб., 1869. Т. 6; 1872. Т. 7.
10. *Fahlborg B.* Sveriges yttre politik. 1664–1668. Stockholm, 1949. Т. 1.

© 2010 г. В.А. АРТАМОНОВ

УКРАИНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО МЕЖДУ ПЕТРОМ I И КАРЛОМ XII В ПОЛТАВСКИЙ ПЕРИОД СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ 1708–1709 ГОДОВ

С октября 1708 г. и по 30 июня 1709 г.¹ на Гетманщине (Левобережной Украине) велась борьба двух вооруженных сил – русской (около 46 тыс.) и шведской (около 30 тыс.) армии. По сравнению с 6–7-летней войной в Восточной Прибалтике (1700–1706, 1710), Речи Посполитой (1701–1706) и десятилетним противоборством в Северной Германии, Финляндии и на Балтике (1712–1721), военные действия в Малороссии были кратковременным эпизодом, но именно там произошел перелом Северной войны.

Главной целью Петра I в 1708 г. была защита государства начиная от Петербурга и до Киева, Запорожья, Азова и укрепление абсолютной монархии². Отражением врага от смоленских границ России Петр I заставил Карла XII 14–15 сентября 1708 г. свернуть на юг. На Украине русское правительство в 1687–1708 гг. безоговорочно поддерживало авторитет и власть Мазепы и сделало эту власть пожизненной. Русский протекторат с 1667 г. обеспечил Гетманщине 40 лет мирной жизни и высокий уровень автономии, вопреки формальным запретам на внешние сношения. Мазепе поручалась переписка с соседними владетелями. Сохранение буферных зон – Гетманщины и Запорожья для Москвы было так же выгодно, как для Стамбула Валахии, Молдавии и Крымского ханства. Уничтожать, «колонизовать» Малороссию (см., например [1. С. 157–163]), преобразовывать мобильные и дешевые формирования днепровских, донских и других казаков в драгун Москва не собиралась.

Стратегическая задача Карла XII оставалась вплоть до смерти в 1718 г. постоянной – утвердить шведскую гегемонию на Балтике и в Восточной Европе. В России и на Украине Карл XII надеялся поднять «боярский» и гетманский сепаратизм, а в 1708 г. дать отдых армии и получить поддержку от Османской империи и Крымского ханства.

Хотя Русская армия имела преимущества близкого тыла, напряженно работавшего на войну, и возможность неограниченных пополнений, противоборство русской и шведской армий шло на равных. Измотанные походами шведы уступали русским по количеству пехоты и артиллерии, но оставались грозны по выучке, дисциплине, беспощадности атак и по боевому духу, которого русские достигли лишь к концу XVIII в.

Артамонов Владимир Алексеевич – канд. ист. наук, старший научный сотрудник ИРИ РАН.

¹ Все даты приводятся по старому стилю.

² Абсолютизм в передовых странах Европы – Франции, монархии Габсбургов, Пруссии, Дании, Саксонии, Баварии и других – считался в то время самым прогрессивным строем.

И русский, и шведский центры силы стремились консолидировать вокруг себя казачество Гетманщины, расколовшееся на сторонников нового гетмана И.И. Скоропадского (8–10 тыс.), И.С. Мазепы (1–3 тыс.), запорожского кошевого атамана К. Гордиенко (6–8 тыс.) и находившихся на отшибе заднепровских казаков³ (5–10 тыс. чел.). Каждый из этих осколков имел свои цели. Национальные формирования русской армии – украинские полки Слобожанщины (ок. 12 тыс. чел.) были в полном подчинении русского командования. Король и царь считались и с польскими интересами на Украине (Варшавской конфедерации на стороне короля Станислава I Лещинского или Сандомирской конфедерации, с ориентацией на Петра I и бывшего короля Августа II).

Установки казаков Скоропадского. Почти до самого бегства к шведам 24 октября 1708 г. Мазепа в соответствии с указами русского командования распространял манифесты, готовящие население к отпору шведам. С русскими рядовое казачество Гетманщины объединяла прочная память о Древней Руси, осознание себя как части «русского» («славяно-российского») народа, православная взаимность, общерусские святыне и отношение к царской власти как к сакральной. Хотя боеспособность городских и охотничьих (наемных) полков была слабее, чем при Богдане Хмельницком, но они эффективно применялись в мелких стычках, для пикетов, почтовой службы, связи и охранения русской армии (см. [3. С. 177, 515–517; 4. Т. 39. С. 55–57]).

Установки казачества зависели от того, кто принимался за основного противника. Нельзя не признать, что русское правительство исподволь подбиралось к ограничению гетманской власти. Но для простого люда может быть, важнее был единственный «во Вселенной» православный государь, чем гетман. Установка на совместную жизнь в православном государстве с великороссами стала определяющей для украинцев почти на два века [5. С. 607–622]⁴. Престиж Русской православной церкви подкреплял уверенность в противостоянии с «еретиками шведами». Казаки надеялись, что войско Петра I поможет освобождению от шведов и объединению левого и правого берега Днепра. Господство польской шляхты оставило тяжелую память, и «польская угроза» еще не исчезла из народного сознания. Русско-турецкое перемирие 3 января 1700 г. в определенной мере защищало украинские земли от вторжений крымцев.

Установки Мазепы. Кавалер орденов Андрея Первозванного с 1700 г., и Белого Орла с 1707 г. Мазепа («московский» или «польский дух», как называли его запорожцы), исходя из карьерных соображений, активно помогал росту российского абсолютизма. Гетман распоряжался войсковой казной и собрал громадные богатства, с которыми не расставался вплоть до смерти в Бендерах. Налоги и таможенные сборы и войсковая казна оставались в его распоряжении [6. С. 1151–1152; 7. С. 302]. Закрепляя землю и крестьян за старшиной, он не пользовался любовью простого люда (см., например [8. С. 433]). Для выправления авторитета он поддерживал церковных иерархов и, не будучи бескорыстным меценатом, пускал часть средств на церковное строительство⁵. Антигетманским выступлениям он противопоставлял свои наемные полки⁶.

³ Все подсчеты численности казаков приблизительны из-за отсутствия источниковой базы (см. [2]). Коронные земли Правобережной Украины, находившиеся с 1704 г. под временным русско-украинским военным контролем, не выводились из-под формальной юрисдикции Польши.

⁴ Идея украинской свободы возникла только в середине XIX в. и то в форме федерализма с Россией.

⁵ «Великой строитель [...] был святым церквам, ныне проклятой гонитель оным учинился», – так писал Петр I 31 октября 1708 г. [6. Т. 8. С. 261].

⁶ О.Г. Сокирко рискованно считает их аналогом регулярной армии. [9. С. 9–10].

Северная война тяжким бременем навалилась на все Российское государство. Ограничение политической и хозяйственной автономии Гетманщины (Казацкой державы – так пишут ныне на Украине) было неизбежным. Честолюбивый Мазепа, часть старшины и казаков не видели смысла для Украины «пробивать окно в Европу» через Балтику и болезненно воспринимали понукания из Москвы. Гетман и часть старшинской верхушки основную угрозу видели в российском абсолютизме. Мазепа знал, что при «золотых свободах» в Речи Посполитой, каждый магнат был сувереном в своих владениях. Там прагматик-гетман, для которого власть и богатство были смыслом жизни, мог надеяться стать одним из таких же вельмож⁷.

Для знатока международных отношений в Восточной и Юго-восточной Европе, военное дело, стратегия и тактика не были родной стихией. Военная мощь России росла на глазах Мазепы, но он считался только с силой «непобедимого» Карла XII. Зная о принятой русским командованием в 1707 г. «стратегии отложенной победы» и будущей «скифской войне», об оборонительной «линии Петра I» глубиной в 200 верст от Пскова до Чернигова, он все-таки питал надежду на шведско-польскую защиту, с помощью которой можно будет избавиться от «бессмыслицы» Северной войны. Мазепа понимал, что на Украине уже нет общенационального подъема времен освободительной войны 1648–1654 гг., что без иноземного протектората «независимой» Гетманщине при ее небольших ресурсах, слабом военном потенциале и нерегулярном казачестве соперничать с Османской империей, Российским царством или Речью Посполитой невозможно. Нет свидетельств, что в тайных контактах Мазепа оговорил равноправный союз «незалежной гетманской державы» со Швецией, федеративную связь с Варшавой по образцу Гадячской унии 1658 г.⁸ или ту автономию, которой пользовалась Гетманщина в рамках России. Планы Швеции также не предусматривали независимости Гетманщины. Шведы собирались забрать в свои руки всю торговлю Балтика – Восток путем контроля над днепровско-двинским путем. Важнее, чем Гетманщина была для них вассальная Речь Посполитая, в состав которой предполагалось включить Смоленщину, Северщину и Киевщину⁹, а гетмана удалить подальше в Великое княжество Литовское.

Судьба простых казаков и люда под властью Короны Польской, которая в 1699 г. навсегда покончила с казачеством и где старшина не признавалась за шляхту, его не беспокоила. Возможность новых казачьих бунтов, повторение «руины» и реванш Российского государства он не брал в расчет. Недальновидно были отброшены и интересы той старшины, которая ориентировалась на православного государя, из рук которого можно будет получать все блага и привилегии [6. С. 304].

Установки запорожских казаков были такими же, как у донских, волжских, яицких, терских. В низовьях Днепра, Дона и других рек в «войсковые братства» сбивалась вольница, добывавшая средства к существованию главным образом набегами. Охота и артельное рыболовство считались вспомогательным занятием.

⁷ Возможно по желанию Мазепы в соответствии с личным соглашением со шведами ему сулился титул князя, а также размером с Гетманщину Витебское и Полоцкое воеводства с крупными торговыми городами – Оршей и Могилевым по Днепру и Полоцком и Витебском по западной Двине на тех же условиях, как у герцога курляндского [10. S.144, 231–234].

⁸ Хотя известно, что старшина интересовалась условиями унии 1658 г., а в 1703 г. троцкий кастелян М.К. Коцел сообщал стародубскому полковнику М. Миклашевскому, что третья Речь Посполитая украинская «будет таковая, какова Речь Посполитая коронная и литовская» и что король Станислав Лещинский обещал ратификацию этого будущего сеймом [11. С. 266, 410].

⁹ О геополитических планах шведов в то время см. [12].

Хлебопашеством не занимались вплоть до последней четверти XVIII в. Поголовное вооружение, большое значение военной добычи, выборность вождей-атаманов, равенство в правах и обязанностях, народные собрания – «круги», личная свобода и народоправство сближали вольное казачество с «политическими институтами доклассового общества периода военной демократии» [13]. В открытом Диком поле «военные демократии» запорожцев и донцов служили щитом против крымских татар для оседлого украинского и русского населения. Известно, что в экстремальных условиях нередко возрождается социально более ранняя структура общества. После османского завоевания среди сербов, выдвинутых в Черногорию из феодального царства Стефана Душана (1309–1355) возродилась племенная структура и кровнородственные отношения. Казачество Дона, Волги, Яика и Терека начала XVII в. было много архаичнее общественного устройства Российского государства того времени. Среди флибустьеров в Карибском бассейне в XVII в., выходцев из передовых европейских стран, – Англии, Франции, Голландии – отношения строились на принципах военной демократии: общность имущества, за исключением личного оружия, «дуваные» способы дележа добычи, отношение к вожаку как «первому среди равных» [14. С. 5, 8–9]. Идеалом запорожцев было народное казачье правление. Связь с коренными украинскими землями (на расстоянии в 150–300 км) была теснее, чем у донских казаков. Сечевая республика владела степной территорией, сравнимой с самой Гетманщиной. Дикое поле защищало ее от Речи Посполитой, России и гетманских владений, а днепровские плавни – от крымских татар. De facto она всегда считала себя независимой и отторгала любые посягательства на свободу набегов и внешних сношений. Большинство запорожского казачества ориентировалось на православную Российскую державу, откуда получались боеприпасы и денежное жалованье [15. С. 289]. В зависимости от конъюнктуры запорожцы заключали и разрывали договоры с соседними государствами. Никогда не были указом для Сечи ни Варшава, ни Москва, ни Стамбул и Бахчисарай, ни гетман Мазепа. Всегда с сочувствием в Низовом войске и Полтавском полку воспринимались призывы бить «арендарей» и панов. Антимосковский настрой сечевиков определялся социальными, но не национальными причинами, так как свое влияние на юге русское правительство проводило через гетмана и старшину, поэтому неприязнь к ним переносилась и на «Москву»¹⁰. К тому же с конца XVII в. низовая вольница не чувствовала опасности ни от поляков, ни от крымцев, но свободе набегов наглядно угрожали русские крепости, построенные против Крымского ханства – Новобогородицкая (при впадении р. Самара в Днепр в 1688 г.), Новосергиевская (1689) и Каменный Затон (выросший в 1704 г. напротив Чертомлыцкой Сечи и имевший гарнизон в 2251 чел., 110 пушек и 14 мортир) [16. С. 558–586].

Установки правобережных полков. Для «казако-русского народа» Правобережья после ликвидации антишляхетского восстания 1702–1704 г. основным противником оставалось польское государство. Россия даже после ссылки в Сибирь казачьего «батька» С.Ф. Палия воспринималась не врагом, а дружественным государством¹¹. «Палиевщина без Палия» на Правобережье никогда не затихала.

¹⁰ Вражда к гетману с особой силой прорвалась после Полтавской битвы, когда в степи за Днепром запорожцы собрались схватить Мазепу и выдать его царю (см. [11. С. 639]).

¹¹ Во львовских церквях и монастырях с 1688 г. на ектениях и на великом выходе духовенство молилось о здравии не только польского короля Яна III Собеского, но и о здравии царей Петра и Иоанна и Софии Алексеевны [17. Ф. 79. Оп. 1. 1688. Д. 235. Л. 130, 137об.] (о симпатиях казаков Правобережья к русским см. также [17. Ф. 79. Оп. 1. 1693. Д. 2. Л. 86]).

Союзный русско-польский трактат 19 августа 1704 г., подписанный под Навой, открыл путь русским войскам на земли Речи Посполитой и позволил левобережным казакам вступить на Правобережную Украину. *Русская дипломатия выполнила чаяния украинцев, объединив в 1704–1712 гг. левый и правый берег Днепра*¹².

При движении шведов в направлении Москвы, русское командование не считало целесообразным призывать малороссийские войска в Центральную Россию. Мазепе было указано идти на помощь союзным сандомирским конфедератам, хотя и не далее Белой Церкви [6. Т. 8. С. 87, 113, 120, 132]. Это устраивало гетмана. Однако 20 сентября Мазепа получил от царя неожиданную весть, что шведы отбиты от Смоленщины и русских государственных границ и свернули к Кричеву в сторону Гетманщины. Великороссийским и малороссийским войскам, фельдмаршалу Б.П. Шереметеву и всем русским генералам было приказано «с поспешением» идти на защиту Украины. Царь подтверждал, что «никогда народ малороссийский [...] во всяких неприятельских наступлениях» не будет оставлен [6. Т. 8. С. 153–154]. «Свобода выбора» для Мазепы испарилась, он пришел к верному выводу, что шансы короля на победу упали и что ему грозят шведско-русские тиски. После разгрома Левенгаупта при д. Лесной колебания Мазепы усилились¹³. Добиваться «более высокого международного политико-правового статуса для украинского гетманата [...] путем лавирования между российским и шведским монархом» [18. С. 32] он не мог.

Планы Петра I в случае вторжения шведов в Малороссию были для гетмана открытой книгой¹⁴. Благодаря абсолютному доверию русского правительства и мастерству интриги он мог не опасаться никаких доносов на себя. За несколько дней до вторжения он составлял панегирики царю и проклинал в манифестах шведских «еретиков».

Современная украинская историография выводит из-под понятия предательства бегство Мазепы к шведам. Но в те времена переход на сторону противника повсеместно квалифицировался как неверность и жестоко карался. Вспомним зверскую расправу Карла XII над остзейским дворянином И.Р. Паткулем, задумавшим перевести Лифляндию в состав Речи Посполитой или казнь в Стамбуле валашского господаря К. Брынковяну (1654–1714), затеявшего тайные переговоры с Россией. Мазепа же и старшина 25 июля 1687 г. «пред святым Евангелием» дали присягу «быти [...] у их царского величества у их государских наследников в вечном подданстве верно и постоянно», поэтому уход Мазепы во время войны к врагу в 1708 г. бесспорно попадал в разряд государственной измены.

¹²Появление отрядов Мазепы в 1704 г. на правом берегу Днепра, вызвало массовые грабежи в магнатских имениях и Петру I пришлось писать, что казаков «лучше впредь далее Полонного не вводить» [6. Т. 6. С. 188–191].

¹³«Дьявол его сюда несет! Все мои интереса превратит и войска великороссийские за собою внутрь Украины впровадит на последнюю оной руину и на нашу погибель», досадовал гетман [11. С. 360].

¹⁴Зондажным письмом, составленным до 20 сентября, Мазепа выяснял, куда отступить и эвакуировать артиллерию с боеприпасами из Батурина, с кого брать налоги на сердюков-наемников, если народ разбежится перед неприятелем, что собираются делать русские войска, если Станислав I пойдет на Украину, отдадут ли полякам Белую Церковь и придется ли уводить народ с Правобережья на левый берег Днепра. Мазепе отвечали, что планируется упреждать шведов, ввести казаков в Стародуб и Чернигов, и что будет совершен опережающий марш драгун генерал-майора Н.Ю. Инфлянта вместе со казаками Скоропадского на Северщину [6. Т. 8. С. 710–713].

В августе и сентябре 1708 г. русских войск на Гетманщине не было. Шведы подошли к Костеничам и Мглину 24 сентября 1708 г., Шереметев у Почепа появился 3 октября, Меншиков у Горска – после 18 октября. Предположение, что Мазепа легко поднял бы на помощь шведским «спасителям» 30–40 тыс. казаков, если бы не русская «оккупационная армия» [19. С. 314–315, 368, 388, 394], неверно. Мазепа не был ни пассионарием, ни идейным борцом за свободу и боялся поднимать восстание в отличие от Б.М. Хмельницкого, С.Т. Разина, С.Ф. Палия, К.А. Булавина и К. Гордиенко. Движение мазепинцев оказалось много слабее, чем антироссийские выступления И.О. Выговского (1658–1659), И.М. Брюховецкого (1668) и П.И. Иваненко («Петрика») (1692–1693). Украинский народ справедливо гордится национальными героями – Д.И. Вишневецким, С. Наливайко, П. Конашевичем-Сагайдачным, П.М. Дорошенко, Б.М. Хмельницким, И. Серко, И. Богуном. И.С. Мазепа же с конца 1980-х годов поднят на пьедестал не из-за отваги и беззаветной защиты народа, но из-за стремления украинской верхушки как можно дальше дистанцироваться от Москвы.

В 1708 г. гетман опасался не только выступить против русских и поднять народ против Москвы, но страшился отсидеться в своей резиденции Батурине под защитой большого количества пушек¹⁵. Необоснованный страх перед раскрытием его контактов со шведами и поляками толкнул на бегство из своей «столицы». Эвакуация основной части личной и войсковой казны на несколько тысяч талеров и золотых червонцев [21. С. 230] показывает, что, бросая Батурин, Мазепа считался с гибелью города. Зная нелюбовь к нему простого люда и приверженность большинства казачества царю, он понимал, что вывести казаков к шведам можно только обманом. Даже за Десной, испросив для себя шведскую охрану, не стал выступать перед казаками с речами о «свободе», но перед старшинами [21. С. 66; 22. С. 47–48]. Запорожцев при Мазепе была всего горстка [6. Т. 8. С. 894].

2 ноября А.Д. Меншиков двухчасовым штурмом «в шведской манере» взял Батурин¹⁶. Быстрота захвата в немалой мере может объясняться «несогласием между самыми защитниками» [4. Т. 50. С. 110–114], многие из которых считали немислимым нарушать царскую присягу¹⁷. Идея Мазепы о всеобщем страхе Украины, принятая украинскими историками¹⁸, после «батуринской резни» неверна. «Великое лихолетье» Северной войны нанесло жесточайший ущерб эстонцам, латышам, финнам, полякам и белорусам. (Не пострадали лишь гражданское население Дании и Саксонии, государи которых отказались сопротивляться шведам в 1700 г. и 1706 г.). Украинцы также испытали бедствия от действий двух воевавших сторон. Однако ни гибель мазепинской резиденции, ни истребление шведами и сожжение заживо сотен мужчин, около 3000 женщин и детей в Тернах [22. С. 82–83], ни испепеление городов и сел на Слобожанщине Карлом XII, которого сопровождал Мазепа с мазепинцами, не придавили ни Малороссию, ни

¹⁵ Вопреки этому на Украине пишут: «Национально-освободительная идея обретает свое наивысшее проявление во время восстания Мазепы, которое было обусловлено защитой украинской идентичности против российской агрессии» [20. С. 54].

¹⁶ Отказавшись возглавить оборону своей резиденции, Мазепа оказался первопричиной гибели батуринцев (подробнее см. [22. С. 56–93]).

¹⁷ Т.В. Чухлиб считает, что не причина – бегство Мазепы к шведам, а следствие – уничтожение Батурина «символизировало разрыв многолетних союзных отношений между Украиной, как вассально-зависимой державой и ее давним протектором – Московским царством» [18. С. 26].

¹⁸ Распространять понятие «Гетманщина» на всю Украину неверно с исторической точки зрения.

Правобережную, ни, тем более, Слободскую Украину, Волынь или Галичину. Не от испуга большинство казачества и все крестьянство осталось на стороне России и поднялось на стихийную партизанщину против захватчиков. Не «напуганные террором» мазепинцы Д. Апостол, И. Галаган и другие казаки перешли от Мазепы к русским. Немыслимо, чтобы украинские казаки, горожане и горожанки отчаянно защищали Веприк и Полтаву «устрасясь террора»¹⁹. Никакого страха не испытывали и запорожцы, когда они в марте 1709 г. собрались вокруг Карла XII.

«Свою Малороссию» перед наступающими шведами русское командование предпочитало не разорять в отличие от земли Великого княжества Литовского [6. Т. 8. С. 749; 24. С. 389]. Царь неоднократно приказывал «жителем здешним никакой обиды не делать и преступников без пощады казнить за сие». «Надобно драгунам учинить заказ под потеряннем живота, дабы они Черкасом обид не чинили; и ежели хто им учинит какую обиду, и таковых велите вешать без пощады» [6. Т. 8. С. 181]. «Противник на Украине прекратил опустошение, чтобы не восстановить против себя казаков» – писал г. Адлерфельд [10. S. 143]²⁰.

Почти сразу после бегства и разорения Батурина Мазепа стал просчитывать вариант сохранения власти и богатства под «московским ярмом». Тут он оказался прозорливее, чем великий гетман литовский Михал и краковский воевода Януш Вишневецкие, только в марте 1709 г. запросившие у царя амнистии, которая была им предоставлена 7 апреля 1709 г. [6. Т. 9. № 3151 и прим.]. Случись Полтавский разгром в Белоруссии, или направь Карл XII свою армию на Лифляндию вместо Гетманщины, «московский дух» (Мазепа) до смерти остался бы московским [25. С. 388] и таковым вошел бы в историческую память Украины.

Гибель крупной военной базы в Батуристине означала не только сильный удар по армии вторжения, но и спад значения Мазепы в глазах шведов и мазепинцев. В январе – феврале 1709 г. перейти на русскую сторону задумали генеральный есаул Д.М. Максимович (ум. 1732) и полковник Лубенского полка Д. Зеленский [17. Ф. 9. каб. П.В. Отд. 2. Кн. 10. Л. 450; 6. Т. 8. С. 879]. Сбежав из своей резиденции, Мазепа спас себя и большую часть казны, которую, почти не растеряв, довез до Бендер, но своей нерешительностью, отправкой Апостола и (по всей видимости) Галагана к царю, попыткой перейти обратно под русский протекторат, гетман ослабил «мазепинский центр», который оказался неустойчивым и слабее запорожского. Шведский караул за Мазепой был установлен «зело крепок» [17. Ф. 9. Каб. П.В. Отд. 2. Кн. 10. Л. 189об.]. Когда шведы сняли караулы вокруг мазепинцев, к русским перешли еще до Полтавской битвы генеральный судья В. Чуйкевич, компанейский полковник Ю. Кожуховский, сердюцкий полковник Я. Покотило, войсковой товарищ С. Лизогуб, мазепинцы А. Гамалея, Я. Гречаный, канцелярист г. Григорьев, Ф. Лихопой [17. Ф. 124. Оп. 1. 1712. Д. 2. Л. 7–7об.].

6 ноября 1708 г. по указанию Петра был выбран новый гетман – И.И. Скоропадский, и по Украине и России прогремело проклятие «второму Иуде». Русское правительство знало, что Скоропадский, склонный к польским порядкам, был «креатура Мазепина» и собиралось «иметь на него око». Но новый гетман послушно выполнял все указы и до конца жизни оставался верным орудием в руках Моск-

¹⁹ Геройских защитников Веприка и Полтавы нельзя представлять «заложниками» Москвы, как пишут Л. Шендрик и О. Янович [23. С. 41].

²⁰ Несправедливо писать, что русская тактика «выжженной земли» грозила снести Украину с лица земли, что в выжженный край должен был превратиться «Киев вместе с Софией, братским монастырем, Киево-Могилянской академией и прочими священными [...] местами» [19. С. 312; 24. С. 192].

вы, он был нужен как знаковая фигура для консолидации казачества. Его политический вес увеличили переводом с правого берега Днепра на левый Киевского и части Переяславского полков (см., например [6. С. 265–266]). «Казацкого батька» Палия с большим запозданием доставили «для учинения диверсии» к Скоропадскому. Тот с согласия князя Г.Ф. Долгорукого должен был обходиться с ним «в любви и приязни» и использовать в зависимости от обстановки, ибо в «своевольных» казаках «не малую имеет любовь и кредит» [26. Т. 3. С. 114; Т. 4. С. 78–79]²¹.

Мазепа волей-неволей должен был остаться при шведах. Ни один пункт его приватного соглашения с Карлом о намерениях не был выполнен. Призывы к казакам присоединяться к скандинавскому воинству для похода на Москву после Рождества 1708 г. выглядели авантюрными.

Сразу после измены Мазепы началось соперничество русской и шведско-мазепинской пропаганды. Полевая канцелярия короля, чтобы пригасить борьбу украинцев, которые не давали передышки шведам, использовала демагогию Мазепы, что «московское тиранство», заставляя казаков участвовать в «безбожной войне», намеренно «выпускает украинскую кровь»²², что царь греческую веру заменяет римской, что казаки должны стать вольным народом и «барьером» между Россией и Турцией.

Пропаганда русской канцелярии и Скоропадского оказалась более действенной. Население Гетманщины, запорожцы, городовые полковники, церковные деятели и правобережные казаки [6. Т. 8. № 2760, 2767, 2771, 2772, 2775, 2781, 2794, 2800] призывались нерушимо стоять вместе с великороссийским войском за веру православную. Указывалось, что «бывший великий строитель», а ныне «гонитель святых церквей, второй Иуда» и «утеснитель народа» собирается отдать церкви и монастыри в унию и католическую веру. Перехватив письмо Мазепы к Лещинскому от 5 декабря, Головкин указал Скоропадскому разослать 150 оповестительных грамот царю о том, что Мазепа хочет перевести малороссийский народ под иго польское [28. С. 640–641]. Правобережных казаков звали защищать вольность народа малороссийского (подразумевалось – против поляков) [6. Т. 8. С. 942]. Царь, как оборонитель Малороссийского края, защищает его от всех неприятелей. Священникам в церквях и на исповедях предлагалось уговаривать казаков не уходить к Мазепе, духовные лица посылались в Запорожье. Тайное предложение Мазепы, посланное через Д. Апостола о выдаче Карла XII в обмен на прощение при гарантиях европейских государств [22. С. 94–98], в пропаганде не использовалось. Опасение, что «с обеих сторон Днепра взбунтуются» люди, исчезло.

С самого начала украинское население активно сопротивлялось армии вторжения. «Неприятельские люди пришли на границу конницею, полков с восемь, к местечку Мглыну к реке Ипуге, и через реку по ним казаки стреляли; а неприятель уговаривал казаков: “Мы де у вас брать не будем ничего, только за денги будем покупать”; а казаки им на то ответствовали: “*Мы де вам будем пули продавать*”» [6. Т. 8. С. 696]. Сотня казаков из Мглина и крестьяне отбили шведские приступы

²¹ Среди шведов ходили слухи, что выданный ранее Мазепой царю Палий, прибывший из Сибири в русскую армию, стал гетманом [21. Т. 3. С. 315].

²² Через 300 лет пропаганда Мазепы всплыла в трудах украинских историков. В. Шевчук пишет, что агрессивная московская деспотия, смотрела на Украину как на объект экспансии и заставляла ее участвовать в империалистических войнах. Для уменьшения военной силы и более действенного порабощения Казацкой державы она возлагала на украинское казачество черную работу как на войне так и на строительных объектах, что стало настоящим бичом для Гетманщины [27. С. 19, 226, 236].

перебив более 50 чел., правда потом «шведы Мглин огнем пожгли и совсем разорили» [6. Т. 8. С. 697, 824].

В Сечи несколько раз собиралась рада, которая отказалась слушать «прелести старой кривой котюги» и постановила сохранять верность «прародительному нашему монарху» и единой православной христианской вере [6. Т. 8. С. 903–908]. Запорожцы писали Мазепе, что они, как часть царского войска, хотели бы знать, чем они провинились перед королем и почему тот из такой дали пришел беспокоить их. В январе 1709 г. 3–4 тыс. сечевиков собирались идти на помощь русским [17. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 18. Ч. 1. Л. 67об.] (см. также [6. Т. 9. С. 582–583]).

После 3 февраля Петр I сочтя, что ситуация в Малороссии потеряла свою остроту, отбыл через Ахтырку на воронежские верфи, а 12 апреля вообще отплыл на бригантине в Азов к османским границам.

Конный набег Карла XII на Слобожанщину («русскую Украину», как называли ее шведы) преследовал цель отбросить противника вглубь русских границ. Разорять украинские села и городки 8 февраля 1709 г. отправился и Мазепа с мазепинцами. «Опустошительный рейд» продолжался всего три дня – его сорвали русские драгуны и казаки победой в большом кавалерийском сражении 11 февраля под Городней. Остановить бегущую шведскую конницу тогда было невозможно [29. С. 218]. В плен чуть было не попал и Мазепа. Наблюдая панику своих покровителей, он безнадежно произнес: «Не думал, что шведы способны на бегство» [30. С. 32]. Русская армия защитила украинцев Слобожанщины и отбросила шведов снова на Гетманщину.

При отступлении шведы выжигали землю, угоняли женщин, детей и скот, «потому что все вокруг были враждебны», как писал Левенгаупт. Были испепелены городки Смелое, Терны, Веприк, Колонтаев, Краснокутск, Коломак, Рублевка, Городня, Мурафа, Хухра, Каплуновка, Лутище, Котельва [31]. «Неприятель [...] жителей мужеска и женска полу в неволю побрал, невинных младенцев живых в снег и в воду побросал» [6. Т. 9. С. 691]. «Рыдания и стенания толп могли бы камень сдвинуть с места» – писал прапорщик Р. Петре. «Король приказал генерал-майору Гамильтону выжечь все в той местности. Этот приказ получили и казаки [мазепинцы], размещенные в Зенькове. В соответствии с этим отряды короля и он лично своей высокой персоной опустошали и сжигали все, вплоть до пограничного с “Татарией” городка Коломак» [21. С. 292]²³. Во второй половине февраля в Нежине закончился сбор казаков Скоропадского и их расставили по р. Днепру и по р. Псел, по Суле, перекрывая путь Лещинскому из Польши. Однако путь со стороны Запорожья остался свободным.

«Война манифестов» за основную массу украинского населения была проиграна Мазепой. Однако его призывы к «скаженным псам» (так именовал запорожцев Мазепа в переписке с русским правительством до измены) встать под знамена победоносного покровителя, который «освободит от ига, которое уготовил им царь» [10. С. 196] и фальшивка, что царь «хочет весь народ малороссийский за Волгу загнать» завершились успехом [17. Каб. ПВ. Отд. 1. Кн. 18. Л. 157об.–158]²⁴.

Карл XII вопреки советам обер-маршала К. Пипера, рекомендовавшего возвращаться в Польшу, тешил себя иллюзиями, что если к нему присоединится

²³ Коломак был на расстоянии около 60 км к северо-востоку от Полтавы и на таком же расстоянии от степного пограничья запорожских казаков. Эту местность нельзя относить к «Татарии» (причерноморским степям Крымского ханства).

²⁴ Доводы Мазепы о захвате военного снаряжения (которого в Полтаве было не много) и «приклонение Украины» можно считать спекулятивными.

Низовое войско, польские хоронгви короля Станислава и крымские татары, то он одолеет путь до Москвы.

Царь, Меншиков и Скоропадский увещевали запорожцев не «приклоняться к шведам и воевать против неприятеля святой церкви правоверной», но надежды удержать «запорожцев добром по самой крайней возможности», не осуществились, сменить пассионарного кошевого атамана Константина Гордиенко не удалось. В январе 1709 г. запорожцы заняли Кодак, находившийся в пяти верстах от Новобогородицкой крепости. 20 января царь встревожился, что запорожцы могут напасть на крепость, и кошевой уведет казаков через Переволочну к шведам. Из предосторожности он предлагал поставить Ингерманландский полк Меншикова в «удобном месте» [6. Т. 9. С. 32]. Предвидя опасное «сползание» шведской силы к Сечи, царь 6–7 февраля указывал Шереметеву «отвести неприятеля от Полтавы и прочих к Запорожью ближних мест к Днепру, разлучая от казачьих городов» [6. Т. 9. С. 80] (см. также [17. Каб. ПВ. Отд. 1. Кн. 51. Л. 56–59]). Скоропадский 7 февраля советовал Меншикову сменить кошевого при помощи «черни запорожской». 21 февраля Петр I предлагал послать Днепром в Каменный Затон не менее трех гарнизонных полков из Киева, Ромен, Ахтырки или Сум, чтобы зайти в тыл запорожцам²⁵. 12 марта Шереметев получил указ Петра I встать между Переволочной и Шведской армией, и если запорожцы будут «противны», начать боевые действия против них. Поражает близорукость фельдмаршала, который сокрушался, что запорожцы могут к шведам и степью пройти. После беседы 16 марта с тремя (возможно подосланными) сечевиками, он сделал вывод, что «от запорожцев не надлежит иметь великого опасения», так как Крымская орда им во всем отказала. Шереметев разослал письма в Низовое войско и в сотни Полтавского полка, чтобы те присоединялись к царю. Скоропадского он просил перебросить Переяславский и Киевский полки в Чигирин к Галагану и к Переволочне, чтобы помешать запорожцам уйти к шведам [17. Ф. 199. Оп. 1. 1709. Д. 246. № 2. Л. 12–13 об.].

Соединение запорожцев через Переволочну пресечь так и не удалось [6. Т. 9. № 3113, 3121, 3127]. Сочтя, что планы и соотношение сил русских и шведов выяснены, подстраховав себя просьбой о протекции Крымского ханства и польского короля С. Лещинского, 12 марта большая часть запорожцев поднялась к Карлу XII. Три месяца, начиная с марта 1709 г., запорожская вольница была при шведах и Мазепе, с которым они ранее почти непримиримо враждовали.

Как и Мазепа, Гордиенко обманом поднял «до войска великого государя» около 38 куреней (по 150–300 конных и пеших запорожцев в курене) [29. S. 220] (цит. по [32. С. 464]) не «на царя воевать, а только за безчинность москвитян». Заколебался полтавский полковник И.П. Левенец, с которым вел переговоры шведский подполковник Йоран Сильферфельм, чтобы врасплох напасть на Полтаву [33. С. 80]²⁶.

По пути от «дьявола кошевого», как прежде и от Мазепы, сбегали казаки [6. Т. 9. С. 746–747]. Однако призыв «бить старшину» находил на Правобережье отклик, и оттуда присоединялись казаки. (Пускался слух, что шведский король перейдет Днепр, чтобы «возмутить» тамошний народ) [32. С. 458–461]. Трехтысячный конный отряд полковника Кэмпбелла, направленный на юг к Днепру, не

²⁵ Петр I советовал для смены кошевого использовать влияние Д.П. Апостола и деньги [6. Т. 9. С. 97, 706–707].

²⁶ Переговоры не имели успеха, но Левенец попал под подозрение и в марте 1709 г. был удален в Харьков, откуда рассылал универсалы, чтобы все казаки Полтавского полка собирались немедленно под его команду и «чинили поиск» над шведами [6. Т. 9. С. 830].

смог перехватить Гордиенко. Часть русского заслона заняла местечко Царичанку в 25 км от Переволочны, остальные драгунские партии в разных направлениях рассеялись по степи. 16 марта запорожцы напали на маленький русский пост в Маячке, на следующий день перебили отряд в Царичанке и привели к королю 115 пленных драгун [6. Т. 9. С. 182]. Кэмпбеллу с остатками своей конницы удалось прорваться на север. Мазепа встречал Гордиенко с его свитой как равного – за полмили (т.е. за 3 км) от Будищ. 27 марта Гордиенко в Будищах присягнул сначала воителю из Скандинавии, а потом 28 марта (29 по шв. стилю), когда писарь в церкви прочел по слогам слова присяги, целовал Евангелие и крест Мазепе²⁷. Если год назад только 1,5 тыс. запорожцев поднялись вместе Булавиным против Москвы, то теперь на войну с ней решилось в три-четыре раза больше людей. После невыносимой стужи 1708 г., ставшей для шведов трагедией, это была скорее не военная, а политическая удача шведов – был открыт путь в сторону Крымской орды. Пипер послал предложение сераскери в Бендерах Юсуф-паше помочь Шведской армии на Украине [17. Ф. 89. Оп. 1. 1709. Д. 1. Л. 169об.–171]. Однако иррегулярных войск при шведах (валахов и запорожцев), было меньше, чем при русских калмыков (до 3 тыс.), донцов (2,5–3 тыс.) и казаков Скоропадского.

В Москве к «шатости» запорожцев были привычны и присоединение их к Карлу не произвело такого шокирующего впечатления, как измена Мазепы. Оттока казаков от Скоропадского к шведам источники не фиксируют.

Далеко не все запорожцы «приклонились» к шведам и ушли к Полтаве. 14 апреля Меншиков писал Петру, что кошевой «Сорочинский, к тем, которые при Костьке, указы посылает, чтоб шли к нему в Сечю, о чем имянно взятые в полон 20 человек сказывают, что те ево указы сами они видели. И многие де из них по тем ево указом хотят возвратитца к нашей стороне, а Костьке и другим, которые той стороны держатся, говорят: “Для чего их туда запровадили?” И непрестанные между ими бои» [6. Т. 9. С. 810–811].

В марте – апреле для прикрытия днепровского рубежа и угрозы тылам Шведской армии главные силы Скоропадского расположили в междуречье Псла и Сулы. В мае Ивану Ильичу вместе с Г.С. Волконским поставили задачу подойти ближе к неприятелю и «чинить ему сильные развращения», дабы тем разделить его войска и «сочинить Полтаве отдух». Противоборство казаков Скоропадского с мазепинцами и запорожцами не развернулось в полную силу. Из-за «нерегулярства» шведы не посылали их на штурмы Веприка и Полтавы и в самостоятельные набеги по русским тылам. Совместные операции русских драгун с малороссийскими казаками были чаще и активнее.

К тому времени левобережье Ворсклы было под русским контролем. Попытки перетянуть запорожцев на свою сторону не прекращались. В начале апреля 1709 г. семитысячная конница К.Э. Ренне ушла «для осмотра неприятельских оборотов» и, как писал Юлленкрук, «для переманивания запорожцев» далеко вниз по левому берегу этой реки к Соколкам. (Ныне Левобережная Соколка находится в 68 км к югу от Полтавы). Против Ренне было отправлено 4 тыс. драгун генерал-майора Кресе с 3 тыс. запорожцев и компанейцами Мазепы [6. Т. 9. С. 828–829]. 11 апреля под Соколками сражались только шведы. Сечевики стояли вдали «и видя тот бой, кричали, и убоясь, не бившись побежали назад» (цит. по [32.

²⁷ Федор Коломыченко, взятый под Решетиловкой, говорил, что от шведов запорожцы получили четыре воза талеров и было роздано по 20 талеров человеку, Мазепа обещал платить человеку по 10 талеров в месяц [17. Ф. 199. Оп. 1. 1709. Д. 246. № 2. Л. 17].

С. 470)]. Много погибло при обратной переправе через Ворсклу. Помимо русских драгун, в бою видную роль сыграли и казаки миргородского полка Д. Апостола.

Петр I «зело порадовался» тому, что авторитет шведского оружия был подмочен и запорожцы увидев, что шведов бьют, станут разбегаться [6. Т. 9. С. 153]. Запорожцы не разбежались, но их дух явно упал, и самостоятельных рейдов против казаков Скоропадского они уже не проводили. Шведы после единственной операции у Соколок других совместных наступательных акций не начинали. Однако в мае и июне они вместе с запорожцами успешно обороняли правобережье Ворсклы, и частично нейтрализовали действия донцов, калмыков и казаков Скоропадского.

Очередной удар по запорожцам был нанесен у Днепра, в устье Ворсклы. Чтобы отсечь Запорожье от шведов, в апреле из Киева к Переволочне и Кереберде вниз по Днепру пошел полковник П.И. Яковлев с тремя пехотными полками. «Остерегал» его от «неприятельских подвигов» полк драгун генерал-майора князя Г.С. Волконского. Шведы никакой помощи запорожцам не оказали. Яковлев и Волконский соединились в районе Чигирина, 18 апреля Яковлев подступил к Переволочне, где засел запорожский полковник «Зилнец» с 3000 казаков. Стрельба из «замка» из трех пушек видимо была бесполезной, после двухчасового штурма «переволочинский замок» был взят, на месте порублено больше 1000 человек «кроме тех, что по куреням побито и позжено». Захвачено было знамя, три пушки, четыре казачьих значка и 12 «воров первых, понеже живых их брали мало, но всех рубили» [6. Т. 9. С. 855]. Под Келебердой донские казаки «запорожцев немалое ж число покололи и табор их взяли» – сообщал Шереметев царю 21 апреля. 24 апреля он же сообщал: «Генерал-майор князь Григорей Волконской с полковником Яковлевым и с командированными драгуны над Переволочною чинили промысл, в которой обреталось казаков с 1000, да жителей с 2000 и оную при помощи Божии достал и воровских запорожцев и жителей вырубил, а иные, убоясь, разбежались и потонули в Ворсклу. А Переволочну, также и Кереберду выжгли» [6. Т. 9. С. 876–877]. Как в наше время, так и в прошлом уничтожение гражданского населения находящегося под властью противника не исключалось из правил ведения войны. Часть сдавшихся не казнили, а лишили носов и ушей. Вайе записал, что «нескольким казакам, захваченным там, были отрезаны носы и уши, и в таком мерзком виде отпустили к нам, чтобы показать их сообщникам, что всех тех, кто будет воевать, ждет то же самое» [30. S. 35]. Русский гарнизон в Переволочне не был оставлен, тамошний «замок и слободы» сожгли. В Кобыляках запорожцев «вместе с мужиками» в обозе насчитывалось 3–4 тыс., но у них не было пороха [17. Ф. 9. Каб. ПВ. Отд. 2. Кн. 10. Л. 720 об]. Дорога от Полтавы на юг, через степи Запорожья в сторону Крымского ханства так и осталась открытой.

Поражение под Соколками и разорение Переволочны сбило дух сечевиков. На Правобережье Корсунский, Богуславский и Белоцерковский полки «держали кордон» как против «сапежинских поляков», так и запорожцев. Ренне через открытые письма снова призвал запорожцев переизбрать кошевого и соединиться с русской армией, после чего те получают вознаграждение. В противном случае, как только шведы замирятся и уйдут с Украины, последует еще большая кара. Меншиков распространял манифесты, в которых запорожцы упрекались, что они к «ущербу православия» связались с изменником Мазепой и безбожным еретиком-королем.

Надежда Мазепы на крымскую конницу, вместе с которой добывались украинские победы, испарялась. Тем не менее мазепинцы и шведы распространяли

слухи, что на подходе 40 000 орды [6. Т. 9. С. 929]. Стамбул твердо был настроен на мир с Москвой, и крымский хан вместо орды послал к королю только двух посланцев с разведывательной целью. Появление полковника П.И. Яковлева перед Сечью 11 мая заставило крымчан быстро свернуть свой визит к Карлу XII и Мазепе [30. S. 35].

Обхождение с Сечью было мягче, чем с восставшим Доном, где было уничтожено около 23,5 тыс. чел. Даже после присоединения к шведам запорожцам обещали платить сверх обычного жалованья ежегодно по 12 тыс. руб., и выдать кошевому атаману и судье новые пернач, бунчук, знамя, литавры и трости. Если Низовое войско сложит крестное целование перед П.И. Яковлевым и выберет нового кошевого, «то все вины будут прощены», а права и вольности сохранены [6. Т. 9. С. 181–184].

Полковник П.И. Яковлев, взяв подкрепления из Новобогородицкой крепости и Каменного Затона, вместе с украинскими казаками И. Галагана осуществил давние мечты Мазепы – «искоренил силою оружия проклятое гнездо их – Сечу» (об этом см. [15. С. 249; 34. С. 162]). 14 мая центр запорожского казачества – Чертомлыцкая Сечь (ныне Никополь) почти неприступный островной городок диаметром в 300 сажен был захвачен. Из Каменного Затона вверх и вниз по Днепру выходили партии «для сыску запорожцев по островам». Это событие для кампании 1708–1709 гг. имело скорее политическое, чем военное значение – впервые был разорен символ свободы Войска Запорожского, заложенный в 1652 г. (Было убито несколько сотен человек, три сотни пленено, гарнизон русские не оставили, но казаки Галагана поставили заслоны, чтобы пресечь поступление к шведам продовольствия). Запорожцы, как и донцы были «люди войны» и «кровавыми расправами» поразить их было нельзя. Когда запорожцы в шведском лагере узнали, что Сечь взяли штурмом, то они «было до смерти не убили» Гордиенко и тому пришлось бежать под защиту кавалеристов Крейца. Левенгаупт после этого оставил знаменательную запись: «Гетман Мазепа перестал доверять своим казакам» [29. S. 223]. Разгром центра Войска Запорожского показал, что вся Гетманщина и Запорожье находятся под контролем русской военной силы и казаков Скоропадского и что уцелеть славянские приверженцы Карла XII могут только под шведским крылом.

С 24 мая, чтобы стеснить шведов с тыла, казаки Скоропадского, четыре драгунских и два пехотных полка Г.Ф. Долгорукого [6. Т. 9. С. 936–938] заложили длинную более сотни километров цепь форпостов по 60–300 чел. от Днепра по р. Псел до Сорочинцев, которые уничтожали провиант и фураж в Приднепровье и средства переправы через Днепр, отрезая путь в Речь Посполитую. У Ворсклы в виду шведов казаки Скоропадского нападали и прогоняли в лес мазепинцев. Мазепа со своим и шведским войском не мог «от леса отдалиться» [17. Ф. 9. Каб. ПВ. Отд. 2. Кн. 10. Л. 403].

Казачья земля была зыбкой как для шведов, так и для русских. Ни шведы, ни русские не могли твердо полагаться на «своих» казаков²⁸. Штаб короля раздражала их недисциплинированность [21. S. 319]. Отношение к Мазепе тоже было критичным. «Советы шведского генералитета расходились с предложениями казацкого гетмана Мазепы; король, к несчастью, обращал больше внимания на

²⁸ Русские не доверяли и донцам. 1000 донских казаков М.Т. Корсунского, посланных из Черкаска к Полтаве, вопреки их желанию были «порознены» [17. Ф. 9. Каб. ПВ. Отд. 2. Кн. 10. Л. 164–165].

советы этого варвара, нежели своих верных советников» [35. С. 198]. Шведы тоже раздражали мазепинцев [36. S. 102]. Сберегая свое воинство Карл поручил рыть осадные траншеи под Полтавой пяти тысячам запорожцев. Принуждение к лопате и кирке те считали унижением. Лекарств и санитарного обеспечения они не получали. Сечевиков, которых было в 4–5 раз меньше, чем шведов, гибло намного больше, и они разбегались с земляных работ. Запорожцы грабили, а иногда и убивали шведов и называли «шельмой» Мазепу за обман. 8–9 июня запорожцы вообще собрались покинуть «шведских союзников». В ответ недовольным намекнули о шведской силе – недалеко под ружьем стояли конные полки Крейца. При подходе к стоянке эскадронов Лейб-регимента всем трубачам было приказано громко трубить. Мазепа, понимая, что у него нет «авторитарной харизмы», умело взял сечевиков обходительностью. Он благодарил их за прошлые дела и просил доказать верность в будущем, несмотря на то что противник своими угрозами пытается отбить их от шведов, имеющих еще сильную армию. Весомым аргументом Мазепы стало обещание двух бочонков золота, татарской помощи, будущей поживы в Полтаве и Москве (!), а также угощение в немереных количествах водкой. В ответ запорожцы обещали стоять до конца при короле и кошевом атамане Косте Гордиенко [21. S. 321; 30. S. 48].

В июне казаки Скоропадского «совершали наезды» на шведов в Беликах, Жуках, Кобеляках. 13 июня они участвовали в «диверсии» против шведов, отвлекая часть их сил на себя [6. Т. 9. С. 206]. Г.Ф. Долгоруков предложил план окончательного разложения мазепинцев. Если ему и Скоропадскому добавят донцов и калмыков, то непрерывность нападений с переменной силой заставит шведов уйти от Полтавы, а тогда «плуты запорожцы и последние мазепины люди» перейдут на сторону царя и будут воевать против неприятеля [6. Т. 9. С. 965–966; 17. Ф. 17. Оп. 1. Д. 91 доп. Л. 367–368об.]. 24 июня Скоропадский со всем войском и Г.Ф. Долгоруков прибыли к русскому лагерю у Петровки и соединились с конницей Меншикова. Накануне решающего сражения казаки гетмана стояли в районе Будищ и Решетилówki, перекрывая путь в Польшу через Кременчуг и Переяслав [7. С. 267]. Запорожцы в это время отказались строить по распоряжению Реншельда земляные укрепления для прикрытия королевского лагеря и не явились на работы [33. С. 104].

Ни шведы, ни русские не выставляли в линейные сражения нерегулярные части, учитывая их специфику. В день Полтавской битвы казаки Скоропадского «обозначали угрозу» противнику со стороны д. Жуки. Атаковать их силами шведский обоз в Пушкаревке было невозможно, нанесение удара по левому шведскому флангу не предусматривалось. Для подстраховки к казакам были посланы шесть драгунских полков генерал-майора Г.С. Волконского.

Карл XII почти всех запорожцев и мазепинцев, как и при ложном нападении русских 21 июня, оставил в обозе у д. Пушкаревка. Со шведами в сражение пошла только небольшая часть добровольцев, которых опрокинули в зоне редутов нерегулярные калмыки (см. об этом [30. S. 2245; 36. S. 110–111; 37. С. 34]²⁹). Прорыв наступающих сквозь редуты оказался победным и какая-то часть казаков Скоропадского во время двухчасового перерыва собралась присоединиться к Сконскому полку, но Максимилиан Вюртембергский не счел себя вправе решать дело

²⁹ Вряд ли заслуживает доверия слова Реншельда, сказанные им во время пира Петра I на полтавском поле победы, что из 30 тыс. участвовавших в деле, 19 тыс. было регулярных, остальные казаки [4. Т. 50. С. 196].

без короля [38. С. 112–113]. Отрезать путь отступления разбитой армии через будищенский лес или добить шведов на поле сражения, или же самостоятельно перекрыть путь к Переловочне казакам Скоропадского и драгунам Долгорукова [39. С. 74, 82] было не по силам. Но они вместе с донцами и калмыками успешно гнались за бегущим противником до Пушкаревки (но не далее). 28–30 июня казаки вели параллельное преследовали до Днепра, а за Днепром к ним присоединились и полки правобережных казаков.

По оценке С. Понятовского около 4–5 тыс. мазепинцев и запорожцев бежали через Днепр [40. С. 64], остальные рассеялись, то есть в самой битве они не потерпели урона; 30 июня на берегу Днепра генерал А.Л. Левенгаупт, в отличие от Петра I, попавшего вместе с молдавским войском в такую же «мышеловку» на Пруте в 1711 г., не смог ничем помочь своим «союзникам», и у Переволочны 2700 казакам пришлось сдаться без всяких условий.

Шведская армия в начале XVIII в. была лучшей в Европе, но одержать победу после испытаний 1708–1709 гг. ей было практически невозможно. 27 июня предел выносливости солдат был исчерпан, войско держалось на воле Карла XII и воинском долге. Даже если представить немыслимое – победу шведов, она обернулась бы всего лишь временным успехом, после которого маршрут пролегал не к Москве, а к Польше [17. Ф. 9. Каб. ПВ. Отд. 1. Кн. 18. Л. 156об., 162], а Мазепе и запорожцам пришлось бы уйти в эмиграцию.

В октябре 1709 г. Г.С. Волконский поставил заставы по Днестру силами Корсунского, Чигиринского, Белоцерковского, Богуславского и Браславского полков, чтобы ни шведы, ни запорожцы «не делали революции» на Украине, причем Петр I указывал рассылать грамоты, чтобы они возвращались обратно [17. Ф. 160. Оп. 1. 1709. Д. 6. Л. 242 об.; Ф. 17. Оп. 1. Д. 91 доп. Л. 387]. Ни у мазепинцев, ни у запорожцев принципиальной бескомпромиссности в противостоянии с Россией не было. В 1714 г. многие из них вернулись на родину («под московское ярмо»). В 1715 г. в Россию прибыл Д.Л. Горленко. 1 июня 1721 г. покаялся в измене «гетман в изгнании» Ф. Орлик. В 1734 г. из-под крымской протекции в Россию вернулись 7 тыс. запорожцев. После поражений османских и крымских войск в «Румянцевской войне» 1768–1774 гг., вывода Крымского ханства из-под юрисдикции Турции и ликвидации в 1775 г. Сечи, потерявшей значение форпоста, запорожских казаков перевели в Предкавказье. Начав жить там за счет хлебопашества (окончательно «сев на землю»), они с 1792 г. превратились, подобно донцам, в верных стражей Российской империи.

27–30 июня 1709 г. Русская армия, казачество Скоропадского при массовой поддержке украинского населения освободили Левобережную Украину от шведов. Связывать Полтавскую победу с ликвидацией Гетманщины во второй половине XVIII в. в результате наступления российского абсолютизма и называть ее катастрофой не исторично, иначе причиной уничтожения гетманской автономии придется признать каждый русский военный успех 1701–1709 гг.³⁰ Катастрофой в украинской истории были разорение южной Руси ханом Батыем, набеги крымско-

³⁰ Ошибочно считать, что «с точки зрения исторической перспективы Иван Мазепа в крайнем случае не проиграл, задержав имперское наступление России на украинские земли [...] Благодаря этому, может быть, украинцы сберегли собственную самоидентичность, а не растворились в “едином русском народе”, не утратили своего языка и культуры. Мазепа, принеся себя в жертву, победил Петра I. Полтавская битва стала не последней точкой в борьбе за независимость Украины и полной катастрофой украинской самостоятельности, а лишь одной из многих, хоть и трагичных, вех в этой борьбе» [41. С. 31–32].

татарских войск и оккупация вермахтом Украины в 1941–1944 гг. Под Полтавой потерпела катастрофу не «Украина», а план мазепинцев перевести Малую Русь под польское господство.

Полтавская победа усилила ориентацию украинцев на службу и карьеру в набирающей силы Российской империи, подкрепила надежду правобережных казаков на освобождение от поляков, увеличила приток в русскую армию молдаван, валахов, греков и сербов.

Русский и украинский народы *вечно* будут жить в соседстве. Не мести и кипения ненависти, а творящей любви и великодушия достойны наши народы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мицик Ю.А., Бажан О.Г., Власов В.С. Історія України. Київ, 2008.
2. Сокирко О.Г. Війська українських гетьманів у Полтавській битві 27 червня 1709 р. // Український історичний журнал. 2009. № 2.
3. Історія українського козацтва: В 2 т. Київ, 2006. Т. 1.
4. Сборник Императорского русского исторического общества. СПб., 1884. Т. 39; СПб., 1886. Т. 50.
5. Артамонов В.А. Україно-русская конвергенция в последней трети XVII–XVIII вв. // Україна в Центрально-Східній Європі. Київ, 2005.
6. Письма и бумаги императора Петра Великого: В 13 т. СПб., 1912. Т. VI; М.;Л., 1948. Т. VIII. М.; Л., 1950. Т. IX.
7. Полтава. К 250-летию Полтавского сражения. Сб. статей. М., 1959.
8. Ульяновський В. Пилип Орлик // Володарі гетьманської булави. Історичні портрети. Київ, 1994.
9. Сокирко О.Г. Охотницьке військо Лівобережної Гетьманщини 1669–1726 рр. Київ, 2000.
10. Adlerfeld G. Leben Carl des Zwölften, König von Schweden. Frankfurt; Leipzig, 1742. Bd. 3.
11. Доба гетьмана Івана Мазепи в документах / Упорядник С. Павлинко. Київ, 2007.
12. Åberg A. I karolinerna spår. Stockholm.1959; Åberg A. Karolinerna och Österlandet. Stockholm. 1967.
13. Никитин Н.И. О происхождении, структуре и социальной природе сообществ русских казаков XVI – середины XVII века // История СССР. 1986. № 4; Никитин Н.И. О формационной природе ранних казачьих сообществ // Феодализм в России. Сборник статей и воспоминаний, посвященный памяти акад. Л.В. Черепнина. М., 1987; Никитин Н.И. Вольное казачество в истории России XVII в. // Преподавание истории в школе. 1999. № 7.
14. Никитин Н.И. Казачьи сообщества как пример самоорганизации внесловных и внеклассовых социальных слоев XVI–XVII вв. // Сословия и государственная власть в России. XV – середина XIX вв. Международная конференция – чтения памяти академика Л.В. Черепнина. М., 1994.
15. Яворницький Д.И. История запорожских казаков: В 3 т. Киев, 1991. Т. 3.
16. Станіславський В.В. Запорозька Січ у другій половині XVII – на початку XVIII ст. // Історія українського козацтва. Нариси у двох томах. Київ, 2006. Т. 1.
17. Российский государственный архив древних актов.
18. Чухліб Т.В. Мазепинська Україна між російською та шведською коронами: дилема вибору протекції // Український історичний журнал. 2009. № 2.
19. Павлинко С.О. Іван Мазепа . Київ, 2003.
20. Шевчук В. Суспільно-політична думка в Україні від 1710 по 90-ті роки 18 ст. // Тисяча років української суспільно-політичної думки: У 9 т. Київ, 2001. Т. 4. Кн. 1.
21. Karolinska krigares dagböcker. Lund, 1913.
22. Артамонов В.А., Кочегаров К.А., Курукин И.В. Вторжение шведской армии на Гетманщину в 1708 г. СПб., 2008.
23. Шендрик Л., Янович О. Карл XII і Петро I. Боротьба за панування // Київська старовина. 1995. № 3.
24. Таирова-Яковлева Т.Г. Мазепа. М., 2007.
25. Грушевський М. Иллюстрированная история Украины. Киев, 1997.
26. Труды императорского русского военно-исторического общества. СПб., 1910. Т. 3–4.
27. Шевчук В. Просвіченій володар. Київ, 2006.
28. Материалы Военно-ученого архива Главного штаба. СПб., 1871. Т. 1.
29. Lewenhaupt A.L. Adam Ludwig Lewenhaupts berättelse. Stockholm, 1952.

30. *Weihe Fr.Chr.*: Ljtnanten Fr.Chr. von Weihe's dagbok 1708–1712 // Historiska handlingar. Stockholm 1902. Del. 19. № 1.
31. История Свейской войны. М., 2004. Вып.1. С. 296; *Шутой В.Е.* Борьба народных масс против нашествия армии Карла XII в 1700–1709 гг. М., 1958. С. 348–350.
32. Військові кампанії доби гетьмана Івана Мазепи в документах. Київ, 2009.
33. *Гилленкрок А.* Современное сказание о походе Карла XII в Россию // Военный журнал. 1844. № 6.
34. *Шутой В.Е.* Измена Мазепы // Исторические записки. М., 1950. № 31.
35. Полтавская битва 1709 – 27 июня – 1909. СПб., 1909.
36. *Krtan D.* Itinerarium. Cestovny dennik z rokov 1708–1709. Bratislava, 1984.
37. *Фридрих II.* Рассуждения Фридерика II, короля прусского о свойстве и воинских дарованиях Карла XII. М., 1789.
38. *Энглунд П.* Полтава. Рассказ о гибели одной армии. М., 1995.
39. Полтавское сражение 27 июня 1709 г. М., 1959.
40. *Кротов П.А.* Полтавская битва 1709 г.: цена победы и поражения // Меншиковские чтения 2008. СПб., 2008. Вып. 6.
41. *Сальников В.А.* Полтавська битва: катастрофа чи...? // Полтавський регіон: на пульсі держави. 2009. № 9.

© 2010 г. В. С. ЕФИМОВА

К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ ТАК НАЗЫВАЕМЫХ ЗНАКОВ ПРЕПИНАНИЯ В ДРЕВНЕЙШИХ СЛАВЯНСКИХ СПИСКАХ ГОМИЛЕТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

Как известно, древнейшие славянские рукописи написаны *scriptura continua* с применением так называемых знаков препинания. Однако значение этих знаков для палеославистов остается загадкой. По умолчанию считается, что их расстановка довольно хаотична и не поддается системному описанию. В учебных пособиях по старославянскому языку вопрос о значении знаков препинания и, соответственно, правилах их постановки рассматривать обычно не принято (см. [1; 2; 3; 4] и др.)¹. Автор фундаментального труда по старославянскому синтаксису Р. Вечерка – ввиду недоступности для исследователя аутентичной звуковой реализации старославянских текстов – отмечает лишь возможность получения некоторого представления о месте пауз на основе пунктуации, которая, по его словам, «не была, однако, строго нормирована» («die jedoch nicht strikt normiert war») [9. S. 31].

Надо полагать, что исследователи славянской письменности невольно сопоставляют постановку знаков препинания в древнейших рукописях с принципами их постановки в современном европейском письме, где она ориентирована, прежде всего, на оформление высказываний в качестве предложений как логических структур. В старославянской письменности высказывание (= предложение), как правило, также завершается «знаком препинания», однако употреблялись знаки и внутри высказывания, причем с точки зрения нашего современника в большинстве случаев они казались бы избыточными². С другой

Ефимова Валерия Сергеевна – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Данная статья написана в рамках работ по Программе фундаментальных исследований ОИФН РАН «Текст во взаимодействии с социокультурной средой: уровни историко-литературной и лингвистической интерпретации» по теме «Культурные константы и вариативность славянского текста».

¹ Попытки дать какую-либо классификацию знаков препинания в некоторых из пособий [5. С. 54; 6. С. 30; 7. С. 21; 8. С. 39] нельзя признать удачными.

² Поэтому нелепым представляется стремление некоторых редакторов сокращать цитаты из старославянских текстов («до точки»: нередко точка сигнализирует не о конце высказывания, а, напротив, стоит перед наиболее важной его частью.

стороны, можно указать определенные позиции, в которых современный читатель привык видеть знаки препинания, но в которых старославянская письменность систематически обходится без таковых.

Так, 1) знаки препинания не выделяют обращений, ср., например:

Ἰουλιανῆ εἶπεν «Οὐκ ἀπατᾶς με, Αὐριλλιανὲ τύραννε καὶ ἀνόσιε, ...»

– отъвѣшгавъши же юлиани рече . не отъврѣгж сѧ а҃риллиане томителю и непрѣподовне . Супр 1, 27;

Οὗτος ὁ Ἰωσήφ, ἀδελφοί, σεμνοῖς γόμοις προσομιλήσας πρότερον,...

– Сѣ бо іосифъ братиѧ чьстѣномъ бракомъ женивъ сѧ прѣжде ... Супр 246, 14–15;

2) не обрамляют авторских слов внутри прямой речи, ср., например:

«Οὐ δύναμαι, φησίν, ἀναγνῶναι.»

– не могж рече чисти . Супр 247, 4–5;

3) не всегда знаки препинания разделяют компоненты сложносочиненных предложений, ср., например:

Οὐχὶ σὺ ἀλεφήνω, ἐγὼ δὲ ἐκύρωσα;

– и не ты ли издрече а азъ о҃тврѣдихъ . Супр 249, 9–10;

4) и, особенно, сложноподчиненных предложений, ср., например:

Ἴδου γὰρ νῦν ὀρώμεν, ὅτι πλούσιοι καὶ μέτριοι καὶ κακοὶ καὶ ἀγαθοὶ ἐξ αὐτοῦ ὑπηρετοῦνται...

– се бо нынѧ видимъ како богатїи и ништинї . и зѣли и добри . отъ того слоужьбѣ прикъмьжт' . Супр 262, 4–6.

В труде Е. Дограмаджиевой, посвященном исследованию сложных предложений с придаточными обстоятельственными в старославянских рукописях X–XI вв., констатируется, что придаточные предложения в равной степени как могли отделяться от главного знаком препинания, так могли и не отделяться. Автор пишет, что пунктуация «проведена непоследовательно... Нельзя установить определенную зависимость между пунктуацией и отдельными типами подчиненных предложений» [10. С. 233] (см. также [10. С. 56, 92, 121, 140, 158, 168, 188, 208, 218]).

Однако, возможно, пунктуация в древнейших славянских рукописях не так хаотична, как кажется на первый взгляд, но ее мотивации для древнего книжника были совершенно иными, чем в современной письменности? Чем руководствовался древний книжник, рисуя «знак препинания», и что последний, по его мнению, должен был обозначать? «Знаки препинания», как правило, ставились в конце предложения – простого, сложноподчиненного или сложносочиненного. Можно, следовательно, предполагать, что «знак препинания» сигнализировал о границе логической структуры. (Видимо, так он, прежде всего, и воспринимается в настоящее время палеославистами.) Однако финальная позиция высказывания (зона последнего ударного слога) – это в большинстве случаев еще и место фразового ударения (ср., например, в [11. С. 9]). Следовательно, «знаку препинания» можно приписать не только функцию обозначения пауз, но и значение сигнала в сфере фразовой интонации. В пользу такой гипотезы свидетельствует, кажется, то, что в таком случае тем «знакам препинания», которые ставились внутри высказывания, можно было бы приписать зна-

чение сигнала, которым отмечались какие-то очевидные для древнего книжника «события» в развертывании мелодического контура высказывания.

Вместе с тем современный палеославист имеет дело лишь с письменными фиксациями текстов на мертвом языке. Адекватная звуковая реализация старославянского текста нам недоступна, поэтому невозможно и исследование мелодического контура высказывания обычными методами. Предположим все-таки, что знаки препинания в старославянской письменности имели значения сигналов в сфере фразовой интонации. Какие мы могли бы привести доказательства в пользу этого предположения? Известно, что в современных славянских языках фразовая интонация каким-то образом зависит от смысловых структур и определяется дискурсивной стратегией говорящего. Так, например, И. Фужерон, исследовавшая фразовую интонацию в русском языке, приходит к выводу, что «порядок слов в сочетании с интонацией регулируются определенными семантическими задачами» [12. С. 200]. Видимо, если предположить для старославянских «знаков препинания» значение сигналов в сфере фразовой интонации, единственно возможный для палеослависта путь к пониманию мотиваций древних книжников к постановке этих «знаков препинания» – нащупать связь последних в древнейших славянских рукописях с «семантическими задачами» и тем самым попытаться разобраться в тенденциях их постановки, существовавших в эпоху создания рукописей.

Логично предположить, что наиболее показательной должна быть расстановка знаков препинания в рукописях с текстом гомилетического содержания, т. е. в тексте, заведомо предназначенном к произнесению вслух. Причем автор (порождающий) визуального кода гомилии должен был иметь в виду произнесение, направленное на максимальное «воздействие словом» на реципиентов (паству). Как показали наши предыдущие исследования, сравнительное изучение разных списков старшего периода одного и того же текста, восходящего (хотя бы в своей основе) к одному и тому же греческому оригиналу, может дать определенные результаты для понимания некоторых принципов организации старославянского дискурса [13; 14]. Для первого эксперимента по изучению значения старославянских знаков препинания мы обратились к знаменитому Слову на Благовещение, приписываемому Иоанну Златоусту и сохранившемуся в нескольких списках. От старшего периода известны два списка Слова целиком – в Супрасльской рукописи XI в. (Супр) [15] и Германовом сборнике 1358/1359 гг. (Герм) [16], конец Слова сохранился также и в Листках Григоровича XIII в. (Григ) [17]¹. Взаимоотношения данных списков палеослависты оценивают по-разному: по мнению Д. Ивановой-Мирчевой, в основе списка в Германовом сборнике лежит первоначальный (архаичный) вариант перевода данного слова, тогда как Супрасльская рукопись сохраняет либо новый вариант перевода, либо новую редакцию [19. С. 177–181]. Позже Е. Мирчева показала, что текст Слова в Супрасльской рукописи был подвергнут основательной редакторской правке преславскими книжниками [20. С. 12–22]. В недавнем исследовании У. Федер и

¹ Показательно, что У. Федер и М. Спасова, предпринявшие недавно тщательное сравнительное изучение текста трех Слов Иоанна Златоуста, в том числе и отрывка Слова на Благовещение, сохранившегося в трех указанных списках, традиционно не обратили никакого внимания на пунктуацию [18].

М. Спасова пришли к выводу, что различия в списках не выходят за рамки изменений при обычном переписывании и не дают оснований говорить о разных редакциях текста («промени в словесната повърхност на текста без намеса в композицията или съдържанието») [18. С. 61]. Тем не менее все исследователи сходятся во мнении, что Слово на Благовещение дошло до нас в двух версиях, одна из которых имеет характерные языковые черты, свойственные Преславской школе, особенно в части лексики и морфологии. При сопоставлении же списков с точки зрения постановки знаков препинания мы заметили удивительное постоянство: несмотря на основательную сознательную правку текста при редактировании его преславскими книжниками и «бессознательную» правку в процессе движения текста по спискам в течение более чем трех веков места постановки знаков препинания во многих случаях совпадают во всех списках. Из 290 мест постановки знаков препинания в равносохранившемся тексте Слова в Супрасльской рукописи и Германовом сборнике (есть и пропущенные – впрочем, небольшие – участки текста) в 237 случаях эта постанова в обеих рукописях совпадает. Для иллюстрации нашего наблюдения покажем, например, постановку знаков препинания в следующем пассаже, сохранившемся как в Супрасльской рукописи, так и в Германовом сборнике:

Ἐπεὶ οὖν οἱ ἱερεῖς ὡς σάφρονι τῷ Ἰωσήφ ἠρμόσαντο τὴν Μαρίαν, καὶ παρέθεντο αὐτὴν αὐτῷ, γάμου καιρὸν ἀναμένοντες· ἔμελλε δὲ οὗτος λαμβάνων τηρεῖν ἐν ἀρθασίᾳ τὴν παρθένον.

– понеже оубо жъръци . ꙗко цѣломъдрѣнѣ ѿсифови обржчиша мария . и прѣдаша кмоу ѿ . врѣмене брачнааго жиджше . подобаше оубо сице прѣкмъжштоу . влюсти дѣвицѣ непорочнѣ . Супр 246, 24–28.

– понеже ўбо нерен . ꙗко цѣломъдрѣнѣ ѿсифови обржчишѣ мария . и прѣдашѣ ѿ емоу . врѣмене брачнааго жиджше . подобаше бо сице приемлаше . влюсти дѣвѣ непорочнѣ . Герм 156a 16–156b 3.

Как видим, «словесная поверхность текста» (по выражению Федера и Спасовой) в двух списках имеет различия в лексике и морфологии. В одном месте изменен порядок слов (прѣдаша кмоу ѿ в Супр, прѣдашѣ ѿ емоу в Герм); в списке, сохранившемся в составе Супрасльской рукописи, видим характерную «преславскую» лексику (жъръци вм. нерен, дѣвицѣ вм. дѣвѣ) и др. Однако все «знаки препинания» стоят на своих местах (в том числе и знак после замены нерен – жъръци).

Более того, в случаях расхождения в постановке «знака препинания» в Супрасльской рукописи и Германовом сборнике иногда наблюдаются схождения в этих местах в Германовом сборнике и Листках Григоровича. Ср.:

Οὐρανοῦ καὶ γῆς οὐ χωρεῖ σε τὰ πέρατα, δέσποτα, ...

– небесъстни и земъстни конъци . не вѣмѣстат' тебе владѣко. Супр 250, 8–10;

– небѣни и земни кон'ци не вѣмѣстатѣ тебе влѣко. Герм 159a 12–13;

– небѣны и земны кон'ци не вѣмѣстатѣ тебе влѣко. Григ.

Или:

χαῖρε, οὐρανοῦ καὶ γῆς ἰσόροπον οἴκημα·

– радоуи са обьштек жилиште . небеси и земли . Супр 251, 16–17;

– радѣи са ѡбщеє жилище небѣе и землѣ . Герм 160a 14–15;

– радѣи са ѡбщеє жилище небѣе и землѣ . Григ.

(Отметим, что в последнем случае порядок слов в старославянском переводе изменен в сравнении с порядком слов в известном нам греческом оригинале.)

Предположим теперь, что наблюдаемое постоянство в постановке «знаков препинания» в списках Слова на Благовещение говорит о наличии у этих знаков значений, которые ускользают от современного исследователя. Попробуем связать постановку знаков с определенными «семантическими задачами» и, поскольку постановка знака препинания в конце высказывания может быть объяснена и как сигнал границы логической структуры, и как сигнал о месте фразового ударения, попытаемся выявить позиции внутри высказывания, в которых постановка «знака препинания» представлялась древнему книжнику оправданной.

1. Позиция перед адресатом действия. Обычно в этой позиции знак не ставится. Ср.:

Τῷ μηνὶ τῷ ἕκτῳ ἀπεστάλη Γαβριὴλ πρὸς παρθένον...

– въ шестѣи мѣсѣцѣ . посланъ бѣистъ аггелъ гауринлъ къ дѣвници . Супр 247, 8–10.

– въ . ̅ . мѣсѣцѣ посланъ бѣи англъ гауринлъ къ дѣвѣи . Герм 1566 14–15.

Однако, если адресату придано определение, видим постановку знака:

ἀπεστάλη δοῦλος ἀσώματος πρὸς παρθένον ἀμόλυτον·

– посланъ бѣистъ рабъ бесплѣтнъ . къ рабѣ непорочнѣ . Супр 244, 18–20.

– посланъ бѣи рабъ бесплѣтны , къ дѣвѣи чистѣи . Герм 1546 10–11.

Определение при адресате может быть выражено и существительным («приложение»). Ср.:

Ὁὐ πρῶην ἀπεστάλης ἀπ' ἐμοῦ πρὸς Ζαχαρίαν τὸν ἱερέα;

– не прѣжде ли отъ мене посланъ бѣистъ . къ захарии жърьцоу . Супр 249, 4–5.

– не прѣжде ли ѿ мене посланъ бѣи , къ захарии сѣлю . Герм 158a 15–16.

Или причастным оборотом («второстепенное сказуемое»). Ср.:

Τῷ μηνὶ τῷ ἕκτῳ, φησὶν, ἀπεστάλη ὁ ἄγγελος Γαβριὴλ ὑπὸ τοῦ Θεοῦ πρὸς παρθένον μεμνηστευμένην ἀνδρί.

– въ шестѣи мѣсѣцѣ рече посланъ бѣистъ аггелъ гауринлъ отъ бога . къ дѣвници обржченѣ мжжоу . Супр 244, 3–5.

– въ . ̅ . мѣцѣ посланъ бѣи аглъ гауринлъ ѿ бѣ . къ дѣвѣи обржченѣ мжжоу . Герм 154a 10–12.

2. Позиция перед распространенным определением. Обычно постановка знака. Ср.:

ἄελεθε πρὸς τὸν καθαρὸν νυμφῶνα τῆς κατὰ σάρκα μου γεννήσεως·

– иди къ чистѣи невѣсто . по плѣти родѣства мого . Супр 248, 8–10.

– иди къ чѣтнѣи невѣсто . по плѣти родѣства моего , Герм 1576 8–9.

Ср. также:

Χαίρε, κεχαριτωμένη [χαίρε] τοῦ χηρεύσαντος κόσμου νυμφοτόκε ἁμῶντε.

– радоуи сѣ обрадованаи невѣсто . и родительнице чиста . запоу-стѣвшоуоумоу всемоу мироу . Супр 251, 11–13.

– раѣи сѣ възрадованѣа невѣсто . и родительнице чѣтаа . запѣ-стѣвшооумоу всемоу мироу . Герм 160a 8–11.

– раѣи сѣ възрадованѣа невѣсто и родительнице чѣтаа . запоу-стѣвшооумоу всемоу мироу . Григ.

Ср. также пассаж, содержащий «знаки препинания» как в позиции перед адресатом с приданным ему определением, так и в позиции перед распространенным определением:

Δοθήσεται, φησί, τὸ βιβλίον τὸ ἐσφραγισμένον ἀνδρὶ εἰδότεῖ γράμματα, τοῦτέστι γάμοις προσομιλήσαντι.

– дадѣтъ бо рече книги печатѣлѣныа . мѣжоу оумѣжштоу книги . срѣчь бракъ сътворивѣшюгоумоу . Супр 246, 30–247,2.

– дадѣтъ сѧ рече книги запечѣтѣлѣныа . мѣжѣ оумѣжцоу книги . еже еѣ брачьшюмоу сѧ . Герм 1566 4–7.

3. Позиция перед инфинитивной конструкцией. Обычна постановка знака. Ср.:

ἀπεστόλη Γαβριήλ, ἄξιον εὐτρεπίσαι τῷ καθαρῷ νυμφίῳ τὸν θάλαμον·

– посыланъ бысть гавриилъ . подобнь оуготовати чистюгоумоу женихоу чрътогъ . Супр 244, 10–12.

– посланъ бѣ ѱ гавриилъ . ѱготовати чѣтомѣ женихоу чрътогъ . Герм 1546 2–4.

4. Позиция перед словом, требующим особого экспрессивного произнесения. Определение этой позиции наиболее гипотетично. Все же мы предполагаем, что «знаки препинания» в таких случаях играли роль своеобразной «метки» для проповедника (т. е. произносящего текст вслух, «чтеца»), сигнализирующей о необходимости обратить особое внимание на какое-то слово или слова. Постановка «знака препинания» в этой позиции должна была, таким образом, в наибольшей мере зависеть от субъективной оценки писца, однако и здесь наблюдается совпадение в списках Слова. Например, постановка «знаков препинания» совпадает в Супрасльской рукописи и Германовом сборнике перед словами **възглашенъиныхъ о дѣвници = възглашениыхъ о дѣвѣ** (= τῆς παρθένου τὰ προφθέγματα) в следующем пассаже:

καὶ ἕκαστα εἰκότως παρετήρει τῆς παρθένου τὰ προφθέγματα, ἵν' ὅπου νοήσει ὅτι πληροῦται τὸ μυστήριον τοῦτο, ἐξαρτύση τὸν ψόγον.

– и въсачьскты блюдѣаше . възглашенъиныхъ о дѣвници . да кгда почоукѣтъ . ꙗко съконьчакѣтъ сѧ тиннок се . то пригитовитѣ пророкъ² . Супр 245, 27–30.

– и въселничьскты блюдѣаше , възглашениыхъ о дѣвѣ . дондеже разоумѣеть , ꙗко съкон'чѣет сѧ тинна и . и пригитовитѣ порокоу . Герм 1556 9–13.

Или, например, перед словом глаголемок = глаголкама (= τὸ λαλούμενον) в следующем пассаже:

² Греч. ὁ ψόγον 'хула' в Супрасльской рукописи соответствует лексема пророкъ с корнем -рок-.

Спектр значений лексем с корнем -рек-/рок- в старославянском языке определялся превалированием в них либо семантики 'ограничения, упорядочивания, определения', либо семантики речи [21. С. 22–30], однако лексема пророкъ со значением 'хула' больше в старославянских рукописях не встречается, в то время как лексема пророкъ со значением 'пророк, прорицатель' (считается, что калька с προφήτης – см. [22. Р. 251–252] и др.) высокочастотна. Возможно, здесь имела место описка писца. Видимо, такого мнения придерживаются авторы старославянских словарей [23. S. 368; 24. С. 525].

Ξένον τὸ πρῶγμα, ὑπερβαῖνον ἔννοιαν τὸ λαλούμενον·

– дивн° дѣло прѣходитъ оумъ . глаголемок . Супр 248,18–19.

– страшнаа вещь прѣходитъ Ѹмъ . глѣма³ . Герм 1576 18–20.

Интересно, что в последнем примере в обоих списках не отделяется «знаком препинания» первое предложение **ДИВНО ДѢЛО = СТРАШНАА ВЕЩЬ** (= Ξένον τὸ πρῶγμα), но в обоих списках отмечается, что **ГЛАГОЛЕМОК = ГЛАГОЛѢМА** должно быть произнесено как-то по-особому.

Разумеется, имеются и несовпадения в постановке «знаков препинания» в списках Слова. Эти несовпадения следует, видимо, объяснять неизбежностью индивидуальных решений писцов в отношении пауз и интонации в местах, допускающих возможность различных прочтений. Такие участки текста, которые позволяют индивидуальные трактовки, можно обозначить – употребляя термин, использованный в свое время Т.М. Николаевой для других, но сходных структур [25; 26. С. 78], – как «зоны свободного выбора». В качестве иллюстрации возможных различных трактовок в этих «зонах» по спискам Слова приведем следующий пассаж:

«...‘Ο θρόνος σου φλέγεται τῇ αἴγλῃ περιλαμπόμενος, καὶ σὲ δύναται φέρειν ἀκαταλήκτως ἢ παρθένος;»

– прѣстолю твои полить зарежъ свѣта са . и та ли можетъ понести . оужасъна дѣвица . Супр 250, 18–20;

– прѣстолю твои палаетъ зарѣжъ съфта са . и тебе ли можетъ понести оужаснаа дѣва . Герм 1596 3–5⁴.

Резюмируя вышеизложенное, можно прийти к выводу, что постановка «знаков препинания» в известных нам списках Слова на Благовещение свидетельствует не о хаотичности или непоследовательности пунктуации, а, напротив, о значимости этих знаков для писцов и о возможной их связи с фразовой интонацией. Насколько верна наша гипотеза и в какой мере постоянно выявленная нами в проанализированном тексте Слова на Благовещение зависимость «знаков препинания» от определенных «семантических задач», могут показать дальнейшие исследования в данном направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вайан А.* Руководство по старославянскому языку. М., 1952.
2. *Матвеева-Исаева Л.В.* Лекции по старославянскому языку. Л., 1958.
3. *Горшков А.И.* Курс старославянского языка. М., 1994.
4. *Камчатнов А.М.* Старославянский язык. Курс лекций. М., 2000.
5. *Селищев М.А.* Старославянский язык. М., 1951. Ч. 1.
6. *Иванова Т.И.* Старославянский язык. СПб., 1998.
7. *Кривчик В.Ф., Можейко Н.С.* Старославянский язык. Минск, 1985.

³ В Германовом сборнике адъективированное причастие субстантивируется в форме мн. ч.: глаголкма (та).

⁴ Старославянский текст не точно соответствует известному нам греческому тексту: греч. ἀκαταλήκτως ‘неустрашимо’ определяет гл. φέρειν, тогда как прил. οужасъна ‘удивленная’ относится к сущ. дѣвица. Возможно, это несоответствие являлось для писцов причиной разных индивидуальных интонационных решений.

8. Тихонова Р.И., Ильина И.И. Старославянский язык. М.; Самара, 2002.
9. Večerka R. Altkirchenslavische (altbulgarische) Syntax. 1. Die lineare Satzorganisation. Freiburg, 1989. (Monumenta linguae slavicae. Т. XXVII.)
10. Дограмаджиева Е. обстоятелствените изречения в книжовния старобългарски език. София, 1984.
11. Николаева Т.М. Семантика акцентного выделения. М., 2004.
12. Фужерон И. Интонация, порядок слов и межфразовые связи // Вербальная и невербальная опоры пространства межфразовых связей. М., 2004.
13. Ефимова В.С. О сочинительных союзах в старославянском языке – где место союзу *а*? // Вербальная и невербальная опоры пространства межфразовых связей. М., 2004.
14. Ефимова В.С. Местоимение первого лица в старославянском языке – свидетельства евангельских текстов // Вербальная и невербальная опоры пространства межфразовых связей. М., 2004.
15. Severjanov S. Codex Suprasliensis / Editiones monumentorum slavlicorum veteris dialecti. Graz, 1956. Vol. I–II; Заимов Й., Капалдо М. Супрасълски или Ретков сборник. В 2 т. София, 1982–1983.
16. Е. Мирчева. Германов сборник от 1358/1359 г.: Изследване и издание на текста. София, 2006.
17. Лавров П.А. Второе издание кодекса Глаголита Цлоцианус // Древности. Труды Славянской комиссии Московского археологического общества. I. М., 1895.
18. Федер У., Спасова М. Преписване, поправяне, редактиране и сверка на славянския превод на три Златоустови Великопостни слова // Преславска книжовна школа. Шумен, 2006. Т. 9.
19. Иванова-Мирчева Д. Архаичен препис на слово № 21 от Супрасълския сборник // Изследвания върху историята и диалектите на българския език. Сборник в памет на чл.-кор. Кирил Мирчев. София, 1979.
20. Мирчева Е. Прояви на преславската преводаческа и редакторска школа в слово № 21 от Супрасълския сборник // Старобългаристика. Г. XXI. 1997. № 2.
21. Ефимова В.С. Лексика со значением речи в старославянском языке. II. Слова с корнями *-рек-*, *-глас-*, *-глагол-* // Славяноведение. 1997. № 5.
22. Molnár N. The Calques of Greek Origin in the Most Ancient Old Slavic Gospel Texts. A Theoretical Examination of Calque Phenomena in the Texts of the Archaic Old Slavic Gospel Codices. Köln; Wien, 1985.
23. Slovník jazyka staroslověnského. Praha, 1958–1997. Т. I–IV.
24. Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.) / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1994.
25. Николаева Т.М. О соотношении сегментных указателей и суперсегментных языковых средств // Вопросы языкознания. 1968. № 6.
26. Николаева Т.М. Смысловое членение текста и его индивидуальные варианты // Semiotyka i struktura tekstu. Warszawa, 1973.

© 2010 г. С.А. ИВАНОВ

МИФОЛОГИЧЕСКИЙ КОНВОЙ «БАСНИ О СОВИИ»
В СОСТАВЕ ИУДЕЙСКОГО ХРОНОГРАФА

Так называемый Иудейский Хронограф, или Хронограф 1262 г., донесен до нас в составе Архивского, Виленского и Варшавского хронографов (литературу см. [1; 2. С. 158], анализ см. [3]). В этом компилятивном своде читается знаменитая «Басня о Совии» – неожиданно оригинальный рассказ о языческих верованиях литовцев, помещенный в середину гигантского заимствования из Хроники Иоанна Малалы [4. С. 24]. Проблеме отражения в древнерусской книжности мифологических сведений самого Малалы посвящено немало работ (см., например, [5]), но нас этот вопрос занимать не будет.

«Басня о Совии» предваряется неким загадочным текстом (Слова 16–17), о характере которого в науке высказывались различные мнения. Поскольку некоторые его сюжеты похожи на соответствующие, но более поздние рассказы самого Малалы, было не очень понятно, почему эти сюжеты оказались рядом с ними. В.М. Истрин ограничивается кратким «на греческом не сохранилось» [6. С. 327]. О.В. Творогов сначала предполагал, что в хронографах представлен «текст Хроники Малалы в иной версии, чем та, которая известна нам по Оксфордскому списку и Парижской рукописи № 682» [7. С. 133], позже склонился к гипотезе, что «наряду с Хроникой Малалы в распоряжении древнерусских книжников, видимо, был и какой-то другой источник: его, возможно, использовали параллельно с текстом Хроники Малалы» [8. С. 3–31], а в соответствующей статье из «Словаря книжников» вообще обошел этот вопрос. И. Лемешкин, занимающийся в последнее время легендой о Совии и посвятивший много внимания именно Словам 16–17, считает их частью оригинального творчества славянского книжника: «Фрагмент может быть целиком вымышленным» [9. Р. 157] (ср. [10. Р. 229–275]).

Между тем, Д.М. Буланин справедливо указал, что мы здесь имеем дело с переводным текстом и что перевод этот – не из Малалы, а из гораздо более позднего автора – Никиты, митрополита Ираклийского, жившего в XI–XII вв. [2. С. 158] (о Никите см. [11]). Перу данного автора принадлежит, помимо прочего, обширный комментарий к проповедям Григория Назианзина, который был переведен на церковнославянский язык: частично – в XII в., а полностью – в XIV в. О том, когда и где именно был осуществлен этот перевод, пока точно не известно [12. С. 113–115]. Ситуация усугубляется тем, что не только славянский перевод не опубликован, но и греческий оригинал издан лишь отрывочно и крайне неудовлетворительно [13]. То, что автор Хронографа мог обращаться к

Иванов Сергей Аркадьевич – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН

популярному и широко переписывавшемуся в славянском мире комментарию Никиты, не вызывает удивления [14]¹. Но ситуация представляется еще более запутанной².

Чтобы хоть отчасти разобраться в сложной мозаике Иудейского Хронографа, необходимо представить его мифологические пассажи в виде таблицы. В свое время Д.М. Буланин опубликовал славянский текст Никиты, использованный, в частности, и в Хронографе, – но сделал это не по раннему, а по позднему переводу, который не мог служить источником для Хронографа [2. С. 332–364]. Кроме того, появившееся в 1977 г. издание мифологических отрывков Никиты осталось неизвестно Д.М. Буланину.

Ниже пассаж из Хронографа приведен по Виленскому списку, сверенному с Архивским (любезно предоставлен Т.Л. Вилкул), в сравнении с теми параллельными источниками, которые на сегодняшний день удалось отождествить. Жирным шрифтом выделены слова, не имеющие аналогов в соседней колонке. Курсивом выделены слова, имеющие неполную аналогию в соседней колонке. Отдельные куски греческого текста, имеющие параллели в Хронографе, но отсутствующие в издании 1977 г., публикуются по двум рукописям Никиты, хранящимся в Синодальном собрании ГИМ: № 59 (1339 г.) и № 67 (XIV в.).

<p>Въ та ж лѣта краду огньную пустил бѣ с нбси на гиганти живоущая на земли въ келтестѣи стра //л. 26. странѣ . и пождже я . пришедши ж крада въ <i>иорданскую</i> рѣкѣу . и вгасе</p>	<p>Ἐν τοῖς χρόνοις τούτοις σφαῖραν πυρὸς ἔπεμψεν ὁ θεὸς ἐκ τοῦ οὐρανοῦ κατὰ τῶν ὄντων ἐν τῇ Κελτικῇ χώρᾳ γιγάντων, καὶ ἔκαυσεν αὐτὴν καὶ αὐτούς. Καὶ εἰς τὸν <i>Ἥριδανόν</i> ποταμὸν ἐνεχθεῖσα ἡ σφαῖρα ἐσβέσθη.</p> <p>Ioannis Antiocheni Fragmentum 2.35-41 (Müller).</p> <p>В эти годы Бог наслал с неба огненный шар на гигантов, живущих в Кельтской стране, и сжег как ее, так и их. Попав в реку Иридан, шар был потушен.</p>
<p>хоусь моуринь роди неврода гиганта . иж сътворил вавилон . его же глють прьси ба бывша . и суца въ свѣздах нбсных . его ж наричють кружилиа . то ж прѣжде наставил ловити свѣрь . и даяше вѣъм сверину ясти . <i>старѣи</i> прьсом црь их</p>	<p>Χοὺς ὀνόματι, ὁ Αἰθίοψ, ὅστις ἐγέννησεν τὸν Νεβρώδ γίγαντα τὸν τὴν Βαβυλωνίαν κτίσαντα, ὃν λέγουσιν οἱ Πέρσαι ἀποθεωθέντα καὶ γενόμενον ἐν τοῖς ἄστροις τοῦ οὐρανοῦ, ὄντινα καλοῦσιν Ὑρίωνα. οὗτος ὁ Νεβρώδ πρῶτος κατέδειξε τὸ κυνηγεῖν καὶ χορηγεῖν πᾶσι θηρία εἰς βρῶσιν· καὶ <i>ἐπρώτευε</i> Περσῶν</p> <p>Chronicon paschale / Ed. L. Dindorf. Bonn, 1832. P. 64.13–18.</p>

¹ Догадка С.П. Шестакова о том, что некоторые мифологические пассажи Малалы могут восходить к (Псевдо-)Нонну [15], была отчасти справедлива: он считал Иудейский Хронограф частью Малалы, а Нонна – источником Малалы. В действительности же частью Хронографа был текст Никиты, но источником для Никиты и в самом деле послужил (Псевдо-)Нонн.

² В пользу знакомства славянского мира с Псевдо-Нонном см. [16]. Опровержение см. [17. С. 66–67].

	...Эфиоп по имени Хус, который родил гиганта Неврода, основателя Вавилона, о котором персы говорят, будто он обожился и обретается среди звезд небесных, и нарицают его Орионом. Этот Неврод первым научил всех охотиться и приносить дичь в пищу. И он был главным у персов.
. вѣщаша древнии яко кронъ въста на оца своего глемаго дамиа, и отрѣзавъ оуды его таинныя въврѣже в море	Φασὶν ὅτι ὁ Κρόνος ἐπανέστη κατὰ τοῦ πατρὸς αὐτοῦ, τοῦ Οὐρανοῦ λεγομένου, καὶ ἐκτεμὼν ἐκείνου τὰ αἰδοῖα, ἔρ' ῥίψεν εἰς τὴν θάλατταν <i>Nicetae Heracleensis commentariorum XVI orationum Gregorii Nazianzeni fragmentum 26.1–3</i> Говорят, что Крон восстал против отца своего, именуемого Ураном, и, отрезав ему срам, бросил в море
приплувше ж таинных оудовъ отрезание к берегу афр?? (на поле: афродита) ведѣвши и и взят их . да овогда творяще моужьская . а другды страдша женьскаа	καρπὸς δὲ τῶν ἀσελγῶν ἐκείνων μορίων καὶ τοῦ κύματος. Ἡ Ἀφροδίτη γίνηται καὶ οὕτω, μὲν ...плодом этих нечестивых удов и волны. Так родилась Афродита... ?
так оубо та студнѣи породнѣчется бгыни . паки блоудных ради смѣшении скверных таинь	αὕτη αἰσχρῶς ἐγεννήθη, τιμᾶται δὲ πάλιν αἰσχρῶς διὰ ἀσελγῶν μίξεων καὶ μιαρῶν μυστηρίων. <i>Nicetae Heracleensis commentariorum XVI orationum Gregorii Nazianzeni fragmentum 26.3–5</i> С одной стороны, само ее рождение было отвратительно, а с другой – она сама почитается отвратным образом: через нечестивые совокупления и скверные таинства
тѣй же кронъ наречень быс от дамиа оца своего . въ имяя прѣходняя свѣзды . бѣ ж страшень всѣм . яко лють ратникъ сѣкийи вся	Κρόνος, ἐπικληθεὶς ὑπὸ Δάμνου τοῦ ἰδίου πατρὸς εἰς τὴν ἐπωνυμίαν τοῦ πλάνητος ἀστέρος... ἦν δὲ φόβον ἔχων πρὸς πάντας, ὡς πολέμιος καὶ ἀναιρῶν πάντας <i>Chronicon paschale. P. 65.3–4, 8–9</i> Крон, названный собственным отцом Дамном по имени блуждающей звезды ... он был страшен для всех, будучи всем враждебен и убивая [всех]
бают бо баснословци елиньстии . яко отвѣтъ приеми оць дыевъ . яко остигис ему звания црьскаго от единаго от дѣттии его . елико ражаше емоу моужскъ поль жена его . <i>ира</i> . а онъ их пожираше . родивши ж дья и милующи красоты его ради . оукрадши въ критъ и отслала . си ж <i>бляди</i> гли их бгы я <i>нарицаху</i>	Μυθολογοῦσιν οἱ θεολόγοι τῶν Ἑλλήνων, ὅτι χρησμὸν λαβὼν Κρόνος ὁ πατὴρ τοῦ Διός, ἐξωσθῆναι τῆς τῶν θεῶν βασιλείας ἐφ' ἑνὸς τῶν παιδίων αὐτοῦ, κατέπινεν ὅσα ἔτικτεν αὐτῶ ἄρ' ῥένα ἢ ῥέα ποτέ γοῦν, γεννήσασα τὸν Δία καὶ ἐλεήσασα αὐτόν, διὰ τὸ τῆς ὄψεως αὐτοῦ ἀστείου, ἔκλεψεν αὐτόν καὶ εἰς Κρήτην ἐξέπεμψεν καὶ περιέστησεν αὐτῶ <i>Κουρήτας</i> δαίμονάς τινας <i>ἠχοῦντας</i>

	<i>Nicetae Heracleensis commentariorum XVI orationum Gregorii Nazianzeni fragmentum 29.1–5</i>
	Языческие богословы сочиняют, будто Крон, отец Зевса, получив прорицание, что одним из своих детей он будет низвержен из царствования над богами, пожирал всех детей мужского пола, которых рожала ему когда-либо Рея. Родив же Зевса, (Рея), пожалев его за красоту его облика, спрятала его и отослала на Крит и приставили к нему неких демонов куретов, которые шумели
оставивъ ж пикъ сна своего въ асоуирии . именем велонана	Πίκος καὶ Ζεὺς, ὃν ὠνόμασε Βῆλον... Κρόνος ἑάσας τὸν ἑαυτοῦ υἱὸν Πίκον ἐν τῇ Ἀσσυρίᾳ Chronicon paschale. P. 65.18–20 ...Пик, он же Зевс, того, кого называли Белом... Крон оставил своего сына Пика в Ассирии
и отидѣ къ своему оцо крону на запад . велонъ ж црствовавъ . в . лѣтѣ , оумреть . его ж пръси бга дръжать . пикъ ж поя <i>сестру свою</i> иру	ἀπῆλθεν ἐπὶ τὴν δύσιν πρὸς τὸν ἑαυτοῦ πατέρα τὸν Κρόνον. ὁ δὲ Βῆλος ἐβασίλευσεν τῶν Ἀσσυρίων ἔτη δύο, καὶ τελευτᾶ, ὄντινα οἱ Πέρσαι ἀπεθέωσαν. ...Πίκος.. τὴν ἑαυτοῦ μητέρα τὴν Σεμίραμιν ἔλαβεν γυναῖκα· ἐξ οὗ Πέρσαι νόμος γαμεῖν τὰς ἑαυτῶν μητέρας καὶ τὰς ἀδελφάς Chronicon paschale. P. 66.18–21; 67.3–6 ...ушел на запад к своему отцу Крону. Бел же царствовал над ассирийцами два года и скончался, персы его обожествили... Пик... взял в жены свою мать Семирамиду. Отсюда (произошел) закон, чтобы персы женились на своих матерях и сестрах
елинстии же философи слѣни негодующе . иру мтръ всѣх бѣ нарицаху	?
дръжал црствуя западним всѣм . имѣ сны и дщери многы . от многих добрых жень люבודѣявъ с ними . бѣ и бо таибник влѣшебы нѣкиа творя <i>прежесая я</i> . жены ж сии ба имѣаху . ведомыя им лестию / <i>л.26 об.</i> яко ж кажюща им виды нѣкиа и проказы .	Ζεὺς ἐβασίλευσε τῆς Ἰταλίας, ἔτη ρκ' κρατῶν τῆς δύσεως. ἔσχε δὲ υἱοὺς καὶ θυγατέρας πολλὰς ἀπὸ τῶν εὐπρεπεστάτων γυναικῶν· καὶ γὰρ καὶ μυστικὰς φαντασίας ποιῶν τινὰς καὶ ὑπονοθεύων αὐτάς. αἴτινες γυναῖκες καὶ ὡς θεὸν αὐτὸν εἶχον, φθειρόμεναι ὑπ' αὐτοῦ Chronographia (eclogae e cod. Paris. gr. 1336) // <i>Cramer J.A. Anecdota Graeca e codd. manuscriptis bibliothecae regiae Parisiensis. Vol. 2. Oxford, 1839. P. 236.9–13</i> Зевс царствовал над Италией, проправив на западе 120 лет. Имел он множество сыновей и дочерей от красивейших женщин. Дело в том, что он создавал некие иллюзорные видения и так вводил их в заблуждение. Те женщины, которых он соблазнял, считали его богом

<p>фаоуна бо снѣ ... его златым бгом нарицаху. и обрѣтша им руду златоую</p>	<p>ὁ υἱὸς αὐτοῦ Φαῦνος... τὸν χρυσὸν θεὸν ὀνομάζοντες ...ὅστις ἐφεῦρεν τὸ μέταλλον τοῦ χρυσοῦ</p> <p>Malalas (Bonn), 20.10; 21.2–3; 20.11–12 Сын его Фаун... называя его золотым богом... который открыл золотую руду</p>
<p>дающа имъ злато много. Ира- каиа же сна его въбжившас . инѣх женяще седмьдесят бгы я нарицаху . тако ж сна бяху</p>	<p>?</p>
<p>о нем же глють . ни дионоусии . стегно рожанию . несношены породил . иногда же глаху глава дыева от того родитис . афинѣ , сего ж глють мужь и жена бѣ . овогда стража женьскаа . овогда творя мужская .</p>	<p>Διόνυσος, ὃς τις ἀνδρόγυνος ἦν, ὡς ποτὲ μὲν ποιῶν τὰ τῶν ἀνδρῶν, ποτὲ δὲ πάσχων τὰ τῶν γυναικῶν, οὐδὲ μὴρὸς τοῦ Διὸς ὠδίνων καὶ ἐγκυμονῶν τὸν Διόνυσον, ἔστι ἀτελής, ὄντα κύημα, καθὼς περ' ἄλλοτε ὠδινε πρότερον κύημα ἢ κεφαλὴ τοῦ Διὸς</p> <p><i>Nicetae Heracleensis commentariorum XVI orationum Gregorii Nazianzeni fragmentum 21.12–15</i> Дионис, который был андрогиним, так что иногда действовал как мужчина, а иногда претерпевал то, что свойственно женщинам... не бедро Зевса рожало и вы- нашивало Диониса, поскольку беременность была не- завершенной, точно так же в другой раз, предыдущую беременность вынашивала голова Зевса</p> <p>φασὶ γάρ τε Ἀθῆναν ἐκ τῆς κεφαλῆς τοῦ Διὸς γεννηθῆναι...</p> <p><i>Cod. Mosquenses 59, f. 253 r; 67, f. 292v</i> Говорят ведь, что Афина родилась из головы Зевса</p>
<p>яж пианьству ликы творяше . и сего ради въбжшиа и . и вино оупояше их</p>	<p>διὰ τὴν μέθην ἐπειδὴ τοῦ οἴνου ἔφορον τοῦτου... ἑτίμων σεβόμενοι</p> <p><i>Cod. Mosquenses 59, f. 253 r; 67, f. 292v</i> Из-за пьянства он почитали и поклонялись этому вин- ному эфору</p>
<p>И инѣх бѣ безчисльных их же елинскаа прѣлестъ въбжшиа члком ... О пелепонидѣ . и кро- пиде кеоульке меоньсе . елпиде ж ираклиде . прииди изреку изъ- ображение слову сему</p>	<p>οὐδεν ἂν ἦσαν μοι πάλαι παρὰ τοῖς Ἑλλῆσιν εὐγενεῖς Πελοπίδαι τινές καὶ Κεκροπίδαι καὶ Ἀλκμαίωνες καὶ Αἰάκιδες καὶ Ἡρακλείδαι... φέρει δὲ ἀναλεξάμενοι τὰς ἱστορίας λέγωμεν</p> <p><i>Cod. Mosquenses 59, f. 192 r; 67, f. 211r-v</i> Ничем были для меня древние благородные меж элли- нами Пелопиды и Кекропиды, Алкмеоны, Эакиды и Ге- раклиды... Расскажем же, собрав вместе, эти истории</p>

<p>пелопсь . снѣ бѣи <i>антоиловѣ</i> , и таловѣ фругиискаг цря . а ангаталь , брань приемь , съ иломь . създавшимъ <i>слчныи град</i> бояся побѣжениа . <i>възрати</i> сна своег . <i>въ пелепиду</i> . <i>пояти пеища</i> съ имѣниемъ рекъ , аще оубо побѣжю възвратися въ фругию . аще ли побѣдятъ мя прѣбуди въ европии . поемъ ж пелопсь въ иладу въ <i>безаконную</i> страну тако совему . в ней ж црь именеосъ . имѣ дщерь иподамию . его ж с конникъ побѣдивъ пелопсь . и возьмъ страну въ япия мѣсто, имѣнова пелепонись .</p>	<p>Πέλοψ υἱὸς γέγονε <i>Ταντάλου</i> Φρυγίας βασιλέως . Ὁ δὲ Τάνταλος πόλεμον ἐσχημῶς μετὰ Ἴλιου τοῦ κτίσαντος τὸ Ἴλιον, ἦγουν τὸ Ἴλιον τὸ ἐπὶ Τροίας καὶ φοβούμενος τὴν ἦτταν, ἐπέτρεψε τῷ υἱῷ αὐτοῦ Πέλοπι, ἀπᾶραι εἰς τὴν ἠπειρον, μετὰ χρημάτων, εἰπὼν ταῦτα, ὅτι, ἐὰν μὲν νικήσω, ὑπόστρεφε πάλιν εἰς τὴν Φρυγίαν, ἐὰν δὲ ἠττηθῶ, μένε εἰς τὴν Εὐρώπην. Λαβὼν οὖν ὁ Πέλοψ τὰ χρήματα, ἦλθεν εἰς τὴν Ἑλλάδα, ἐν Ἀππία χώρα, οὕτω καλουμένη ἧς ἐβασίλευσε Οἰνόμαος, ἔχων θυγατέρα Ἴπποδάμειαν. Ὅν ἐν ἀγῶνι ἵππικῷ νικήσας ὁ Πέλοψ ἔλαβε γυναῖκα τὴν Ἴπποδάμειαν καὶ κατασχὼν τὴν χώραν ἀντὶ Ἀππίας ἐκάλεσε Πελοπόννησον</p> <p><i>Nicetae Heracleensis commentariorum XVI orationum Gregorii Nazianzeni fragmentum 10.1–9</i></p> <p>Пелопс был сыном Тантала, фригийского царя. Тантал вступил в войну с Илом, основавшим Илион, или Илион Троянский. Опасаясь поражения, он наказал своему сыну Пелопсу отправиться с деньгами на материк, сказав ему следующее: если я одержу победу, возвращайся обратно во Фригию, если же буду разбит, оставайся в Европе. Итак, Пелопс, захватив деньги, отправился в Элладу, в страну, называемую Аппия, в которой царствовал Эномай, а у него была дочь Гипподамия. Пелопс победил его в конском состязании, взял в жены Гипподамию и, овладев страной, назвал ее вместо Аппии Пелопоннесом</p>
<p>кекропъ съ ж црь бѣи афинѣом , иж и велми оукраси атическую страну . зваша ж ся <i>двоигласен</i> . акы двѣи <i>странѣ прѣмог</i> . еладу , и еюпеть . глтѣ бо яко афинѣи бѣша от егупта . егупеть ж от саеса града . властитель ж афинѣом . тот кекропъ быс , имьи егупетскыи глас . навиче ж елинскы . оттуда убо // <i>л.27. сводими</i> кекропидѣ именуется .</p>	<p>Ἅ ὁ δὲ Κέκροψ βασιλεὺς γέγονεν Ἀθηνῶν. Ὅς μεγάλως τὴν Ἀττικὴν κατεκόσμησεν ἐκαλεῖτο δὲ <i>διφυής</i>, ὅτι δύο <i>φωνάς ἦν ἡσκημένος</i>, τὴν Ἑλληνίδα καὶ τὴν τῆς Αἰγύπτου, λέγεται γὰρ ὅτι Ἀθηναῖοι ἀποικοὶ ἦσαν Αἰγυπτίων, ἀπὸ Σάεως πόλεως. Ἡγεμῶν δὲ τῆς <i>ἀποικίας</i> οὗτος ὁ Κέκροψ ἐγένετο. Ἔχων οὖν τὴν Αἰγυπτίαν φωνὴν ἔμαθε καὶ τὴν Ἑλληνίδα <i>γλῶσσαν</i>, ἦγουν τὴν Ἑλληνίδα. Οἱ δὲ ἀπὸ τούτου <i>καταγόμενοι</i> Κεκροπίδαι ὀνομάζοντο</p>
	<p><i>Nicetae Heracleensis commentariorum XVI orationum Gregorii Nazianzeni fragmentum 17.1–6</i></p> <p>Кекропс был царем Афин. Он великолепно украсил Аттику, именовался же «двуприродным», поскольку владел двумя языками, эллинским и египетским. Говорили, что афиняне – египетские колонисты, из города Саис. Предводителем отселения и стал этот Кекропс.</p>

<p>еасъ ж и тот снъ быти диосу глется въ правду <i>славень</i> . нѣкогда бо бездождно бывшо въ еладѣ . приидоша к нему старѣишины града . молити своег оца да быи дождь быть . <i>еаксъ</i> же ставъ . и тако помолися оцю своему . от бѣсовскаго дѣиства <i>бывъ дождь</i> . онѣмъ ж мнѣвшим яко от оца ему бывшо бгом и нарицаху . вода многа напои еладу . оттуда да оубо <i>чсть</i> еакоу явис . тотъ ж ражает дваи сна . пилея . и теламона . пилеи ражает яхилея . а теламофъ . еанта . иж зовутся <i>аныкде</i> . чсть от дѣда своего приемлюще .</p>	<p>Владея египетским языком, он выучил и эллинский, то есть греческий. Его потомки назывались Кекропиды</p> <p>Αἰακὸς δὲ οὗτος υἱὸς ἐλέγετο εἶναι τοῦ Διός, δίκαιος τὰ μάλιστα. διό ποτε ἀβροχίας γενομένης ἐν τῇ Ἑλλάδι, ἦλθον πρὸς αὐτὸν οἱ προεστῶτες τῶν πόλεων παρακαλοῦντες εὐξασθαι τῷ ἰδίῳ πατρὶ ἵνα γένηται ὑετός. ὁ δὲ στὰς καὶ εὐξάμενος, ἔλυσε διὰ τῆς εὐχῆς τοὺς αὐχμούς. καὶ κατερρῦη ὕδωρ ποτίζον τὴν Ἑλλάδα. Μάλιστα οὖν καὶ ἐκ τούτου ἡ εὐσέβεια ἐδείχθη τοῦ Αἰακοῦ. Οὗτος γεννᾷ δύο υἱούς, τὸν Πηλέα καὶ τὸν Τελαμῶνα, ὧν ὁ μὲν Πηλεὺς τίκτει τὸν Ἀχιλλέα, ὁ δὲ Τελαμῶν τὸν Αἴαντα· οἵτινες ἐκαλοῦντο <i>Αἰακίادαι</i>, τὴν ἀπὸ τοῦ πάππου τιμῆν ἐντεῦθεν κληρούμενοι</p> <p><i>Nicetae Heracleensis commentariorum XVI orationum Gregorii Nazianzeni fragmentum 16.1–8</i> Говорили, что Эак был сыном Зевса и очень справедливым. Поэтому, когда в Элладе случилось бездождие, старейшины городов пришли к нему, прося помолиться своему отцу, чтобы был дождь. Он же, встав и помолившись, своей молитвой закончил засуху, и потекла вода, напоая Элладу. В этом примере особенно проявилось благочестие Эака. Он родил двух сыновей, Пелея и Теламона, из коих Пелей родил Ахиллеса, а Теламон – Аякса, они назывались Эакидами, унаследовав почет от своего деда</p>
<p>ираклии же и тотъ снъ быти диосу глется . въ правду славен . зевесъ бо быс съ алькминою сътворився <i>члом</i> и съвокупився . и роди ираклия . иж многы побѣды сътворил ираклии . мноси ж быша от ираклѣя . пръвое славныи илосъ церь от него ж лакедемонсти црве вси по роду елинескъ . неявиымъ приобѣгают . басни</p>	<p>‘Ο δὲ Ἑρακλῆς λέγεται καὶ αὐτὸς υἱὸς τοῦ Διὸς γεγονέναι. ‘Ο γὰρ Ζεὺς συνεγένετο τῇ Ἀλκμήνῃ, ὁμοιωθεὶς <i>τῷ ἀνδρὶ αὐτῆς Ἀμφιτρώωνι</i> καὶ ἐγένησε τὸν Ἑρακλέα, ὃς καὶ τοὺς μεγάλους ἄθλους ἐκείνους διήνυσε, πολλοὶ οὖν γεγόνασιν ἀπὸ Ἑρακλέους· ὧν πρῶτος καὶ ἔνδοξος ὁ Ὑλλος, ἐξ οὗ καὶ οἱ Λακεδαιμονίων βασιλεῖς πάντες Ἑρακλεῖδαι ἐλέγοντο, καὶ ἀπλῶς οἱ Ἕλληνες οὐκ ἔχοντες <i>ἀπὸ τῶν οἰκείων</i> εἰπεῖν τί φανερώς καὶ καυχῆσασθαι ἐπ’ ἐκείνῳ καταφεύγουσιν εἰς τὸ ἀφανὲς καὶ εἰς τοὺς μύθους</p>
	<p><i>Nicetae Heracleensis commentariorum XVI orationum Gregorii Nazianzeni fragmentum 14.1–7</i> Говорят, что Геракл и сам был сыном Зевса. Ведь Зевс соединился с Алкменой, приняв облик ее мужа Амфитриона, и родил Геракла, который совершил свои знаменитые подвиги. А от Геркала родились многие, из коих первый и славный – Илл, а от него все лакедемонские цари именовались Гераклидами. Попро-</p>

	ту говоря, эллины, не будучи в состоянии ни сказать что-либо точное о своих собственных предках, ни гордиться ими, прибегают к темным мифам...
хваляще своя дѣды онъ сии и други... ираклии, иж неврно ес яко бѣ буда смртнѣи женѣ примѣсися. оукорѣ же пач роду его, и ты пристрстнѣ нѣс бѣ.	ἐπιφημίζοντες ἑαυτοῖς προγόνοι, τὸν δεῖνα ἢ τὸν δεῖνα. Ἰρακλέα... ἄπιστον ἐστὶ... ὅτι θεὸς ὦν... θητητῇ γυναικὶ κατὰ πάθος ἐμίγη, ὕβρις δὲ μάλιστα τοῦ γένους... ὁ ἐμπαθῆς οὐκ ἐστὶ θεός <i>Cod. Mosquenses</i> 59, f. 192v; 67, f. 212r ...они бахвалются, записывая себе в предки такого-то и такого-то... Геракла... совершенно невероятно.. чтобы тот, будучи богом... по страсти совокуплялся со смертной женщиной. Это скорее поношение роду... тот, кто подвержен страсти, не является богом
зане ж ко алькминѣ женѣ, афитрионѣ примѣсися, блондивѣ бо творяше с нею. сего ради оубожиша ираклѣя	?

Сравнение отрывков из Никиты, попавших в Иудейский Хронограф, с более поздним славянским переводом Никиты, частично опубликованным Д.М. Буланиным [2. С. 336–338, 351, 353–354], показывает, что древнерусский хронист использовал какой-то иной текст, нежели тот, что известен нам. Кроме того, перевод делался человеком, который владел бытовым греческим языком: весьма характерным представляется передача мифологических Куретов через «бляди». Очевидно, переводчик знал, что в Византии бытует слово «курва» с соответствующим значением [18. Σ. 334].

Самое же интересное в том, что среди мифологических текстов Хронографа попадаются фрагменты, вообще не возводимые пока что ни к текстам Никиты Ираклийского, ни даже к его источнику, Псевдо-Нонну. Первая книга Малалы известна своей плохой сохранностью. Большие фрагменты ее реконструируются на основе параллельных источников. Именно поэтому трудно сказать, к какому пласту текста относятся фрагменты из Пасхальной Хроники и Иоанна Антиохийского³, которыми перемежаются интересующие нас мифологические отрывки из Никиты Ираклийского.

Разумеется, впредь до появления соответствующих критических изданий всякие выводы о том, важен ли данный отрывок для истории текстов Никиты Ираклийского на славянской, а пожалуй, и византийской почве, будут носить сугубо предварительный характер.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Творогов О.В.* Хронограф Архивский // *Словарь книжников и книжности Древней Руси.* Л., 1987. Вып. 1. С. 475–476; *Творогов О.В.* Хронограф Виленский // *Словарь книжников и книжности Древней Руси.* Л., 1987. Вып. 1. С. 476.
2. *Буланин Д.М.* Античные традиции в древнерусской литературе XI–XVI вв. München, 1991.
3. *Вилкул Т.Л.* Иудейский и Софийский хронографы в истории древнерусской хронографии (в печати).
4. *Орлов А.С.* О галицко-волынском летописании // *ТОДРЛ.* 1947. Т. 5.

³Новейший издатель Иоанна Антиохийского считает, что данный фрагмент не принадлежит этому автору, а относится к самостоятельной традиции, представленной в рукописи *cod. Paris.* 1630 [19].

5. *Удальцова З.В.* Хроника Иоанна Малалы в Киевской Руси // Археографический ежегодник за 1965 г. М., 1966. С. 47–58; *Шусторович Э.М.* Древнеславянский перевод Иоанна Малалы (история изучения) // ВВ. 1969. Т. 30. С. 136—152; *Шусторович Э.М.* Хроника Иоанна Малалы и античная традиция в древнерусской литературе // ТОДРЛ. 1968. Т. XXIII. С. 62–70 и т.д.
6. *Истрин В.М.* Александрия русских хронографов. М., 1893.
7. *Творогов О.В.* Древнерусские хронографы. Л., 1975.
8. *Творогов О.В.* Античные мифы в древнерусской литературе XI–XVI вв. // ТОДРЛ. 1979. Т. XXXIII.
9. *Лемешкин И.* Балтийская «басня» в составе хронографа 1261 г. Фольклорный нарратив о Совии // Iš užsienio tyrinėjimų. Tautosakos darbai. 2005. Т. XXX.
10. *Лемешкин И.* Иоанн Малала и фольклорное сказание о Совии в составе Хронографа 1262 г.: переводная византийская хроника и древняя литовская литература // Senoji Lietuvos literatūra. Vilnius, 2006.
11. *Tusculum Lexikon.* Zürich, 1982. S. 564–565; *Oxford Dictionary of Byzantium.* Washington, 1986. Vol. II. P. 1481; *Beck H.-G.* Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich. München, 1959. S. 651–653.
12. *Бруни А.М.* Θεολόγος. Древнеславянские кодексы Слов Григория Назианзина и их византийские прототипы. СПб., 2004.
13. *Constantinescu R.* Nichita din Heracleea. Comenterii la cele 16 cuvîntări ale lui Grigore din Nazianz. Bucureşti, 1977.
14. *Christian's Guide to Greek Culture. The Pseudo-Nonnus 'Commentaries' on 'Sermons' 4, 5, 39 and 43 by Gregory of Nazianus / Ed. by J. Nimmo Smith.* Liverpool, 2002. P. XLVI.
15. *Шестаков С.П.* О значении славянского перевода Хроники Иоанна Малалы для восстановления и исправления ее греческого текста // ВВ. 1894. Т. 1.
16. *Славова Т.* Славянски митологически композиции // Старобългаристика, 1993. Т. 17. № 3.
17. *Thomson F.* The Myth of a Slavonic Translation of Pseudo-Nonnus' Scholia Mythologica in Orationes Gregorii Nazianzeni // Palaeobulgarica. 1994. Vol. 18. № 3.
18. *Κριαράς Ε.* Λεξικό της μεσαιωνικής δημόδους γραμματείας, 1100–1669. Θεσσαλονίκη, 1982.
19. *Mariev S.* Über des Verhältnis von Cod.Paris.1630 zu den Traditionen des Johannes Malalas und Johannes von Antioch // Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik (в печати).

III ЛИТОВСКИЙ СТАТУТ И ЕГО ПРОЕКЦИИ

Выдающийся польский историк права В.А. Мацейовский в середине XIX в. в «Истории славянских законодательств» характеризовал III Литовский статут (далее – ЛС) 1588 г. как великий памятник законодательства своего времени. Тогдашняя Европа подобного не знала. Статут похож на «растение, которое, извлекая соки из растущих рядом деревьев, обогатилось ими и, переработав, снова отдало этим же деревьям как лучшие и более питательные» [1. S. 207]. Мацейовский также отметил органическую связь статута с правовым окружением, происходивший в этой сфере процесс инкультурации, под которым понимается многостороннее взаимодействие в противоположность акультурации – односторонней рецепции образцов, созданных вышестоящей культурной группой.

Указание Мацейовского на тесную связь права с культурой побуждает к анализу этого памятника права с точки зрения его проекций на политическую, социальную, правовую сферу, а также культуру не только Великого княжества Литовского (далее – ВКЛ), но и соседних регионов. Понятие «проекция» обозначает реально действующие, хотя не обязательно оформившиеся юридически нормативы взаимосвязи. Эти проекции, очень длительные по времени (ведь III ЛС сохранял обязательную силу вплоть до 1840 г.), затрагивали широкий политико-географический регион. Не следует забывать и о причинах притягательности этой модели.

1. III ЛС возник на завершающем этапе кодификационных работ, результатом которых первоначально был I Статут 1529 г., а затем II ЛС 1566 г., принятый литовским вальным сеймом и утвержденный Сигизмундом Августом накануне Люблинской унии 1569 г. (см. [2]). II ЛС в области права санкционировал политическую эмансипацию шляхты ВКЛ, которая добилась – по образцу польской шляхты – правового равноправия с могущественной литовско-русской магнатерией. Уния укрепила позиции шляхты, санкционировала такие ее общественно-политические завоевания, как сеймики и шляхетские суды, но одновременно поставила на повестку дня проблему охраны государственно-правовой самостоятельности ВКЛ в пределах федеративной Речи Посполитой. В связи с этим и III ЛС должен был – в общественно-правовой проекции – выполнить две дополнительные задачи: упрочить позиции шляхты и усилить государственную и общественно-правовую самостоятельность Литвы.

Выполнение первой задачи облегчалось составом подготавливавшей проект III ЛС кодификационной комиссии, состоявшей из девяти представителей шляхты (по одному от каждого воеводства), двух сенаторов, а также секретаря и одновременно эксперта в лице доктора права Августа Ротундуса. Этому способствовал и

процесс работы над проектом, который обсуждался на сеймиках и вальных съездах ВКЛ. Хотя в работе по подготовке III ЛС значительную роль играли руководители господарской канцелярии Остафий Волович, а позднее Лев Сапега, последний в помещенном во вступлении к опубликованному изданию – посвящении королю Сигизмунду III Вазе писал, что монарх утвердил статут, «поправленный мудрыми людьми, знавшими законы и избранными для этого нашим народом»¹. Так Сапега оценил участие шляхетских делегатов в создании статута. Можно считать, что эта формулировка, отражающая соотношение общественных сил в момент утверждения статута, представляла его политическую проекцию.

Другая задача заключалась в подчеркивании политической самостоятельности ВКЛ. В статуте не говорится об унии, объединившей ВКЛ и Польское королевство, называемое обычно Короной. Это позволило некоторым исследователям, внесшим значительный вклад в историографию законодательства ВКЛ (И.И. Лаппо, А. Шапоке), выдвинуть тезис, будто III ЛС отменил акт унии. Это мнение бездоказательно, поскольку в статуте говорилось об общем сейме, а в привилее, утверждавшем статут, выданном 28 января 1588 г. Сигизмундом III, ясно выражено предварительное условие, что «этот вновь принятый статут не должен ни в чем противоречить союзу, ничем не должен вредить или унижать содержание унии». Это положение подтверждало акт унии, но одновременно указывало на усиление государственной самостоятельности Литвы. Это не значит, что III ЛС изолировал ВКЛ от Польши, что полностью отказывался от польских образцов. Напротив, выборочной рецепции подверглись те институты, которые укрепляли шляхетскую демократию, как созданный вслед за Коронным Литовский трибунал (судей в которые с 1581 г. ежегодно выбирали шляхетские сеймики), или модель мирного сосуществования разных вероисповеданий. С этой целью в статут был занесен полный текст Варшавской конфедерации о мире между «разноверцами» (*rex inter dissidentes in religione*). Одновременно III ЛС реализовал предложения А. Фрыча-Моджевского о смертной казни за преднамеренное убийство независимо от социального положения убийцы и жертвы. Это правило, распространенное в Литве горячим пропагандистом реформации Андреем Воланом и внесенное в III ЛС, было обязательным и тогда, когда убийца был шляхтичем, а жертва – плебеем [4. S. 217–241, 272–273]. Несмотря на процедурные ограничения, ослаблявшие реализацию этого правила, не следует недооценивать этот шаг в преодолении сословных барьеров в уголовном праве – ради установления справедливости, единой для всех. Почти через два века после этого – в 1768 г. польское право в свою очередь рецептировало этот принцип с прямой ссылкой на III ЛС. Это обратное воздействие также представляет проекцию III ЛС одновременно во времени и в пространстве.

2. К упрочению самостоятельности ВКЛ по отношению к Короне Польской вело также совершенствование правовых норм, высокий уровень законодательства, которое с очевидностью должно было доказать «тубыльцам» ВКЛ (как официально литовское законодательство определяло жителей исторической Литвы), что их система права находится на наивысшем уровне. Начиная со II ЛС 1566 г. это достигалось внедрением в литовскую систему права принципов классического римского права путем широкого использования так называемого ученого права эпохи Возрождения, а также принятием положения, согласно которому

¹ Текст III ЛС цитируется по [3]. Введение – в переводе с польского издания 1614 г., которое отсутствует в [3].

«где бы чего в том статуте недоставало, тогда суд, прихилиюся до ближшее справедливости водле сумнения своего и прикладом иных прав хрестьянских то отправовати и судити маеть» (Разд. IV, арт. 54). «Справедливость водле сумнения своего» – обращение к естественному праву, римскому праву, известному в то время под названием «цесарского», «имперского права». В признании римского права, как вспомогательного, видим проекцию, связывавшую III ЛС с *ius commune*. Это означало его включение в круг европейского ученого права. В связи с этим следует отметить применение III ЛС как вспомогательного права в юридической практике Короны XVII в. Наряду с признанием высокого качества литовской кодификации это облегчало восприятие, притом без сопротивления, ряда романистических институтов шляхетской Польшей, настроенной негативно к римскому праву как носителю идеологии абсолютизма.

3. В науке III ЛС иногда называется кодексом, однако это неточно, так как наряду с судебным правом он включал основные принципы государственного права, закреплявшего основы общественного строя Великого княжества (Разд. III «О вольностях шляхетских и о размножении Великого княжества Литовского»), организацию военных сил, центральной и местной власти и вместе с тем выдвинутую на первый план организацию судопроизводства (Разд. IV «О судьях и судах»). Таким образом, в статуте в сущности изложена вся система права ВКЛ.

Стоит подчеркнуть, что система статутного права не ограничивалась «шляхетским народом», но включала также и непривилегированные сословия. За разделом XI «О гвалтех, о боех, о головщихнах шляхетских» следует раздел «О головщинах и о навязках людей простых». Положения уголовного права, хотя и различные в зависимости от личности виновника и пострадавшего, затрагивали все население ВКЛ, что подчеркивало также название последнего, XIV, раздела «О злодействе всякого стану». Равным образом, части, посвященные частному праву, регулировали и правовую жизнь непривилегированных сословий. Так, в разделе VIII «О тестаментях» особый артикул (9) говорил о том, как «кождый слуга путный и мещанин мест неупривильеванных и теж человек простой, як тестамент чынити маеть».

Статутное право распространялось не только на мещан непривилегированных белорусских и великорусских городов, не располагавших привилегиями на магдебургское право. III ЛС подчеркивал, что виленские мещане, обладавшие особыми привилегиями, имели право – по своему желанию – письменно зафиксировать правила, согласно которым имущественные отношения регулировались бы магдебургским правом либо статутом, положения которого были обязательны при решении споров между шляхтой и мещанством (Разд. III, арт. 35). На практике в некоторых частных (приватных) городах, несмотря на пожалование магдебургского права, судьи судили по статутному праву.

Эту практику применительно к городу Слуцку (за исключением наследственных дел) утвердил устав князя Богуслава Радзивилла от 1662 г. Аналогичным образом, в радзивилловских Биржах замковый суд судил в конце XVII в. жителей города в соответствии с предписаниями III ЛС. Здесь явно обнаруживается проекция статута на правовую сферу привилегированных городов, стремление утвердить его как межсословное общегосударственное право [5. S. 112–117].

4. Высокий уровень системы литовского права укреплял политическую самостоятельность ВКЛ [6], позволяя литовской и белорусской шляхте действительно противостоять унификационным тенденциям в области права, а, следовательно, и унитарной концепции права, существовавшим в шляхетском обществе эпохи

Возрождения и возродившимся в эпоху Просвещения. Сопротивление литовских сеймиков унификации права стало, в значительной мере, причиной неудачи проекта кодификации Анджея ЗамоЙского 1780 г. [7. S. 318]. Стараясь нейтрализовать это сопротивление, законодатели времени Четырехлетнего сейма 1788–1792 гг. приняли III ЛС как основу для кодификации права всей Речи Посполитой. Хуго Коллонтай, выступая в сейме после утверждения конституции 3 мая 1791 г. с проектом выработки общего для всей Речи Посполитой законодательства, не скупился на похвалы III ЛС как книге, о «которой нельзя вспомнить без заслуженного восхищения». Переходя к теме уголовного права, он подчеркивал, что «Литовский статут, особенно в том, что касается мер наказания, во всех деталях составлен так, что может быть признан за лучшую книгу во всей Европе, за исключением тех некоторых изъянов, которые возникли под воздействием тогдашнего общественного мнения, и строгости наказаний, приметы тех времен, наставником в которых еще не был маркиз Беккариа» [8. S. 17–18]. Так Коллонтай соединил одобрение правового наследия Возрождения с критическим взглядом эпохи Просвещения на старую негуманную систему наказаний. Поскольку литовцы упорно не соглашались на введение общей системы права², коронные послы на Четырехлетнем сейме постановили принять Литовский статут как основу кодификационных работ в королевстве и тем самым достигнуть максимально возможного сближения коронного и литовского права. Политические события (Тарговица, III разд.) прервали кодификационные работы.

После разделов Речи Посполитой, как известно, III ЛС был сохранен в качестве действующего права на землях бывшего ВКЛ, а также на Украине. Даже на протяжении XIX в. право, возникшее в 1588 г., не казалось анахронизмом. Куратор Вилеского университета кн. Адам Чарторыйский, выдвигая в 1813–1814 гг. платформу объединения Литвы и Правобережной Украины с герцогством Варшавским под верховной властью императора Александра I, высказался за ликвидацию в Польше наполеоновского законодательства и других нововведений и заменой их III ЛС.

5. Основным положением III ЛС была идея правового государства. Целью права должна быть прежде всего охрана свободы и прав гражданина путем подчинения праву, которое было бы обязательным и для господаря [11. L. 162–164].

Во введении к III ЛС, имеющем форму двух посвящений – монарху и сословиям – и написанном Львом Сапегой, читаем: «Права установлены для того, чтобы могущественному и сильному было невозможно делать все, что угодно; как говорил Цицерон, все мы – невольники прав для того, чтобы пользоваться свободой», «и сам пан господарь наш может наслаждаться начальствованием над нами лишь в той степени, в какой ему это разрешает право». Показательно, что подобные идеи были свойственны не только подканцлеру, но и издателям статута – Мамоничам – православным виленским мещанам. Сын основателя типографии Лев Мамонич в своем посвящении, также помещенном во вступлении к опубликованному тексту и адресованном Льву Сапеге, подчеркивал значение добрых прав, которые римляне унаследовали от Соломона, когда «сбросили иго жестоких королей и добились долгожданной свободы». Здесь видна проекция античной мифологизированной традиции на современную изданию эпоху.

²Прочитываем, например, инструкцию брестского сеймика от 16 октября 1790 г послам, избранному на сейм: «Просим [...] послов поставить условием, чтобы статут ВКЛ сохранил свое значение и подвергся сокращению лишь процесс» [9] (см. также [10. С. 86]).

6. III ЛС акцентировал гуманистические основы права. Он подчеркивал, что суд «в речах вонпливых склонейший маеть быти ку вызволенью, нижли ку каранью» (Разд. XIV, арт. 3), т.е. принял принцип, согласно которому в случае сомнений решение принимается в пользу осужденного. Статут стремился также гарантировать реальное право защиты. Если кто-либо не мог защищаться сам в суде, то ему предоставлялось право обратиться к правозаступнику, и суд должен был признать последнего даже в том случае, если он не соответствовал формальным требованиям. Суд обязан был также предоставить официального защитника бедным людям, и не только в уголовных делах, но и в других, по мере необходимости. Прогрессивный характер носило предписание об ограничении уголовной ответственности малолетних до 16 лет. В случае кражи родители виноватого должны были нести материальную ответственность, в случае повторного преступления виноватого ждали розги. Однако малолетние ни в коем случае не подлежали обезглавлению и не могли быть переданы в руки палача подобно взрослым преступникам. Если сравнить эту статью с более поздней практикой английских судов, то гуманизм литовского права покажется еще более ярким. И тогда, когда речь шла об исполнении наказания, статут предписывал, что, взыскивая денежные штрафы, «ведже кождый врьд наш водле доброго уваженья и хрестьянского поступку прихильнейшим мает быти до отпушенья таких вин, нижли до бранья их, звлаща сиротам убогим, а не свавольным, толькга в том чинена быти маеть» (Разд. IV, арт. 101).

Нужно однако подчеркнуть, что эти предписания сопровождалось усилением наказания, в особенности, с распространением смертной казни, что было связано с упадком феодальной системы денежных пеней, и еще ограниченной сферой применения такой меры, как лишение свободы (о наказаниях по III ЛС см., например [2. С. 197–208]).

7. Если говорить о проекции III ЛС на социальные отношения, то следует обратить внимание на положения, касающиеся несвободного населения – невольников. Они были известны в ВКЛ в XVI ст., также как и холопы в соседней Московской Руси³. II ЛС в соответствии с римским правом признавал три источника неволи: рождение от невольных родителей, пленение на войне, неволя за долги. В III ЛС источник неволи – один – пленение на войне. При этом предусматривалось (Разд. XII, арт. 21), что потомки пленников «мають быти осаживани на землях и розумены быти за отчичов», т.е. зависимых крестьян, лишенных права выхода. В окончательной редакции статута термин «невольник» был признан компрометирующим. В результате к последнему разделу статута было добавлено положение: «В сем теперешнем статуте тых людей [...], которые перед тым невольниками были званы, отменено назвиско и поменено и написано их челядью дворную» (Разд. XIV, арт. 36). Эта «правовая косметика» имела, однако, и реальное значение. Она способствовала растворению невольников в массе зависимого крестьянства, тогда как «холопы» в Российском государстве сохранялись до XVIII в.

В противоположность принципу сословного права, царившему в средневековом обществе, уже II ЛС обязывал господаря судить всех подданных независимо от их сословной принадлежности, в соответствии с предписаниями статута. III ЛС дополнил это положением, что «также чужоземцы заграничники [...] тым

³ Для обозначения Княжества вся Русь и Российского царства Ю.М. Бардах по традиции использует политико-географический термин, принятый в русской и зарубежной историографии XIX–XX вв. (*прим. пер.*).

же правом мають быть сужоны» (Разд. I, арт. 1), что соответствует территориально-государственному принципу действия права. Это проекция новых основ, которые только позднее станут господствующими в праве. И этим можно объяснить долговечность III ЛС, долговременность его действия.

8. Как известно, после Люблинской унии литовское право сохранялось как обязательная система права в украинских воеводствах, включенных в 1569 г. в Корону Польскую – Волынском, Киевском, Брацлавском. В этом качестве там действовал II ЛС (за исключением разд. II «О обороне земской»). Этот статут после введения в ВКЛ III ЛС стал называться Волынским. На практике во второй половине XVII в. его сменил III ЛС, имевший значение вспомогательного в коронных судах. Обязательным оставался литовский статут во всей Украине, в том числе и Левобережной, вплоть до 1840 г., а в Полтавской и Черниговской губерниях некоторые его положения сохраняли силу вплоть до 1917 г. Важно добавить, что III ЛС был основой проекта кодификации украинского права в первой половине XVIII в. [13].

III ЛС оказал значительное влияние на практику приказов Русского государства, а потом и на Соборное уложение 1649 г., что отмечали не только российские ученые, начиная с М.Ф. Владимирского-Буданова [14. С. 3–38], но и современные краковские историки Д. Черска [15. S. 54–65] и И. Квятковска [16. S. 18–23]. Последняя исследовательница, изучая уголовное право, обратила внимание на то, что III ЛС сыграл роль посредника в передаче некоторых норм римского и саксонско-магдебургского права в систему русского права.

9. Выше упоминалось о влиянии III ЛС на практику польских судов XVII–XVIII вв. Выдающийся польский правовед эпохи Просвещения Теодор Островский в произведении «Гражданское право польского народа, собранное из коронных и литовских статутов и конституций» трактовал литовское право как вспомогательное, применяемое в случае отсутствия или неоднозначности толкования норм в польском праве, которое, за исключением процессуального, так и не дождалось собственной кодификации. Островский следовал здесь за практикой, утверждая, что «литовское право, будучи [...] правом провинции одного народа, в наших судах в случае отсутствия коронного всегда сохраняет свой авторитет» [17]. Некоторые примеры применения III ЛС, привели Ю. Макаревич (относительно уголовного права) и Ю. Рафач. Первый из них выдвинул даже гипотезу, что III ЛС 1588 г. приобрел такое значение, что в XVIII в. рассматривался в качестве источника польского права наряду с правовыми памятниками самой Короны Польской.

10. Не следует забывать и о культурной проекции статута 1588 г. на Польшу. Выполненный в начале XVII в. перевод III ЛС на польский язык, очень точный и лишенный латинизмов – что было необычным для тогдашних польскоязычных правовых текстов – стал ценным памятником литературного польского языка эпохи Возрождения. Добавим, что Г. Турска, А. Обрембска-Яблоньска, наконец, М.Т. Лизисова установили существование в правовой лексике польского перевода III ЛС многих регионализмов (диалектизмов) старобелорусского происхождения, как, впрочем, и литовского, которые впоследствии вошли в общепольский язык. Дорогу им проложил прежде всего А. Мицкевич. «Влияние языка статута ВКЛ на словарь поэмы (“Пан Тадеуш”. – Ю.Б.) очевидно», – пишет М.Т. Лизисова [18. S. 191]. «Давно признано, что правовые обороты речи литературных персонажей и даже авторские высказывания представляют собой опыт создания этого языка с помощью поэтической реконструкции» – продолжает исследовательница, ссыла-

ьясь на Ст. Брейера [19] и Ю. Трипуцко [18. С. 207] (см. также [20]). Лучше всего, однако, эту мысль изложил сам А. Мицкевич в 1829 г.: «Признаюсь, что не только не избегаю провинциализмов, но даже употребляю их умышленно». Так сформировался «третий польский язык», как современный польский язык называет Ч. Милош [21. С. 134], выводя его из виленских лож Товарищества франкмасонов («Towazystwo szubrawców») и Бульварных ведомостей («Wiadomosci Brukowe») ⁴.

Таковы были многосторонние и прочные проекции Литовского статута 1588 г. в праве и культуре стран, граничащих с Литвой и связанных с нею историческими узами.

Перевод с польского А.Л. Хорошкевич, авторизованный Ю.М. Бардахом

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Macejowski W.A.* Historia prawodawstw słowiańskich. Warszawa, 1856. Wyd. 2. T. 1.
2. *Ланно И.И.* Литовский статут 1588 года. Каунас, 1934–1936. Ч. 1–2; *Бардах Ю.* Литовские статуты – памятники права периода Возрождения // Культурные связи народов Восточной Европы XVI в. М., 1976; *Bardach J.* O dawnej i niedawnej Litwie. Poznań, 1988.
3. Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских. СПб., 1854. Т. XIX.
4. *Voisé W.* Frycza-Modzewskiego nauka o państwie i prawie. Warszawa, 1956.
5. *Bardach J.* Ustrój miast na prawie magdeburskim w Wielkim Rsięstwie Litewskim do połowy XVII-go wieku // *Bardach J.* O dawnej i niedawnej Litwie. Poznań, 1988.
6. *Дручыц В.* Палаженье Литоуска-Беларускай дзяржавы пасля Люблинскай вуніі // Працы Беларускага Дзяржаўнага ўніверсітэту ў Менску. 1925. № 6–7; *Тарановский Ф.* Лиштванско-руско право и историјат Лиштванског статута // Архив за правне и друштвене науке. Београд, 1934. Књ. 46. Ч. 3.
7. *Borkowska-Bagieńska T.* Zbiór praw sądowych Andrzeja Zamoyskiego. Poznań, 1986.
8. *Borowski S.* Kodeks Stanisława Augusta. Zbiór dokumentów. Warszawa, 1939.
9. ЦНБ Литвы Ф. 233. № 126. К. 19.
10. *Ючас М.А.* Применение статута 1566 г. в судебной практике XVII–XVIII вв. // Первый Литовский статут 1529 г. Вильнюс, 1989.
11. *Jurginis J.* Renansasas ir humanismas Lietuvoje. Vilnius, 1956.
12. *Малиновский О.О.* Кари майнові та кари особисті // Юбілейний збірник на пошану акад. Д.И. Багалія. Київ, 1927.
13. Права, по которым судится малороссийский народ. Киев, 1879.
14. *Владимирский-Буданов М.Ф.* Отношения между Литовским статутом и Уложением царя Алексея Михайловича // Сборник государственных знаний. СПб., 1877. Т. IV.
15. *Czerska D.* Sobornoje Ułożenje 1649 goda. Zagadnienia prawno-ustrojowe. Wrocław, 1970.
16. *Kwiatkowska J.* Prawo karne w kodifikacji rosyjskiej 1649 goda. Warszawa; Kraków, 1984.
17. *Ostrowski T.* Prawo cywilne alba szczególne narodu polskiego z statut ów i konstytucyj koronnych i litewskich zebrane. Kraków, 1784.
18. *Lizusowa M.T.* Studia nad słownictwem regionalnym III statutu litewskiego. Kielce, 1984.
19. *Breyer S.* Horoszkós Soplicami. Studium z dziedziny problematyki prawnej «Pana Tadeusza». Warszawa, 1955.
20. *Трыпуцко Я.* Źródła języka Mickiewicza // *Adam Mickiewicz.* Kjsięga k stuleciu sgonu. London, 1957.
21. *Milosz Cz.* Kultura. Paris, 1977. № 3.

⁴ Товарищество франкмасонов – организация либеральной интеллигенции и просвещенных помещиков, действовавшей в Вильно в 1812–1822 гг. Ироническое название общества («негодяев» – прим. пер.), равно как и ее органа «Wiadomosci Brukowe», отражало направление его деятельности – осмеяние ретроградных явлений и консервативной мысли в общественной жизни, литературе и науке того времени. Ликвидировано властью.

© 2010 г. Л.И. САЗОНОВА

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ МОТИВ БОГОРОДИЧНОГО ЧУДА В ПОВЕСТИ Н.В. ГОГОЛЯ «ПОРТРЕТ»

В художественном мире Гоголя претворилось глубокое знание не только современной писателю народной культуры с ее легендами, поверьями, чертовщиной, верой в чудеса, вертепным театром [1. С. 3–14], но также Библии, традиций барокко, представленных школьной драматургией, нравоучительной и торжественной проповедью [2. С. 23–30], и в целом литературы, несущей на себе отблеск Средневековья.

Эпохе, занимавшей его мысли и воображение, Гоголь посвятил статью-лекцию «О средних веках», составляющих, по его словам, «узел, связывающий мир древний с новым; им можно назначить то же самое место в истории человечества, какое занимает в устройении человеческого тела сердце, к которому текут и от которого исходят все жилы» [3. Т. 8. С. 14]. Размышления Гоголя, запечатленные в его статьях, образуют контекст, в котором формируется его художественная рефлексия. Средние века привлекали Гоголя как христианского писателя-моралиста, поэтому при анализе его творчества нельзя не учитывать направленность его взгляда на литературу и культуру, идущую из глубины веков.

Статья «О средних веках» была включена им уже в первоначальный план сборника «Арабески» (1834; изд. 1835), куда наряду с другими произведениями вошла и повесть «Портрет», «все еще загадочная» [4. С. 97], по определению Н.И. Мордовченко, автора комментариев в Полном собрании сочинении Гоголя [5. С. 661–674]. Вопросам о происхождении гоголевской повести, двум ее редакциям (вторая появилась в журнале «Современник» в 1842 г.), проблематике посвящены современные исследования [6. С. 361–371; 7. С. 5–14; 8. С. 61–89]. К отдельным ее мотивам и сюжетным ситуациям приведено немало параллелей, главным образом, из литературы романтизма – из романа Ч.Р. Метьюрина «Мельмот Скиталец» (русский перевод с французского издан в Петербурге в 1833 г.), из новелл В. Ирвинга, Э.Т.А. Гофмана, имеющих, в свою очередь, сходство с «Мельмотом Скитальцем» [9. С. 663–664].

Однако определенная соотнесенность гоголевской повести со средневековой традицией пока не привлекла должного внимания, хотя еще в начале XX в. поэт и литературный критик И.Ф. Анненский обронил беглое замечание: «“Портрет” написан в манере “пролога или миней”» [10. С. 16] (здесь и далее курсив мой. – Л.С.). В. Гиппиус тоже ощущал, что у Гоголя не обошлось без средневековых

Сазонова Лидия Ивановна – д-р филол. наук, главный научный сотрудник Института мировой литературы РАН.

параллелей, и что от живописца, оканчивающего дни в монастыре под именем отца Григория, можно «протянуть нити к иконописцам *средневековых легенд*, к Алипию Киево-Печерского патерика» [11. С. 57]. Высказанные замечания не получили развития и остались ничем не подкреплены, хотя в тексте Гоголя есть явные указания, свидетельствующие о том, что средневековая культура обладала для него высокой ценностью. Героя своей повести, иконописца, он характеризует (в первоначальной редакции) как «скромного набожного живописца, какие только жили во времена *религиозных средних веков*» [5. С. 433] (далее при цитировании «Портрета» ссылки даются в тексте по двум редакциям в круглых скобках), пишет, что примеры его «непостижимому самоотверженью» и подвижничеству «можно разве найти в одних *житиях святых*» (с. 133).

В данной работе предпринимается попытка показать, что именно в той части повести «Портрет», где имеются отсылки к средневековой традиции и описывается судьба художника-иконописца, прослеживается непосредственная соотнесенность с одной из средневековых новелл.

В этой повести, имеющей двухчастную композицию, показаны в сопоставительном плане судьбы художников, один из которых, предав свой талант и став модным живописцем, посвятил себя служению дьяволу, другой, иконописец, – Богу. Если в первой части разрабатывается тема дьявольского искушения, погубившего талантливый живописца, то во второй описывается, каким образом другому художнику, автору злосчастного портрета, удалось преодолеть дьявольское искушение и обрести путь к спасению.

Молодой бедный художник Чартков (в первоначальной редакции Чертков), наделенный талантом, «пророчившим многое», преданный своему труду «с самоотвержением» и мечтавший о славе, подвергся дьявольскому искушению. Дьявол явился ему в образе странного портрета страшного старика-ростовщика, соблазняющего золотом. Он смущает и растлевает душу художника, увлекает его соблазнами мира: «Бери же скорее кисть и рисуй портрет со всего города! бери все, что ни закажут; но не влюбляйся в свою работу, не сиди над нею дни и ночи; время летит скоро и жизнь не останавливается. Чем более смастеришь ты в день своих картин, тем больше в кармане будет у тебя денег и славы. Брось этот чердак и найми богатую квартиру. Я тебя люблю и потому даю тебе такие советы» (с. 410). «Денежный клад», полученный художником «таким чудесным образом, родил в нем все суетные побужденья, погубившие его талант» (с. 114), «все чувства и порывы его обратились к золоту. Золото сделалось его страстью, идеалом, страхом, наслаждением, целью» (с. 110). Отныне он стал служить не искусству, а золотому тельцу, рисуя «модные картинки, портретики за деньги» (с. 85). Художник сам превратился в олицетворение демона, одержимого «адским намерением» уничтожать прекрасные произведения искусства, несущие божественную красоту. Конец его жизни оказался страшен и бесславен. История падения Чарткова – зримое выражение идеи о том, что служение дьяволу оказывает тлетворное влияние на душу человека и его талант.

Из второй части повести мы узнаем, что погубивший Чарткова роковой портрет принадлежал кисти талантливого художника, иконописца, получившего от церкви заказ изобразить «духа тьмы». В рассказе его сына объясняется история появления страшного портрета и связанные с его созданием переживания и судьба отца. В размышлениях о том, как нарисовать дьявола, иконописцу пришел на ум облик «страшного ростовщика», который не преминул явиться во плоти и заказать свой портрет. Работая над полотном, художник испытал такое «странное

отвращение» (с. 129) от дьявольской силы, вселившейся в его создание, что у него не хватило душевных сил закончить работу. Неоконченный портрет остался у мастера, оказывая свое разрушительное воздействие на его жизнь: характер его изменился, он стал завистлив к ученикам, работы его утратили святость, одно за другим его преследовали несчастья, «три внезапные смерти – жены, дочери и малолетнего сына» (с. 133). Прозрев в случившемся небесное наказание, художник, чтобы искупить свой грех, удалился в уединенную обитель и только здесь начал обретать душевный покой. Но, даже находясь в монастыре, еще долгое время он считал невозможным для себя приступить к написанию заказанного настоятелем «главного образа в церковь». В пустыни на протяжении нескольких лет постом и молитвой он укреплял свое тело и душу, готовя себя к духовному подвигу, сидел за работой целый год (в противоположность Чарткову), и, наконец, смог создать истинное произведение искусства, исполненное святости.

На картине Рождества Иисуса ему удалось передать «чувство божественного смирения и кротости в лице пречистой матери, склонившейся над младенцем, глубокий разум в очах божественного младенца, как будто уже что-то прозревающих вдаль, торжественное молчанье пораженных божественных чудом царей, повергнувшихся к ногам его, и, наконец, святая, невыразимая тишина, обнимающая всю картину, – все это предстало в такой согласной силе и могуществе красоты, что впечатленье было магическое». В отличие от им же написанного портрета ростовщика, на картине Рождества Иисуса «святая, высшая сила водила» его кистью и «благословенье небес почило» на его труде (с. 134). В соответствии с древнерусским иконографическим каноном в сцене Рождества Христова покоящийся в яслях перепеленатый Младенец располагается *над* Богородицею (которая потому не может предстать «склонившейся» над ним), видно его лицо, но не глаза (см., например, [12. Т. 1. С. 497. № 223]). Таким образом, Рождество Христово Гоголь представил как сцену поклонения волхвов святому Младенцу и склонившейся над ним Богородице.

Весьма примечательно, что в первоначальной редакции повести художник рисует «божественную мать, кротко простирающую руки над молящимся народом» (с. 440) – описание, соответствующее иконографическому сюжету Покрова Богородицы (см. [12. Т. 2. С. 99, 101, 103. № 275–277]). По словам сына иконописца, он был «поражен глубоким выражением божественности в ее лице» (с. 442). И хотя Гоголь изменил во второй редакции сюжет картины, центральной фигурой композиции по-прежнему оставалась Богородица. Трудясь над изображением «пречистого лика девы Марии», художник почувствовал себя осененным высшей силой, будто ангел возносил его «грешную руку» (с. 444). Посетившее иконописца вдохновение преобразило его душу и облик. Перед своим сыном он предстал как «прекрасный, почти божественный старец! И следов измождения не было заметно на его лице; оно сияло светлостью небесного веселия» (с. 134). Произошло богородичное чудо: художник обрел спасение.

Мотив богородичного чуда, привлекательный для Гоголя своим нравоучительным смыслом, соединяет его повесть со средневековой новеллой из «Великого зеркала» («Wielkie zwierządo»), все польские издания которого, начиная с краковского 1621 г., получили в XVII–XVIII вв. широкое распространение на Украине и в России. Кроме того, в 1674–1677 г. по повелению царя Алексея Михайловича был выполнен перевод книги с польского языка на русский переводчиками Посольского приказа, этот текст известен во множестве списков (см. [13. С. 27–57]). В русской литературе сюжет о художнике, дьяволе и Богородице впервые полу-

чил обработку в стихотворении Симеона Полоцкого «Икона Богородицы» («Вертоград многоцветный», 1678–1680), имевшем своим источником латинский текст из сборника «Magnum speculum exemplorum» [14. S. 150–151, 583–584].

Новелла о том, как образ Богородицы, нарисованный художником, удержал его от падения, восходит к средневековому компендиуму Винсентия из Бовэ (Vincentius Bellovacensis) «Зерцало историческое», XIII в. (Speculum historiale, кн. 7, гл. 104). Латинский миракль «О художнике, которого образ блаженной Девы Марии спас, протянув к нему руку, чтобы он не упал, а также от гибели, которую ему мог причинить хулитель» [15. F. 88.], вошел затем в составленный в XV в. сборник «Великое зеркало примеров» («Magnum speculum exemplorum», 1480), переведенный в начале XVII в. на польский язык Симоном Высоцким и неоднократно переиздававшийся в XVII и XVIII в. [13. С. 20, 26].

В польском тексте рассказ носит заглавие: «Богородицы образ чистый и чудный, а дьявола непотребный художник рисует, и чтобы он не пострадал от дьявола, образ Девы Марии его уберег». Речь идет о некоем художнике, известном своим благочестием и заслужившим себе во Фландрии славу искусного мастера. Всякий раз, когда нужно было нарисовать дьявола, он делал это выразительно, изображая его гадким и безобразным. И однажды тот явился художнику в ночном видении (мотив, повторяющийся в повести Гоголя трижды) и в бешеной ярости спросил, чем так озлобил его. Художник ответил: «Так вот, я терпел от тебя все, что ты чинишь злым подстрекательством, и до сих пор коварным образом вселяешь ты дурные намерения, которыми смущаешь покой моей души». И дьявол, сурово угрожая, предостерег художника, чтобы тот впредь не изображал его. Но мастер еще более воодушевился и решительнее, чем прежде, готов был гнать прочь Левиафана.

Случилось ему однажды нарисовать на стене костела образ Пресвятой Богородицы, и он исполнил его так, как приличествовало, с большим почтением и похвалой. Под ногами Девы Марии изобразил дьявола черными красками, уродливого и темного, как пристало носителю безнравственности и князю тьмы. А возле него поместил слова, адресованные змию: «Она сотрет твою главу».

Глядя на это, дьявол страстно желал получить от Бога разрешение на причинение зла и получил, однако себе – к поношению, Христу же и Богородице – к славе. Пока художник рисовал дьявола, строительные леса и дощатый настил стояли надежно, но вдруг резкий порыв ветра сотряс подмости и обрушил их на землю. Как только почувствовал это изумленный художник, вознес сердце и руки к образу Госпожи неба и земли. Удивительная вещь: образ сам протянул руки мастеру и удержал его от падения. Тогда все находившиеся при этом прославляли Христа и Богородицу, а дьявола и козни его проклинали с осмеянием [16. S. 324]¹ (раздел «Panna Marya Przenaświętsza. Przykład V»).

Средневековая новелла о художнике бросает новый свет на повесть Гоголя «Портрет», делая более очевидным смысл ее внутреннего сюжета – спасение от искушений дьявола через обращение к образу Богородицы.

Знал ли Гоголь приведенный рассказ, трудно сказать со всей определенностью. Известно, что Гоголь читал по-польски. По свидетельству А.С. Данилевского, при встречах Гоголя в Париже с А. Мицкевичем и другим польско-украинским

¹ Редкий экземпляр краковского издания «Великого зеркала» 1633 г., принадлежавший поэту XVII в. С. Медведеву, хранится в РГАДА (Библиотека Московской Синодальной типографии, фонд 1251, № 2466).

поэтом Б. Залесским, «разговор обыкновенно происходил на русском или чаще – на малороссийском языке», так как «Гоголь не знал польского языка» [17. С. 177]. Вместе с тем ксёндз Петр Семененко после личной встречи с Гоголем в Риме сообщает (в письме от 17 марта 1838 г.): «Умеет по-польски, т.е. читает» [17. С. 187]. Противоречивость источников кажущаяся, поскольку речь в них идет о разных уровнях владения языком, у Данилевского – о разговорной речи, требующей особых навыков и практики, а у Петра Семененко – о знании иного рода: умении читать и понимать письменный текст.

Между повестью «Портрет» и средневековой новеллой можно отметить очевидные сюжетные схождения.

1. Персонаж и в том, и в другом тексте – художник, иконописец. Оба талантливы и известны своим мастерством. Средневековый мастер прославился во Фландрии благочестием и искусным мастерством. Гоголевскому иконописцу «давали беспрестанно заказы в церкви», «неуклонностью начертанного себе пути он стал даже приобретать уважение со стороны тех, которые честили его невежей и доморощенным самоучкой» (с. 127).

2. Оба мастера изначально благочестивы, однако дьявол вносит в их души смущение, стараясь, хотя по-разному и в разных формах, лишить душевного покоя. Средневековый художник, обращаясь к дьяволу, говорит: «[...] до сих пор коварным образом вселяешь ты дурные намерения, которыми смущаешь покой моей души». Иконописец у Гоголя испытывает искушение, когда дает согласие написать портрет дьявольского ростовщика, «со страхом и вместе с каким-то тайным желанием поставил он холст за неимением станка к себе на колени и начал рисовать» (с. 435). Образ, написанный им с глубоким проникновением, сломавший немало жизней, зарождая во всех соприкасавшихся с ним чувства зависти, ненависти и злобной вражды, чуть было не погубил и душу самого мастера, в его характере произошла «ощутительная перемена», некогда прямодушный и честный человек, он «употребил интриги и происки» против своего ученика. Иконописца стал одолевает бес, в лицах на картине, написанной им для церкви, не оказалось святости, «напротив того, что-то демонское» было в их глазах, «как будто бы рукою художника водило нечистое чувство». Иконописец «с ужасом увидел, что он почти всем фигурам придавал глаза ростовщика» (с. 130).

3. Оба художника пытаются сопротивляться. Средневековый живописец не уступает просьбе дьявола и обещает рисовать его еще более гадким и попираемым Богородицей. У Гоголя художник проникся отвращением к своей работе и не хотел заканчивать портрет ростовщика, он чувствовал, что эти страшные глаза «вонзались ему в душу и производили в ней тревогу непостижимую», «бросил кисть и сказал наотрез, что не может более писать с него» (с. 129). Стремясь избавиться от наваждения, иконописец уходит в монастырь, что тоже является формой сопротивления.

4. Оба художника рисуют образ Пресвятой Богородицы.

5. И через обращение к нему обретают спасение.

Таким образом, в контекстуальном поле повести «Портрет» произошла встреча двух мастеров, получивших спасение благодаря богородичному чуду, – средневекового изографа из Фландрии и русского иконописца XIX в. Гоголь дал нравоучительно-аллегорическую интерпретацию средневековой темы: в первой части повести он рассказал о том, как дьявол, искушая человека, толкает его на гибельный путь, во второй – указал путь к духовному возрождению, ведущий к спасению.

История Чарткова – о том, как он все более и более укреплялся в своей пороч-

ной страсти, соединившей его с дьявольской силой. История иконописца, впоследствии монаха отца Григория, – о том, как он искал раскаяния, стремился очиститься, освободиться от дьявольского наваждения – и спасся.

Учитывая структурный параллелизм обеих частей повести, намеренно подчеркнутый Гоголем на уровне композиции произведения, отдельных сюжетных ситуаций (действие первой части начинается в «картинной лавочке», второй – на аукционной продаже; главные персонажи подвергаются дьявольскому искушению и сходным испытаниям), можно сделать предположение, что и на их судьбы решающее влияние оказывает один и тот же образ. В случае с иконописцем – это изображение Богоматери (будь то в варианте Покрова Богородицы, как в первоначальной редакции, или Рождества Христова, как в окончательном виде). А в истории Чарткова – это гениальная картина русского художника, впитавшего традиции великих итальянских мастеров. Не случайно упоминание о том, что автор этой картины взял себе «в учителя одного божественного Рафаэля» (с. 111). Имя Рафаэля всегда и прежде всего ассоциируется с образом созданных им многочисленных мадонн. Описание этого творения, которому Гоголь хотя и не дал названия, недвусмысленно указывает на то, что перед зрителем образ Мадонны: «Чистое, непорочное, прекрасное как невеста стояло пред ним произведение художника². Скромно, божественно, невинно и просто как гений возносилось оно над всем. Казалось, небесные фигуры, изумленные столькими устремленными на них взорами, стыдливо опустили прекрасные ресницы [...] безмолвный гимн божественному произведению» (с. 111–112). Не случайны и определения, данные изображению: «чистое, непорочное, прекрасное как невеста», «скромно, божественно, невинно и просто как гений». Божественной теме сопутствует возвышенная лексика. Таким образом, можно сказать, что тема Богородицы проходит через всю повесть. В явном виде она присутствует, как мы видели, во второй части, в первой же она также имеется, но в скрытой форме.

Как известно, в христианской традиции проискам дьявола противостоит сила крестного знамения. Бурная реакция Чарткова, вызванная творением русского художника, только подтверждает, что это не было просто произведение на библейско-мифологическую тему, картина несла сакральный образ. Именно в момент ее созерцания у него наступило прозрение – «с очей его вдруг слетела повязка» (с. 113) – и осознание безжалостно погубленных лучших лет своей жизни. Картина вызвала в нем бешеную зависть и страстное желание нарисовать «отпавшего ангела». Художник потому так болезненно воспринял творение своего бывшего товарища, что не он нарисовал эту чудную картину. Представленный на ней образ воздействовал на вселившегося в Чарткова демона. И по-видимому, губительное впечатление произвела на него картина с изображением Мадонны, воспринимавшаяся в русской традиции того времени и даже более позднего как икона Богородицы³.

² Примечательно, что именно эти слова из повести Гоголя припомнились художнику и писателю И. Долгополову, когда в Дрезденской галерее он рассматривал «Сикстинскую Мадонну» Рафаэля (см. [18. Т. 1. С. 174]).

³ См. о «Сикстинской Мадонне» Рафаэля в «Дневнике странника» (1902): «– Помилуйте, какая там картина!.. Это икона, – странно даже как-то видеть, что перед ней ни одной свечи не зажжено! – [...] Вот бы нам ее откупить у немцев! – Позвольте, немцы страшно дорожат этим сокровищем искусства, и смотреть ее сбегаются люди со всего мира [...] – Я про то и говорю: для них это сокровище искусства и перл живописи, а на самом деле это икона Богоматери с Младенцем Иисусом!» (цит. по [19. С. 16]).

Гоголь изобразил крайнюю степень одержимости Чарткова бесом: он скрежестал зубами, его взгляд напоминал взор василиска, со страстью бросился живописец приводить в исполнение свое адское намерение уничтожить произведения, носившие «печать таланта» (с. 115). Он стал, как Люцифер, свергнутый с небес на землю: «казалось, как будто разгневанное небо нарочно послало в мир этот ужасный бич», «кроме ядовитого слова и вечного порицанья ничего не производили его уста» (с. 115). Чартков не смог отринуть дьявольское искушение, не сумел воспротивиться и полностью оказался подавлен дьявольской волей, он не искал пути к спасению – и в том его трагедия. Иконописец же смог преодолеть себя и, создав образ Богородицы, спастись, в результате чего он глубоко постиг смысл искусства.

Повесть «Портрет» характеризует Гоголя как христианского моралиста. «Искусство, – по его словам, – и без того уже поученье. Мое дело говорить *живыми образами*, а не рассуждениями» [3. Т. 14. С. 36] (курсив автора. – *Л.С.*).

Эта повесть может быть прочитана также как размышление писателя об искусстве истинном и мнимом, праведном и ложном. Нарисованный художником-иконописцем портрет отличался необычайной живостью глаз. Однако следование натуре без любви, без души, без одухотворенности, без божественного и небесного – это не искусство, даже при всей мастерovitости. Подлинное искусство должно быть боговдохновенным, оно создается любовью, жизнью души, неутомимым трудом. Христианские темы – «высшая и последняя ступень высокого» (с. 127).

Таким образом, вопрос об эстетических идеях напрямую связан у Гоголя с христианской моралью и этическими категориями. Иконописец дает сыну завет: «Намек о божественном, небесном рае заключен для человека в искусстве [...] Все принеси ему в жертву и возлюби его всей страстью, не страстью, дышущей земным вожделением (такой страстью жил модный живописец. – *Л.С.*), но тихой небесной страстью» (с. 135).

В представлениях Гоголя о подлинном искусстве важна также мысль о необходимости для творца состояния душевного спокойствия, так как истинное, высокое искусство призвано давать «высокое наслаждение» и возносить душу к горнему миру, ибо «для успокоения и примирения всех нисходит в мир высокое создание искусства». Напротив, когда рабски и бездушно следуя натуре, иконописец рисовал дьявольский портрет ростовщика, он испытал тягостное мятежное чувство и смущение, казалось, будто явился сам демон, чтобы нарушить порядок. Подлинное искусство «не может поселить ропота в душе, но звучащей молитвой стремится вечно к богу» (с. 135). Совершенно очевидно, что устами героя говорит сам Гоголь. Ту же мысль он высказывал в письме Жуковскому (декабрь 1847 г.): «Искусство есть водворенье в душу стройности и порядка, а не смущенья и расстройства» [3. Т. 14. С. 37].

Верно отметил еще Е. Трубецкой, что «религиозность была изначальным свойством его (Гоголя. – *Л.С.*) душевного склада: религиозное искание было вообще основным мотивом его творчества, и из биографии его не видно, чтобы его религиозные воззрения менялись» [20. С. 122]. Связь повести Гоголя со средневековым рассказом подтверждает и мысль Д.Н. Овсяннико-Куликовского о том, что Гоголь – «натура не только глубоко религиозная, но и мистическая» [21. С. 117], что «повесть “Портрет” представляет собою одно из значительнейших по замыслу и замечательнейших по исполнению произведений Гоголя. В ее основу легли усвоенное Гоголем романтическое воззрение на искусство и высокая оценка призвания «истинного» художника, который должен быть человеком

не от мира сего и служить искусству, как святыне» [22. С. 57]. Следует лишь уточнить, что в повести Гоголя выразилось не просто романтическое воззрение, но нашел отражение более глубокий пласт культуры. Разработка тем, поднятых Гоголем в повести «Портрет», связана с христианской культурой, корни которой уходят в Средние века. Романтизм унаследовал идею божественности искусства от барокко, а барокко, как известно, представляет собой синтез Средневековья и Ренессанса. Такова цепочка культурных опосредований.

«Портрет» – своего рода эстетический манифест о высоком предназначении искусства. В оформлении художественного смысла повести Гоголя принимают участие литературные мотивы и иконографические сюжеты, сложившиеся еще в Средневековье.

Польский текст рассказа XIII в. о художнике, дьяволе и Богородице публикуется по изданию [16].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Софронова Л.А. Мифопоэтика раннего Гоголя // Славяноведение. 2009. № 6.
2. Сазонова Л.И. Литературная родословная гоголевской птицы-тройки // Изв. АН. Серия лит. и яз. 2000. Т. 59. № 2.
3. Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: В 14 т. М.; Л., 1952.
4. Мордовченко Н.И. Гоголь в работе над «Портретом» // Уч. зап. ЛГУ. Серия филолог. наук. Л., 1939. Вып. № 4.
5. Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: В 14 т. М.; Л., 1938. Т. 3.
6. Манн Ю. Художник и «ужасная действительность» (О двух редакциях повести «Портрет») // Манн Ю. Творчество Гоголя. Смысл и форма. СПб., 2007.
7. Белоусов А.Ф. Живопись в «Портрете». К изучению «загадочной» повести Н.В. Гоголя // Преподавание литературного чтения в эстонской школе: Методические разработки. Таллин, 1986.
8. Лепяхин В. Живопись и иконопись в повести Гоголя «Портрет» // Икона в изящной словесности. Икона, иконопись, иконописцы, иконопочитание и иконные лавки в русской художественной литературе XIX – начала XX века. Сегед, 1999.
9. Алексеев М.П. Ч.Р. Метьюрин и его «Мельмот Скиталец» // Метьюрин Ч.Р. Мельмот Скиталец / Изд. подгот. М.П. Алексеев и А.М. Шадрин. Л., 1976 (сер. «Лит. памятники»).
10. Анненский И. Книги отражений / Изд. подгот. Н.Т. Ашимбаева, И.И. Подольская, А.В. Федоров. М., 1979.
11. Гиппиус В. Гоголь. Л., 1924.
12. Маркелов Г. Книга иконных образцов. 500 подлинных прорисей и переводов с русских икон XV–XIX веков. СПб., 2001. Т. 1, 2.
13. Державина О.А. Великое зеркало. М., 1965.
14. Simeon Polockij. Vertograd mnogocvĕtnyj / Ed. by A. Hippisley and L.I. Sazonova. Köln; Weimar; Wien, 1999. Vol. 2.
15. Vincentius Bellovacensis. Bibliotheca Mundi, seu Speculi Majoris... [Venetia], 1591. Т. 4 (Speculum historiale. Lib. septimus. Cap. 104).
16. Wielkie zwierciadło. Kraków, 1633.
17. Вересаев В. Гоголь в жизни. М.; Л., 1933.
18. Долгополов И. Мастера и шедевры: В 3 т. М., 1986.
19. Хазарский А. Дневник странника // Русская жизнь. М., 2008. № 5 (22), март.
20. Трубецкой Е.Н. Гоголь и Россия // Гоголевские дни в Москве. М., 1910.
21. Овсяннико-Куликовский Д.Н. Собр. соч. М.; Пг., 1923. Т. 1. Гоголь.
22. Овсяннико-Куликовский Д.Н. Гоголь в его произведениях. М., 1909.

Приложение

Panny czystej, obraz cudny, a dyjabelski sprośny malarz malując, aby od szatana nie był obrażon, obraz Panny Maryjnej go zatrzymał

Маларз niejaki dla zasługi żywota swego Paniej naszej był miły, we Flandryjey miał sławę, iż w rze-
mieście swoim dobrze wyprawną rękę miał. Ten ilekroć potrzeba było szatana malować szpetnego barzo

szpetnie malował. On w widzeniu nocnym ukazawszy się mu z furią i z gniewem pytał, czemu go tak szpetnie malował. Malarz odpowiedział: Dobrze to czynię, bo ty zawsze co jedno złego porobił, byłeś podszczuwaczem i jeszcze plugawymi myślami starsz się umysłu mego stateczność obalić. A szatan jeszcze mu barzicy grożąc upominał, żeby go obrażać przestał. Ale on stąd jeszcze większe serce wziął, żeby mu przykrość wyrządzał. Trafiło się iż na ścianie kościoła jednego obraz Naświętszej Panny namalował i wedle możności misterstwa jako się godziło rozliczną sztuką malarską wielce poważnie i chwalebnie go odprawił. A wedle niego co wężowi rzeczono: ona zetrze głowę twoję: pod nogami obrazu dyjabła wyfigorował farbami czarnymi sprośnego, ciemnego jako przystało, miłośnika sprośności i księżę ciemności. Patrzac na to barzo się żarł od Pana Boga dozwolenia na wyrządzenie jemu złości, żądał i otrzymał, ale sobie ku hańbie, Chrystusowi i Matce jego ku chwale. Jeszcze roszutowanie i tarcice mocno stały, straszycło ono malowano. A oto wicher wielki one wszystkie drwa i deski wzruszył i na ziemię zrzucił. Co gdy uczuł zdumiały malarz, do obrazu Paniej nieba i ziemie serce i ręce podniósł. Dziwna rzecz, niż drudzy przybiegli, co by go ratowali, obraz on ręką ściągnął, zatrzymał i od obrażenia go zachował. Tedy wszyscy, którzy przy tym byli, Chrystusa w Matce jego wielbili, dyjabła w oszukaniu zdrady jego z pośmiewaniem bluźnili ([Vincentius Beluacensis] lib. 7, cap. 104).

© 2010 г. А.В. БОРТНИКОВА

ГРАМОТЫ НА МАГДЕБУРГСКОЕ ПРАВО ГОРОДУ ЛУЦКУ XV–XVI веков

Магдебургское право, которое пришло из Германии и Польши, было одним из наиболее известных систем городского права в Великом княжестве Литовском (ВКЛ). Нормы этого права закрепляли юрисдикцию и свободы жителей города, их право на самоуправление. Они регулировали социально-экономические и общественно-правовые отношения, порядок суда и судопроизводства, определяли меры наказания за криминальные преступления, регламентировали внутреннюю деятельность купеческих корпораций, ремесленных цехов и торговлю.

Как справедливо отмечают современные исследователи, магдебургское право, хотя и пришло на земли ВКЛ под влиянием Польши, имело здесь черты самобытности: оно отличалось от аналогичного права в городах Германии и Польши [1. С. 241].

Распространение магдебургского права на Волыни происходило в течение двух столетий, начиная с XV в. К середине XVII в. около 95 городских поселений (т.е. половина общего количества городов Волыни) получили магдебургское право [2. С. 161].

Свидетельством получения магдебургского права служили соответствующие грамоты, которые имели законодательный характер и именовались в ВКЛ «листами» или «привилеями». Они были определяющей формой развития права того времени, вплоть до принятия Литовских статутков. Привилеи на магдебургское право занимали центральное место среди других памятников ВКЛ, в них содержались различные льготы в пользу того или иного города, который его получал. Они выдавались или по просьбе местных городских сообществ, или, независимо от такой просьбы, великими князьями и польскими королями в виде особенной милости. Не следует забывать и про политические аспекты введения магдебургского права. Каждый город после получения такого привилея по истечении ряда лет получал новый привилей на подтверждение предыдущего. Все они составляют комплекс важных исторических источников городской организации ВКЛ.

Привилеи отдельным городам, в том числе и Луцку, начали выдаваться в связи с их ростом, увеличением экономического значения. История города Луцка начинается со времен Киевской Руси. Первое летописное упоминание о Луцке

Бортникова Алла Васильевна – канд. ист. наук, доцент Волынского национального университета им. Леси Украинки.

Выражаю благодарность В.Н. Мироновой, доценту кафедры общего языкознания и классической филологии Киевского национального университета имени Т. Шевченко, О.М. Кориневской, аспирантке этой кафедры за помощь, оказанную в переводе грамот 1432, 1497 гг. с латинского языка. Особую признательность и благодарность выражаю проф. А.Л. Хорошкевич за консультации, поддержку и оказанную помощь в подготовке этой публикации.

датируется 1085 г. С конца XII в. город развивался в составе Галицко-Волынского княжества. Свидетельство его жизнеспособности – восстановление после многочисленных разрушительных татаро-монгольских набегов. 1288 годом датируется упоминание о существовании в городе Луцкой православной епархии. Вообще Луцк славился богатством своих церквей и монастырей. С 1320 г. город принадлежал князю Любарту, который на месте древнего детинца в середине XIV в. начал строительство Луцкого замка. С согласия Любарта в 1375 г. была создана первая в ВКЛ Луцкая римско-католическая епархия, в которую входили юго-западные земли Белоруссии. После смерти Любарта в 1384 г. некоторое время в Луцке правил его сын Федор. Но в 1387 г. Владислав Ягайло передал Луцк Витовту, который превратил город во вторую столицу ВКЛ. В 1429 г. по инициативе императора Священной Римской империи Жигимонта в Луцке состоялся «съезд монархов». На нем присутствовали влиятельные представители стран Европы, среди которых были король Польши Владислав Ягайло, великий князь литовский Витовт, великий князь московский Василий II, король Дании, магистры немецкого Ордена, воевода валашский, папский и византийский послы и др. На съезде решались вопросы общеевропейской политики, создания союза в борьбе с турками, объединения церквей, предоставления Витовту титула короля. Одна только мысль о коронации королевским титулом была признанием могущества великого князя Витовта. В 30-е годы XV в. Луцк поддержал литовского князя Свидригайла, и в 1440 г. великий князь литовский Казимир IV Ягелончик передал Свидригайле Волынское княжество, где последний правил до своей смерти в 1452 г.

Политический подъем Луцка происходил, очевидно, на основе мощного экономического роста. В первые десятилетия XV в. в городе уже существовала достаточно развитая система податей и повинностей в сфере землевладения и землепользования, где господствовал древний обычай. Достаточно сформированной была и социальная структура города. Сохранившиеся исторические источники, особенно документы Литовской метрики и актовый материал, в целом свидетельствуют о достаточно динамичном социально-экономическом развитии Луцка XV в. Этому благоприятствовало выгодное географическое расположение города на берегу реки Стирь, а также существующая разветвленная система международных связей – со времен Киевской Руси город был центром международной торговли. Сфера торгово-экономических связей не ограничивалась внутренними потребностями города, где происходили регулярные ярмарки, а простиралась за территорию ВКЛ. С древних времен в городе торговали солью, воском, зерном, медом, овощами и др. В Луцк прибывали иностранные купцы, а луцкие торговцы уже в XV в. отправлялись с товарами в Люблин и Гданьск. На протяжении XV в. руководство хозяйственной, судебной и общественной жизнью городского сообщества осуществляли староста и его урядники, а в связи с предоставлением Луцку магдебургского права свою деятельность здесь развернули и органы городского самоуправления.

Луцк как центр удельной земли получил грамоту на магдебургское право в 1432 г. от польского короля Владислава (Ягайла), признавая его верховенство [3. С. 1–2]. Это был период борьбы Польского королевства и ВКЛ за передел сфер влияния, которая вылилась в ожесточенную войну 1432–1439 гг. Свидригайла и Владислава. Своим привилеем 1432 г. Владислав уравнивал права князей, бояр, воинов, шляхтичей и других жителей Луцкой земли с правами, которыми пользовались прелаты, бароны и шляхта Польского королевства, а горожанам Луцка

жаловал магдебургское право. Согласно грамоте, жители Луцкой земли получили ряд прав и вольностей. Но совершенно очевидно, что магдебургское право распространялось в первую очередь на состоятельных граждан.

В 1497 г. уже великий князь литовский Александр (1461–1506) пожаловал Луцку новый привилей на магдебургское право, которое распространялось уже на всех горожан [3. С. 12–17]. В нем были значительно расширены права городского сообщества Луцка, которые органически дополнялись их обязательствами перед княжеством. В условиях действия магдебургского права верховный правитель определял статус и доходы войта, порядок городского управления, выборы чиновников, организацию городского суда. Большое внимание уделялось упорядочению городской жизни, организации в городе торговли. Права и обязательства жителей города были прописаны отдельной статьёй. Документ сохранился в подтверждении короля Сигизмунда Августа 1560 г.

Польский король и великий князь литовский Стефан Баторий (1576–1586) издал в 1576 г. грамоту, в которой подтверждал Луцку магдебургское право и все предыдущие привилеи своих предшественников на права и вольности города [3. С. 25–27]. Напомним, что на момент издания этой грамоты прошло больше ста лет со времени получения городом магдебургского права (1432). К этому времени завершился процесс длительного сближения ВКЛ с Польским королевством. В результате подписания Люблинской унии 1569 г. состоялось объединение двух государственных образований в единое государство – Речь Посполитую. Вольны вместе с другими украинскими, белорусскими и литовскими землями вошла в состав Речи Посполитой. Город Луцк в новых политических условиях не только продолжал жить по нормам магдебургского права, но и адаптировал эту систему управления к местным условиям.

Стефан Баторий в том же 1576 г. после длительных переговоров с представителями ВКЛ издал грамоту, которой признавал, что Польша и ВКЛ равноправные партнеры в составе федеративной державы. Король обязывался защищать ВКЛ, расширять его границы, не назначать поляков в качестве военачальников в ВКЛ, созывать общие сеймы поочередно в Польше и ВКЛ. Согласно этим условиям он и был избран великим князем литовским. Получение подтвердительного привилея на магдебургское право главным городом Вольны соотносится с особенностями политики Стефана Батория, которая была направлена на укрепление его влияния в регионах.

Грамоты на магдебургское право городу Луцку были введены в научный оборот археографической комиссией под руководством М. Юзефовича, специально созданной для сбора древних актов при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе [3].

В связи с тем, что проблема магдебургского права на Вольны практически не исследовалась, эти грамоты оставались вне поля зрения научной общности. Тем более, что две из них (1432, 1497) написаны на латыни. Грамота Стефана Батория 1576 г. – на польском языке. С целью более основательного научного исследования текстов грамот, введения их в научный оборот, возникла настоятельная необходимость перевода этих важных документов средневековой истории на русский и украинский языки и их публикации. Следует отметить, что часть грамоты короля Владислава (Ягайла) 1432 г. переводилась на украинский язык и была опубликована в сборнике документов и материалов к 900-летию города Луцка [4. С. 31]. Однако в указанном издании текст грамоты подвергся значительным сокращениям, и потому представляется уместным опубликовать

в русском переводе полный текст этого интереснейшего источника по истории средневекового украинского города. Тем более, что сокращение оригинального текста источника неизбежно влечет за собой утрату драгоценных крупиц информации, а также цельности восприятия текста. К сожалению, переводчик указанной грамоты в этом издании не назван.

Подготовка к публикации грамот польских королей и великих князей городу Луцку осуществлялась согласно требованиям к дипломатическому составу документа. Автор руководствовался, прежде всего, методическими рекомендациями С.М. Каштанова и А.Л. Хорошкевич [5. С. 143–158; 6]. В современной историографии используется деление формуляра, который мы называем «условным», на «протокол» (или «начальный протокол»), «текст» и «эксхатокол» (или «конечный протокол»). По мнению С.М. Каштанова, условный формуляр делится на три части, каждая часть, в свою очередь, состоит из нескольких компонентов. В реальном тексте отдельные компоненты условного формуляра могут отсутствовать, а расположение их может изменяться в зависимости от особенностей происхождения и структуры конкретного документа. Данные методические рекомендации были учтены автором в процессе публикации грамот.

Грамоты или привилеи были разделены (абзацами) на соответствующие части, а те, в свою очередь, делились на более мелкие.

Особого внимания в работе над переводом грамот заслуживает их терминологический аппарат. Автор стремился, по возможности, достаточно близко к оригинальному тексту переводить средневековые термины и понятия. При этом учитывалось их использование современной исторической наукой. Как правило, одно и то же общественное явление в зависимости от контекста может обозначаться разными дефинициями. Граждане города назывались «мещанами». Городское сообщество известная украинская исследовательница Н. Яковенко, например, называет «все жители нашего города» («всі мешканці нашого міста»). В современной украинской литературе встречаем понятия «громада» (по нашему мнению, ее составляли не все жители города, а только их наиболее сознательная часть), «горожане», «местичи». В переводе грамот для обозначения городского сообщества вообще автор использовал термин «поспольство». Целесообразность использования этого термина для волынского региона средневекового периода подтверждается кириллическими текстами документов, особенно Литовской метрикой.

Обратимся к структуре грамот. Каждая из них имеет краткую вступительную часть, которая начинается словами: «Во имя Господа аминь (“богословие”)). Очевидно, ссылка на Христа помогала придать акту особенный авторитет, силу и предотвратить возможность оспаривать его содержание. Историк-правовед А.Л. Рогачевский, анализируя концепцию городского права, содержащуюся в памятниках магдебургского права, справедливо отмечал, что нормы городского права, упроченные таким своеобразным способом, должны были, по мнению составителя сборника, символизировать победу права над несправедливостью и злом. Поэтому не случайно и то, что большинство памятников городского права начинается инвокацией – воззванием к Богу, которая как бы служила гарантией подлинности и справедливости права [7. С. 45].

Привилеи городу Луцку обозначали автора выдачи документа (интитуляция): «Мы, Владислав, милостью Божьей король Польши, а также правитель краковский, сандомирский, серадский, ленчицкий, куявский и литовский, верховный князь Померании и Руси» или «Мы, Александр, милостью Божьей великий князь

литовский, русский, жемайтский и др., господарь и наследник», а также «Стефан, милостью Божьей король Польши, великий князь литовский, русский, пруский, мазовский, жемайтский, ливонский, киевский, волынский, подляшский и др., а также правитель Трансильвании». Обращение правителя к адресату (салюция) была обязательной для вступительной части. Верховные правители обращались к «князьям, прелатам, боярам, воинам, шляхтичам и другим жителям Луцкой земли» (1432), «бурмистрам, радцам и всего нашего луцкого поспольства» (1497), «бурmistру вместе с радой и всех мещан поспольства нашего города Луцка» (1576).

В преамбуле (аренге) излагались высшие мотивы и цели составления документа: «Предъявленный нам и воспроизведенный нами пергаменный документ, в котором публично подтверждается мнение от имени бурмистра, радцев и всего нашего луцкого поспольства, с титулом, печатью и собственноручной подписью наияснейшего Сигизмунда Августа, короля Польши, нашего предшественника, [является] неприкосновенным и подлинным, вне подозрений. Нас просили через некоторых наших советников, чтобы мы благосклонно решили, утвердили и подтвердили его нашей королевской властью» (1497). Или другой пример: «Нас просили, чтобы мы особенным нашим листом некоторые артикулы, относительно тех прав и вольностей этого города Луцка, из этих выписанных привилеев объяснили, а относительно других, ниже описанных вещей, владения и употребления их древнего, которыми и сейчас пользуются, согласно права посполитого подтвердили» (1576).

В целом вступительная часть привилеев акцентировала внимание, с одной стороны, на традиции, с другой – на прочности и твердости принятого решения, тем самым усиливая авторитетность документа.

За вступлением следовала основная часть, в которой назывались участники события и раскрывалась суть дела. Эта часть привилеев – самая большая и, как правило, очень подробная.

Так, в грамоте 1432 г. князьям, прелатам, боярам, воинам, шляхтичам и другим жителям Луцкой земли, принадлежащим к святой римской церкви и к церкви восточной, или церкви греческого обряда, Владислав (Ягайло) «дарил и щедро одаривал» все права и вольности, которые «есть и которыми пользуются прелаты, бароны и шляхта нашего Польского королевства». Привилей называл этнический состав этого населения: поляки, тевтоны и русины. Всем им предоставлялось «тевтонське право», а иудеям и армянам такое право, которым пользовались иудеи и армяне в коронных городах Кракове и Львове. В частности, во Львове национальные общины имели определенную автономию и были объектами правовых отношений, пользовались королевскими привилегиями. Национальные общины Львова еще в XIV в. добились возможности выбора: полностью подчиняться судебной юрисдикции городского войта или решать какие-либо дела и вопросы в суде «согласно права своей нации», но при условии председательствования войта [8. С. 122]. В грамоте 1432 г. отмечалось, что предоставленные в ней права, вольности и милости «дарим и щедро одариваем». В связи с этим подчеркивалась необходимость сохранения старины. Жители Луцкой земли, получив права и вольности, должны были исполнять и древние повинности, которые следовало оплачивать «по обычаю». Таким образом, введение новых прав и вольностей предполагало и сохранение старины.

Грамота Александра 1497 г. предоставляла городу магдебургское право с целью улучшения состояния Луцка: «Желая улучшить состояние нашего горо-

да Луцка, чтобы его жители, соответственно своему положению, могли делать больше для его устройства». Характерной особенностью всех известных грамот на магдебургское право было обязательное указание на отмену, ликвидацию или замену ранее существовавших правовых норм на магдебургские. Не был исключением и привилей 1497 г. городу Луцку. В нем говорилось: «Вместо русского или волынского, или какого-то иного права, которое у них было раньше, предоставляем им на вечные времена право тевтонское, которое называется магдебургское». Следует обратить внимание на эту формулу, поскольку в ней предписывалось произвести соответствующую замену, но не предполагалось полной (тотальной) ликвидации прежних норм права. Привилей четко говорил лишь о ликвидации этих норм в части несоответствия магдебургскому праву: «Ликвидируя все права, правила и обычаи, которые это магдебургское право чаще всего нарушают».

Привилей 1497 г. также отвечал на вопросы о преимуществах этого права для города. Из текста документа вытекает, что магдебургское право было достаточно распространенным и привычным для города и его населения. Документ, по сути, раскрывал механизм действия этого права в Луцке. Так, в нем регламентировались полномочия войта, определялись его доходы. В Луцке ему выделялись две корчмы, которые освобождались от королевских налогов. Кроме того, войт получал доход (четверть денария) со всех налогов, подарков, судебных выплат, денежных штрафов или случайных прибылей, которые существовали в городе. В привилее подчеркивалось, что эти правила функционировали в Луцке по образцу действующих правовых норм других городов ВКЛ, установленных предшественниками короля и великого князя Александра. Образцовым в этом отношении назывался город Вильно. Войт получал полную свободу действий в решении криминальных дел, таких, которые касались опасности для жизни горожан. В грамоте подчеркивалось, что вышеизложенные нормы отвечают магдебургскому праву и требуется следовать им «во всех артикулах и клаузулах». Звучало предписание горожанам и жителям окрестностей руководствоваться магдебургским правом «без исключения во всем» и подчиняться войту и «радцам нынешним и будущим». Эта часть привилея представляет особую ценность с точки зрения уяснения сложных вопросов юрисдикции этого права. Следует подчеркнуть, что сфера распространения норм магдебургского права в городе Луцке касалась не только горожан, но и жителей предместий.

Привилей короля Стефана Батория 1576 г. подтверждал луцким мещанам права и вольности, содержащиеся в предыдущих привилеях на магдебургское право. Этим правом горожане должны были пользоваться и управляться, отходить же «от права их настоящего магдебургского ни к какому иному праву в необычных делах позываться не должны». Для Луцка примером использования магдебургского права привилей называл главные коронные города и ВКЛ Вильно и Киев. При этом в документе в очередной раз подчеркивалась необходимость сохранения старины. В нем речь шла о ситуации, которая гипотетически могла сложиться в городе, когда кому-то будет нанесена обида или возникнет иная необходимость, «тогда перед городским урядом наряду с обычным правом употреблять и магдебургское, согласно его привилеев и вольностей». Документ четко определял права луцких мещан, которые находились под юрисдикцией магдебургского права и, «пользуясь городскими вольностями», не должны были «от городских правил отступать, от надлежащего права отходить, ни к кому не обращаться». Разрешалось, в виде исключения, «в учиненных несправедливостях от власти»,

согласно все того же «обычая посполитого», апеллировать к верховному правителю («к нам, к нашему двору»).

После изложения обстоятельств дела (наррации) в документах звучало распоряжение по существу (диспозиция). Привилеем 1432 г. король Польши гарантировал сохранение Луцкой земли и ее жителей в составе короны, недопущение в ней никакого иноземного пребывания. Звучало заверение о существовании здесь и впредь самостоятельной церкви греческого обряда, запрещении обращать всякого человека, независимо от пола и статуса, к римской церкви. Поднимался вопрос организации системы обложения в Луцкой земле. Так, подчеркивалось, что правитель стремится освободить кметов (крестьян) от налогов и повинностей, которые «старосты ко времени привыкли собирать для нас и наших потомков». Высказывалось заверение о сохранении древнего обычая: «Впредь необходимое по старому обычаю будут обязаны давать».

Распоряжение великого князя литовского Александра, изложенное в привилее 1497 г., было более объемным и содержательным. Правитель разрешал проводить в Луцке трижды в году ярмарки. Их предписывалось организовывать «согласно обычаю»: первую – перед воскресеньем, ближайшим к празднику Вознесения Господнего; вторую – перед праздником святого Михаила; третью – перед праздником святой Агнессы. Причем, каждая из них должна длиться неделю. На этих ярмарках «никто из купцов без согласия радцев не имеет права продавать или покупать в этом городе». Исключение составляли торговцы из Вильно и Троков, которые имели такое право в ВКЛ «по особенному разрешению наших предшественников». Это был характерный для магдебургского права запрет розничной торговли для иноземцев в пользу своего купечества. Устанавливался также одноразовый объем покупки воска (не меньше 4 каменей воска) для иноземцев.

Городу Луцку разрешалось иметь свои весы (важницу), воскобойню. На изделия из воска производители должны были ставить свой знак. Всем торговцам «вместе и каждому в отдельности» предписывалось пользоваться единственной и правильной мерой. Такие меры должен был иметь луцкий войт. Одна мера была предназначена для овощей (емкостью в 1 четверть), другая – для меда. Этими мерами обязаны были пользоваться все, кто работал и торговал в Луцке, а также войт. Все торговые операции должны проводиться в городе по образцу города Вильно: «Согласно обычая нашего города Вильна».

Таким образом, привилей 1497 г. определял права и обязанности конкретных должностных лиц в системе местного управления. Начиная с XV в., существенную и важную часть муниципального управления составляла власть войта. Посполство города Луцка подчинялось ему во всех практических делах. Вместе с тем, текущие дела и управление городом осуществляла рада. Первоначально рада состояла из бурмистров и коллегии радцев, которые избирались войтом из представленных ему кандидатов. Привилей определял порядок избрания в раду: луцкий войт получал право избрания половины радцев, а другую половину должно было избирать посполство города. Радцам предписывалось решать все вопросы вместе с войтом, им разрешалось апеллировать только к нему. От войта не должно было следовать больше никакой апелляции. Допускалось лишь рассмотрение апелляции в присутствии короля.

Луцкому войту принадлежала и судебная власть. Напомним, если текущие дела и управление городом осуществляла рада, то судебная власть принадлежала лаве. Привилей не только определял порядок избрания городских чиновников в раду, но и в лаву. Жители города освобождались от зависимости и юрисдикции

городских судов¹ и их урядников. В документе отмечалось, что жители Луцка не должны приглашаться в гродской суд «как по серьезным, так и по незначительным делам», также они не должны были отбывать какие-либо наказания. Луцкие мещане обязаны были подчиняться только войту и нормам магдебургского права.

В привилее 1497 г. особое внимание уделялось проблеме благоустройства города. Радцам и старостам (имеются в виду купеческие старосты) разрешалось расселять людей на свободные и незаселенные места города и его округи. В случае необходимости предполагалось заселять и «незанятые еврейские местности» вокруг города. Такие действия осуществлялись согласно «воле и разрешению» старост, радцев и бурмистров. Указывалась цель этой политики – «увеличение количества жителей» города. На почетном месте (место не указано) в городе Луцке разрешалось построить ратушу. О надлежащем уровне развития ремесленного производства свидетельствует решение о выделении определенной территории для ремесленников. Возле ратуши должны были располагаться: шведы, пекари, мясники, сапожники. Для пользы города и его жителей разрешалось построить публичную баню, как отмечалось в документе, «в удобном месте без каких-либо преград».

Луцк, развиваясь на принципах магдебургского права, во многом отдавал дань старине. Следование старинным обычаям тесно соединялось с принципами магдебургского права: луцким мещанам разрешалось без преград пасти скот на лугах вокруг города «по давнему обычаю».

Луцкие мещане не только получили соответствующие «права и вольности»; вместе с ними расширялись и их обязательства перед верховной властью. Документ призывал жителей защищать город в период особой опасности: «Во времена угрозы от врагов, хотя жители и обязаны защищать стены города, однако, если враг будет иметь перевес, все должны собраться к нашему военному лагерю и там вместе с жителями той земли стойко бороться, чтобы изгнать врага». В соответствии с положениями привилея 1497 г., луцкие мещане должны были исполнять воинскую повинность.

Диспозиция привилея польского короля Стефана Батория 1576 г. была направлена на подтверждение мещанам Луцка прав и вольностей магдебургского права. К этому времени в городе существовала достаточно развитая система повинностей. В документе подчеркивалось, что луцкие мещане, «согласно своих давних вольностей», покупали соль оптом у приезжих продавцов. Эти же торговцы (прасолы) имели право торговать солью в городе, но с этого они платили «соляное» в скарб и никаких иных повинностей не имели. По давнему обычаю и примеру других королевских городов, в городе Луцке должны были и в будущем торговать солью, не вводя никаких иных повинностей. С этой деятельности необходимо было оплачивать в скарб только «соляное».

Еще одна повинность – мыто или так называемое побарышное луцкими мещанами оплачивалась также по древнему обычаю. Привилеями разъяснял, что сущность этого древнего городского налога состояла в том, что если кто-то у продавцов соли ее покупал, тогда с каждой купленной повозки или воза оплачивал полгроша литовского, а тот, кто продавал, также полгроша платил на ратушу. Такой порядок сбора «побарышного» в городе оставался и в будущем.

¹ Гродский суд – поветовый суд для шляхты, мещан и крестьян в ВКЛ в XVI–XVIII вв. Рассматривал наиболее сложные криминальные и гражданские дела. Суд освидетельствовал разные сделки, копии документов, вел актывые книги, исполнял приговоры и решения других судов. Размещался, как правило, в замке (гроде), отсюда и произошло его название.

Содержание мещанами суконных подстригален или суконниц и солодовен в городе оставалось также на прежних условиях (по обычаю). Торговля солодом в городе организовывалась по праву, которым и раньше руководствовались мещане. Теперь они не должны были разрешать торговать солодом посторонним, за исключением шляхты. Мещанам Луцка разрешалось изготавливать солод для собственных нужд со своего зерна. Им разрешалось содержать мясные лавки (ятки), которые были построены в городе на собственные деньги. Мясные лавки должны были использоваться в городе «по давнему обычаю». В этой части документа сквозь лаконичные строки грамоты проступает атмосфера городской жизни, некоторые черты быта горожан.

Мещане города Луцка, подчеркивалось в привилее, с давних времен руководствовались вилькюрами². Стефан Баторий, желая показать им свою милость и уравнивать их с главными коронными городами, подтвердил эту льготу луцким мещанам и разрешил в будущем также устанавливать вилькюры. Привилеем регулировал полномочия чиновников Луцка, четко разграничивал полномочия городских органов власти, состоящих на магдебургском праве, и власти замковые. По изданному документу, нынешний и будущий луцкий замковый уряд, войт и его чиновники (урядники) не имели права нарушать действующие в городе порядки и препятствовать осуществлению принятых решений.

Изложенные в документе права, свободы и вольности поспольству Луцка, установленные предшественниками и подтвержденные Стефаном Баторием, должны были сохраняться в целостности и сохранности.

После основной части в грамотах указывалось, когда каждая из них была составлена, кто был свидетелем ее составления, кто ее подписал. Составитель грамоты Владислава (Ягайло) 1432 г. стремился как можно более подробно сообщить о свидетелях: «Владислав из Оппорова, доктор юриспруденции, декан краковский, прототроний апостольского престола, вице-канцлер нашего Польского королевства, Иоан из Олесницы, маршалок нашего Польского королевства, Иоан из Справы, судья сандомирский, Жегота из Майконичив, серадский хорунжий». Свидетелями написания грамоты 1497 г. были «ясновельможные, шляхетные и вельможные» представители: Николай Радзивилович, воевода виленский и канцлер Великого княжества Литовского; Иоан из Забрежина, каштелян троцкий; Григорий Остикович, надворный маршалок и Николая Тулинич, маршалок. Свидетели написания грамоты Луцку 1576 г. не назывались.

Вслед за именами свидетелей в грамотах излагались сведения о составителях документов, времени исполнения, исполнителе («конечный протокол»). Грамоты содержали собственноручные подписи правителей и были скреплены их печатью, как подчеркивалось в одной из них, «в доказательство чрезвычайной важности этого всего» – имеется в виду, изложенного в привилее. Особенностью грамоты Луцкой земле 1432 г. являлось то, что к ней были подвешены печати всех присутствующих свидетелей, отметим, что о подписях их не упоминается. Исполнитель (писарь) же ее не назывался. Грамота 1497 г. была написана коронным секретарем Эразмом, который присутствовал на комиссиях. Следующая грамота 1576 г. была записана писарем Лаврином Песожинским.

После имен исполнителей и свидетелей грамоты сообщали о месте и времени их составления. Привилеем 1432 г. был издан и записан во Львове, «в четверг,

² Вилькюры – постановления от имени горожан городского органа (рады), которые имели такую же обязательную силу, как и государственные законы.

предшествующий дню всех святых, года Господнего 1432» (30 октября 1432 г.). Грамота 1497 г. была выдана «в полевом лагере возле Заслава, в пятницу после праздника святого Якова, года 1497 от рождения Господа» (31 июля 1497 г.). Грамота Стефана Батория 1576 г. «записана в Торуне, на коронном вальном сейме, двадцать шестого дня месяца Октября 1576 года, первого года нашего королевского правления» (26 октября 1576 г.).

Дипломатический состав документов свидетельствует, что протокол привилеев 1432, 1497, 1576 гг. вполне стандартный и весьма мало менялся. С одной стороны, на основе поступательного экономического развития города Луцка, совершенствования производства, развертывания в городе торговли (соответственно, совершенствования таможенных поступлений) возникала необходимость приведения в соответствие этих процессов с действующими нормами магдебургского права. С другой стороны, предоставляя городу Луцку привилеи, правители преследовали свои собственные политические цели. Поэтому каждая следующая грамота лишь детализировала правовые нормы, изложенные предыдущей грамотой. Кроме того, привилеи на магдебургское право главному городу Волини Луцку XV–XVI вв. красноречиво свидетельствуют о стабильности городской политики в Польском королевстве и Великом княжестве Литовском. Они представляют собой ценный свод сведений о развитии города, позволяют реконструировать основные черты утвердившейся в стране модели политико-правового устройства городских центров, проследить особенности хозяйственного уклада, социальной структуры, повседневной жизни. Привилеи 1432, 1497, 1576 гг. оформили город Луцк как самостоятельную административную единицу Великого княжества Литовского с соответствующими атрибутами – территорией, институтами власти и управления, судом, системой доходов и налогообложения, населением. Документы определили принципы (механизмы) функционирования магдебургского права, в частности структуру власти в городе, основные права и полномочия чиновников, систему их выборов, назначений и отчетов, деятельность судов и их компетенцию. Город и замок превращались в двух юридически самостоятельных субъектов. На территории города ликвидировалось функционирование местного права, взамен вводились нормы магдебургского права. При этом оставались правомочными местные обычаи, нормы права, которые не противоречили магдебургскому. Таким образом, верховная власть своими действиями поддерживала развитие городов, особенно тех, которые размещались на границах государства. В этом плане Волинь была стратегически важным регионом, как для Короны, так и для Великого княжества Литовского.

Публикуемый перевод грамот выполнен по изданию: Архив Юго-Западной России, издаваемый Временной комиссией для разбора древних актов, учрежденной при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Киев, 1869. Ч. 5. Т. 1. Акты о городах (1432–1798). С. 1–2, 12–17, 25–27.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Д. Александр. Магдебургские права // Вялікіе княства Літоўскае: Энцыклапедыя. У 2 т. Мінск, 2007. Т. 2.
2. Заяць А. Урбанізаційний процес на Волині в XVI – першій половині XVII століття. Львів, 2003.
3. Архив Юго-Западной России, издаваемый Временной комиссией для разбора древних актов, учрежденной при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Киев, 1869. Ч. 5. Т. 1. Акты о городах (1432–1798).

4. Луцьку 900 років. 1085–1985. Збірник документів і матеріалів. Київ, 1985.
5. *Каштанов С.М.* Дипломатический состав древнерусского акта // Вспомогательные исторические дисциплины. П. Л., 1969.
6. Методические рекомендации по изданию и описанию Литовской Метрики / Сост. А.Л. Хорошкевич и С.М. Каштанов. Вильнюс, 1985.
7. *Рогачевский А.Л.* К вопросу о концепции городского права в памятниках магдебургского права XIII–XV веков. // Средневековый город. Саратов, 1991. Вып. 10.
8. *Капраль М.* Національні громади // Історія Львова. У трьох томах. Львів, 2006. Т. 1.

I

Во имя Господа аминь. На вечную память о событии.

Поскольку среди достижений человеческой природы нет ничего более ценного, кроме памяти, необходимо, чтобы человеческие дела с помощью записей и свидетельств сохранялись от забвения, которое может произойти со временем.

Поэтому Мы, Владислав, милостью Божией король Польши, а также правитель краковской, сандомирской, серадской, ленчицкой, куявской и литовской, верховный князь Померании и Руси, господарь и наследник и др., оповещаем этим документом всех, к кому это относится, нынешнее и будущее поколения, которые будут знать его содержание. Таким образом, помня достойные благодарности заслуги и особенно добровольную помощь нам и короне нашего Польского Королевства, которую оказывали князья, прелаты, бояре, воины, шляхтичи и другие жители Луцкой земли, которые приняли наше покровительство и были ласково приняты; учитывая их заслуги и заслуги других, прелатам, боярам, воинам и шляхтичам этой Луцкой земли, принадлежащим к святой римской церкви, так и к восточной, или церкви греческого обряда, дарим и щедро одариваем все права, вольности и милости, те, которые есть и которыми пользуются прелаты, бароны и шляхта нашего Польского королевства, вышеназванным гражданам, а именно: полякам, тевтонам и русинам – тевтонское право; иудеям и армянам такое, которое имеют иудеи и армяне, что живут в наших городах Кракове или Львове, предоставляем, дарим и щедро одариваем, за исключением повинностей, которые оплачиваются по обычаю, которые сохраняем для нас и наших потомков.

Кроме того, обещаем, что эту Луцкую землю и ее жителей не отлучим от нашей Польской Короны и не отдадим и не разрешим никакого иноземного господства в ней; также русские церкви, или церкви греческого обряда, и мы не будем разорять и превращать в церкви римского обряда и не разрешим делать этого другим; а также ни одного человека греческого обряда, независимо от его пола и статуса, не будем силой и не разрешим никому обращать к римской церкви. Кроме того, стремясь освободить от налогов кметей среди жителей Луцкой земли, теперь освобождаем их от налогов и повинностей, которые старосты ко времени привыкли собирать для нас и наших потомков. Впредь необходимое по старому обычаю будут обязаны давать.

На подтверждение этого подвешены наша [печать], а также – печати наисветлейшего правителя Семовита, князя Мазовии, наидостойнейших отцов во Христе, правителей: Иоана, архиепископа Львовского, Иоана, епископа Холмского, ясновельможных: Иоана из Лихина, воеводы Берестейского, Владислава из Опорова, доктора юриспруденции, декана краковского, прототрония апостольского престола, вице-канцлера нашего Польского королевства, Лаврентия Зарембы, серадского, Альберта Мольского, ленчицкого, Дубка из Олесницы, войницкого,

Домарата из Кобылян, Бельского каштелянов; Иоана из Олесницы, маршалка нашего Польского королевства, Станислава из Добжелина, ленчицкого, Андрея из Лубена, добринского, подкомориев; Иоана из Справы, судьи сандомирского, Жеготи из Майконичив, серадского хорунжего, Иоана Ташки из Концеполя, Станислава Ебермута, подчашего калишского, Мсцивоя из Скжина, Петра из Хелма, Николы из Вишницы и Петра Потоцкого.

Дано и записано во Львове, в четверг, предшествующий дню всех святых, года Господнего 1432.

(Места для печатей)

Архив Юго-Западной России, издаваемый Временной комиссией для разбора древних актов, учрежденной при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Киев, 1869. Ч. 5. Т. 1. Акты о городах (1432–1798). С. 1–2.

Перевод с латинского языка
В.Н. Мироновой, О.М. Кориневской

II

Стефан, милостью Божией король Польши, великий князь литовский, русский, прусский, мазовский, жемайтский, ливонский, киевский, волынский, подляшский и др., а также правитель Трансильвании.

Этим нашим документом сообщаем всем и каждому, кого это касается: Предъявленный и воспроизведенный нами пергаменный документ, в котором публично подтверждается мнение от имени бурмиистра, радцев и всего нашего луцкого посольства, с титулом, печатью и собственноручной подписью наияснейшего Сигизмунда Августа, короля Польши, нашего предшественника, [является] неприкосновенным и подлинным, вне подозрений. Нас просили через некоторых наших советников, чтобы мы благосклонно решили, утвердили и подтвердили его нашей королевской властью.

Содержание этого письма следующее:

Сигизмунд Август, милостью Божией король Польши, великий князь литовский, русский, прусский, мазовский, жемайтский и ливонский и др.

Сообщаем этим листом всем и каждому, кого это касается, и теперь, и в будущем: что предоставленные нам от имени бурмиистра, радцев и всего нашего посольства города Луцка, который находится на Волынской земле, два пергаменных документа светлейшего в прошлом князя, правителя Александра, короля Польши, великого князя литовского и др., нашего дяди, содержание которых изложено ниже, два листа написаны по-латыни, но один из них датирован еще тем временем, когда он возглавлял только Великое княжество Литовское, а второй – временем, когда он получил и королевскую власть, и два листа скреплены подвесной печатью Великого княжества Литовского. Просьба этих мещан обращена к нам, поскольку Волынская земля возвращена нами Польскому королевству, и как член, от своего настоящего и природного тела отрезанный, так и она должна снова быть присоединенной и включенной в состав Королевства; эти два документа мы милостиво постановляем переписать и, скрепив нашей королевской печатью, нашей королевской властью принять, утвердить и подтвердить нашей королевской властью.

Содержание этих документов дословно такое:

Во имя Господа аминь. На вечную память о событии мы, Александр, милостью Божией великий князь литовский, русский, жемайтский и др., государь и наследник, этим сообщаем всем, кого это касается, и нынешнее, и будущее поколения, которые об этом узнают.

Желая улучшить состояние нашего города Луцка, чтобы его жители, соответственно своему положению, могли делать больше для его устройства, вместо русского или вольнского, или какого-то иного права, которое у них было раньше, предоставляем им на вечные времена право тевтонское, которое называется магдебургское, ликвидируя все права, правила и обычаи, которые это магдебургское право чаще всего нарушают, согласно с магдебургским правом в городе обновляем должность войта и дарим ее тем, кто есть теперь, выделяя для этого две корчмы, свободные от разных наших налогов, с четвертью денария со всех налогов, подарков, судебных выплат, денежных штрафов и каких-либо случайных прибылей, как учреждено и установлено нашими предшественниками в Вильно, а также в других городах, которые пользуются этим правом. Ему (войту) в криминальных делах, которые касаются опасности для жизни, предоставляем и даем полную свободу действий, как установлено магдебургским правом и требуется во всех артикулах и клаузулах. Желаем, таким образом, чтобы все жители города вместе и каждый в отдельности, а также те, которые живут в его окрестностях, посредством этого права, без исключения, во всем, что постановляет право, подчинялись войту и радцам, которые будут в свое время.

Разрешаем также этому городу трижды в году учреждать ярмарки для собственных нужд, которые должны проводиться согласно обычаю: первая – перед воскресеньем, ближайшим к празднику Вознесения Господнего; вторая – перед праздником святого Михаила; третья – перед праздником святой Агнессы, каждая из них должна длиться неделю.

Кроме этих ярмарок никто из купцов без согласия радцев не имеет права продавать или покупать в этом городе, за исключением жителей Вильна и Троцка, которые имеют это право по особенному разрешению наших предшественников.

Предоставляем также и разрешаем иметь весы, и там же построить воскобойню и на изделиях из воска ставить свой знак, с этого не нужно ничего оплачивать войту.

Желаем также, чтобы никто из приезжих или чужеземных купцов или торговцев не покупал за один раз меньше 4 каменей воска.

Войт будет иметь одну меру для овощей емкостью в 1 четверть и другую меру для меда, которые все, кто там работает и покупает, будут обязаны использовать, и для себя он этой же мерой будет мерить, согласно обычаю нашего города Вильна.

Назначаем также, чтобы среди всех торговцев вместе и каждого в отдельности была одна единственная и правильная мера; чтобы, если кто-нибудь из этих торговцев будет уличен в том, что использует меньшую меру, был наказан войтом согласно того, насколько он отступил от принятой меры.

Войт будет избирать также половину радцев каждый год, другую половину будет избирать городское посольство.

Любое обращение (апелляцию) радцы передают войту, от войта пусть не будет никакой апелляции, разве что при условии нашего присутствия. Кроме того, даем также радцам и старостам³ этого города все свободные и незаселенные места в городе и возле него для поселения там людей и увеличения количества жителей, в незанятых еврейских местностях вокруг города, если будет необходимость, в лучших местах разрешаем селиться жителям города, по воле и разрешению ста-

³ Имеются в виду купеческие старосты.

рост, радцев и бурмистров. Построят также ратушу в почетном месте, под нею будут иметь сооружения швецы, а также пекари, мясники, сапожники. Будут также иметь возможность с пользой для города и жителей построить публичную баню в удобном месте без каких-либо преград. Разрешаем также этому городу без всяких преград выпасать животных и свиней на лугах вокруг города, по давнему обычаю.

Кроме этого, данным документом навсегда освобождаем жителей этого города от гродских судов и их власти, а также от урядников; так, чтобы перед ними не отвечали приглашенные к суду как по серьезным, так и по незначительным делам, и не должны были отбывать какие-либо наказания, а обязаны были подчиняться только своему войту, согласно форме права.

Если войт и радцы города будут казаться кому-либо недостаточно справедливыми, будут вынуждены отвечать перед нами, приглашенные нашим листом. Во времена угрозы от врагов, хотя жители и обязаны защищать стены города, однако, если враг будет иметь перевес, все должны собраться к нашему военному лагерю, и там вместе с жителями той земли стойко бороться, чтобы изгнать врага.

В доказательство чрезвычайной важности этого всего подвешиваем нашу печать к этому документу.

Дано в полевом лагере возле Заслава, в пятницу после праздника святого Якова, года 1497 от рождения Господа, в присутствии ясновельможных, шляхетных и вельможных: Николая Радзивиловича, воеводы виленского и канцлера Великого княжества Литовского; Иоана из Забрежина, каштеляна троцкого; Григория Остиковича, нашего надворного маршалка и Николая Тулинича, маршалка.

Написано рукой ясновельможного Еразма, нашего секретаря, который присутствовал на комиссиях.

Содержание следующего [документа таково] есть такое:

Во имя Господа аминь. На вечную память о событии.

Власть светских правителей всегда должна называться самой счастливой, чтобы то, что они провозгласили своими святыми словами, будущие правители также решили оставить ради права и справедливости и чтобы сохранить радость своих верных, это своими документами навеки подтвердили и передали следующим поколениям. Поэтому мы, Александр, Божией милостью король Польши, великий князь литовский, русский, прусский, жемайтский и др., господарь и наследник.

Сообщаем этим документом всем, кого это касается, и нынешнее, и будущее поколения: Поскольку в Великом княжестве Литовском, находясь тогда на княжеском престоле, мы имеем обычай давать подтверждение привилеев, данных нашими предшественниками, каждому, кто этого просит, так и теперь, когда, по милости и ласке великого Бога, получили королевский престол, всем даем подобные подтверждения ради большей уверенности.

Теперь относительно предвиденного: привилеи, письменные обеспечения, свободы, разрешения, освобождения от обязательств, особенные права, поступки для войта, бурмистра и радцев, всего поспольства и всех жителей Луцка и все другое, что утверждено нашими предками, королями и правителями, а также магдебургское право, данное жителям Луцка и подтвержденное, хотим, чтобы было дано и подтверждено, справедливое и законное – признано справедливым и законным, и содержание этого чтобы имело силу, как было передано дословно в этом нашем документе, и во всем их содержание, положения, пункты, условия, клаузулы и артикулы особенной милостью и королевской щедростью подтвер-

дили, приняли и утвердили; этим документом подтверждаем, восстанавливаем, решаем и утверждаем, постановляя, чтобы это имело силу вечно.

Для освидетельствования этого документа подвешиваем нашу печать. Записано и дано в Вильне, в понедельник после Светлой недели года 1503 от рождения Господа, второго года нашего королевского правления в присутствии: Николая Радзивиловича, воеводы виленского и канцлера Великого княжества Литовского; Иоана с Забрежа, воеводы Троцкого и маршалка Великого княжества Литовского, Михайла, князя Глинского, державца в Мереце и Учизани, надворного маршалка литовского, Георгия Илинича – в Лиди, Иоана Миколаевича – в Вильжи, Станислава и Иоана Забресинских, наших державцев и маршалков, искренне и верно уважаемых, написано рукой уважаемого Еразма Вителия, урядника виленского, первого писаря апостольской столицы, каноника вратиславской, познанской и владиславской церковей, нашего секретаря, который присутствовал на комиссиях.

Мы же, Сигизмунд Август, вышеназванный король, с милостью подтверждая эту просьбу лущких мещан как справедливую, два ранее изложенных документа приказали переписать и скрепить нашей королевской печатью, и их во всех клаузулах, артикулах и условиях решили, утвердили и подтвердили, постановив, что они и все, что в них изложено, должны иметь обязательную и вечную силу. Выдано в Люблине, на королевском вальном сейме, 15 июля, года Господнего 1560, сорокового года нашего правления. Король Сигизмунд Август.

Мы же, Стефан, вышеназванный король, эту просьбу [...] подтверждая, изложенные выше документы во всех их клаузулах, артикулах и условиях постановили, утвердили и подтверждаем этим документом, постановляя, чтобы их и все, что в них изложено [...] должно иметь обязательную и вечную силу; и для уверенности в этом деле и более ясного свидетельства их, подписаны нашей рукой и королевской печатью [...] на королевском вальном сейме, 22 октября, года Господнего 1576, правления [...]

Король Стефан собственноручно.

Архив Юго-Западной России, издаваемый Временной комиссией для разбора древних актов, учрежденной при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Киев, 1869. Ч. 5. Т. 1. Акты о городах (1432–1798). С. 12–17.

Перевод с латинского языка
В.Н. Мироновой, О.М. Кориневской

III

Стефан [...]

Сообщаем этим нашим листом всем и каждому, кого это касается, как нынешнему так и будущему поколению. Что указано и предоставлено нам, от имени бурмистра с радой и всех мещан поспольства нашего города Луцка, который находится на Волынской земле, привилеи польских королей, святой памяти наших предков, на права и вольности этого города, которые ни в чем их не ограничивая, они щедростью, своим королевским могуществом подтвердили.

Нас просили, чтобы мы особенным нашим листом некоторые артикулы относительно тех прав и вольностей этого города Луцка из этих выписанных привилеев объяснили, а относительно других, ниже описанных вещей, владения и употребления их древнего, которыми и сейчас пользуются, согласно права посполитого подтвердили.

Тогда мы, желая их мотивированную просьбу исполнить, это милостливо разрешив данным нашим листом, к слову, ниже в нем описанном, декларируем следующее: Во-первых, мещане нашего города Луцка [должны] управляться магдебургским правом, городскими вольностями и во всем следовать и управляться согласно привилеев, данных нашими предками, а теперь уже и нами подтвержденными, как в других главных Коронных городах и Великом княжестве Литовском, в Вильно, Киеве, раньше к Литве относящимися, где мещане используют эти права магдебургские, ними управляются. А паны рада, наши урядники, ни луцкие старосты, ни шляхтичи и никто другой согласно листов и комиссий наших, даже за обращениями луцких мещан, несмотря на городские вольности, по принадлежащему им магдебургскому праву, ни к какому иному праву в необычных делах обращаться не имеют права. Однако если кому-нибудь от мещанина в его личных интересах будет нанесена обида или возникнет какая-то иная необходимость, тогда перед городским урядом наряду с обычным правом употреблять и магдебургское, согласно его привилеев и вольностей.

Луцкие же мещане, подчиняясь магдебургскому праву, пользуясь городскими вольностями, не должны от городских правил отступать, от надлежащего права отходить, ни к кому не обращаться. Исключение может быть лишь тогда, когда будет существовать убеждение в учиненных несправедливостях от власти, тогда, согласно обычая посполитого, можно апеллировать к нам, к нашему двору. Если среди них кто-то был таким упрямым и без всякой причины от закона и суда надлежащего уклонялся и быть послушным не хотел, против такого они должны действовать согласно своего права.

При этом луцкие мещане нам сообщали, что когда прасолы (торговцы солью) приезжают в Луцк с солью, тогда они согласно давних вольностей, соль у них покупают оптом и в розницу и ею в городе Луцке торгуют и шинкуют. Однако, с этого они соляное платят в наш скарб, никаким иным повинностям не подлежат. Эти же вольности, которые были и теперь используются, им оставляем. На будущее, согласно давнего обычая и примера нынешних других наших Коронных городов, солью должны в городе Луцке торговать и шинковать, не подвергаясь никакой иной повинности, должны оплачивать только обычное соляное в наш скарб.

Мыто также, так называемое побарышное, древний городской налог, то есть когда кто у прасолов соль покупает, тогда с каждой повозки или воза, кто покупает – полгроша литовского, а тот, кто продает – также полгроша на ратушу платит, тогда они, согласно своего древнего обычая, а особенно если в то время используется, и впредь использовать это должны.

Также постригальни [суконные] или суконницы и солодовни в городе Луцке, если были и теперь есть в пользовании луцких мещан, тогда их при этом использовании и в будущем оставляем и утверждаем, с условием, что и в будущем они будут принадлежать городу и использоваться, согласно обычаю. Если кто со стороны в город солод на продажу привозит, им мешая, тогда они, по своему праву, которым и раньше руководствовались, такого допускать не должны, за исключением шляхетских поселений (осад), а также тех, кто из своего зерна для собственных нужд это делает.

Отдельные мясные ятки (лавки), которые горожане по согласованию с городом Луцком на территории города на свои средства построили, и которые если использовались и теперь используются, тогда их оставляем, согласно древнего своего использования, они, эти ятки, городу Луцку должны служить.

Особенно если вышеупомянутые луцкие мещане с давних пор управляются магдебургским правом и устанавливают вилькиры, тогда мы, по их просьбе, стремясь показать им еще больше нашей королевской милости, с другими нашими главными коронными городами их уравнивать, предоставляем и разрешаем им этим нашим листом это право и дальше использовать таким же образом и примером других коронных городов, которые это право используют и управляются для справедливости и городского порядка, никого не обижая в речах наших.

А уряд наш луцкий замковый, также войт и его урядники нынешние и будущие этим их порядкам мешать и портить и каким-либо образом вмешиваться не имеют права теперь и в будущем. Все эти дела, права, свободы и вольности, от предков наших унаследованные, и нами подтвержденные и выше в этом нашем листе описанные, должны быть сохранены в целости своей и неизменности, ни в чем не нарушаться, всегда руководствоваться ними. А никакой кривды и ущерба никто им в этом не должен причинять и приносить теперь и во веки веков.

Для освидетельствования этого документа, этот лист рукой нашей подписав, подвешиваем нашу печать. Записано в Торуне, на коронном вальном сейме, двадцать шестого дня месяца Октября 1576 года, первого года нашего королевского правления. Король Стефан. Лаврин Песожинский, писарь.

Архив Юго-Западной России, издаваемый Временной комиссией для разбора древних актов, учрежденной при Киевском, Подольском и Волыньском генерал-губернаторе. Киев, 1869. Ч. 5. Т. 1. Акты о городах (1432–1798). С. 25–27.

Перевод с польского языка
А.В. Бортниковой

Л.С. КЛЕЙН. Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. СПб., 2009. 400 с.

Писать о монографии Л.С. Клейна не просто – так много тем, связанных с пресловутым «варяжским вопросом», в ней затронуто. Однако не только это обстоятельство затрудняет работу рецензента. «Спор о варягах» Клейна существует как бы в трех качествах: во-первых, – это научная работа, полемически заостренная против антинорманизма; во-вторых, – это историографическое исследование (на что недвусмысленно указано и в подзаголовке книги – «история противостояния и аргументы сторон»); в-третьих, издание само, без сомнения, является источником по истории дискуссии 1965 г. и Славяно-варяжского семинара в ЛГУ, включая воспоминания автора (данные нередко в виде вступления или послесловия к тем или иным разделам книги), его учеников и коллег.

Крайне важно подчеркнуть своевременность выхода книги. Л.С. Клейн, выступая в 1995 г. заметил, что «антинорманизм как позиция будет возрождаться не однажды» (с. 200). Остается только удивляться, насколько проницательным оказался автор. Антинорманизм возрождается в отечественной науке в агрессивной, радикальной форме с конца 1990-х годов, взяв на вооружение и развив взгляды М.В. Ломоносова и «патриотической школы» второй половины XIX в. Антинорманизм «новой волны» в качестве аргументов научного спора использует приемы, бывшие в ходу в 1930–1950-е годы. Оппоненты обвиняются в злонамеренном иска-

жении истины, их идеи рассматриваются как политически вредные и инспирируемые из-за рубежа, закономерно появляется призыв к государственной власти с требованием разобраться с такой неприглядной научной концепцией. Во введении Л.С. Клейн указывает именно на эти обстоятельства как на давшие импульс к публикации книги: «Мне представляется, что сейчас самое время вспомнить, как мы сумели отстоять возможности заниматься объективным исследованием варяжского вопроса в условиях тоталитарного строя и идеологического пресса» (с. 10).

В целом, «Спор о варягах» можно охарактеризовать как сборник различных научных работ автора (а также его учеников и коллег), написанных в течение полувека и объединенных общей тематикой. Выступая в 2008 г. уже как редактор, Л.С. Клейн расположил материалы в хронологическом порядке (книга состоит из 11 разделов), связав их общим комментарием, предварительными замечаниями и послесловием к каждому разделу, благодаря чему книга получила цельность. Первые два раздела включают книгу «Спор о варягах» 1960 г., которая до сих пор не издавалась, доклад автора, сделанный на «дискуссии по норманнскому вопросу» 1965 г., а также конспекты выступлений его оппонентов и сторонников и другие материалы. Видное место занимает «археологический блок» (Л.С. Клейн, конечно, в первую очередь археолог): опубликованные и неопубликованные статьи

разных лет. Разделы – выступление на 30-летию дискуссии в 1995 г. и критика современного антинорманизма – благодаря авторскому комментарию оказываются тесно связанными между собой. Книга дополнена биографиями Г.Ф. Миллера и Г.С. Лебедева, а также приложениями, где участники и соучастники Славяно-варяжского семинара делятся своими воспоминаниями о его работе; там же содержится весьма ценный список их печатных работ. Послесловие к книге написано Е.Н. Носовым, одним из видных петербургских археологов, участником варяжского семинара.

Отредактировать столь большое число материалов так, чтобы они стали единой книгой, – задача непростая. Поэтому при чтении приходится не раз сталкиваться с практически дословными повторами некоторых идей и аргументов. Например, дважды Л.С. Клейн повторяет критический ответ на возражения А.Г. Кузьмина норманистам о незначительности следов скандинавских культов в археологическом материале Древней Руси и скандинавской лексики в русском языке (с. 172, 208), а также утверждение, что финское слово «Ruotsi», означающее «Швеция», в восточнофинском диалекте произносилось как «ruossi» (с. 62, 66, 226), однако конкретная ссылка на страницы издания, в котором этот вопрос был бы исследован, отсутствует. Трудности редактирования проявляются и в разделе, посвященном Г.С. Лебедеву. Например, в двух соседних абзацах (с. 262) повторена одна и та же мысль, что итоги дискуссии 1965 г. подведены в коллективной статье. Дальнейший текст раздела также не избавлен от признаков механического соединения. Несмотря на эти и некоторые другие недочеты, редакторскую работу автора, учитывая ее масштаб, следует признать удачной.

Неизданная книга Л.С. Клейна, подготовленная в 1960 г., состоит из двух частей. В первой излагаются ключевые этапы противостояния норманизма и антинорманизма. Важным представляется то, что автору удалось показать связь определенной политической конъюнктуры в России и рецидивов антинорманизма. Во второй части детальному разбору под-

вергнуты собственно аргументы сторон. Некоторые из них все же следует отнести к определенному историческому этапу развития дискуссии (например, положения норманизма о роли варягов как культуртрегеров и создателей государства). В 1960 г. они были включены и акцентированы автором в основном по цензурным соображениям. Последовательность же аргументов и сам их набор дает адекватное представление об основных положениях двух концепций, являя прекрасным образцом, который может быть использован, например, в учебных курсах. Именно при непредвзятой и последовательной проверке на прочность выявляется слабость и безосновательность большинства антинорманистских утверждений. Это тем более важно, что и сейчас критикуемые Клейном аргументы продолжают использоваться в научной полемике. Автор также показал, как изменялось содержание понятия «норманизм» и его понимание в исторической науке на различных этапах ее развития.

Л.С. Клейн сам указывает направление для оценки некоторых особенностей его книги 1960 г. и выступления на дискуссии в 1965 г.: «заяввшись варягами, я понимал, на что поднимаю руку и что сразу все сказать не удастся» (с. 11). Поэтому бессмысленно критиковать его за использование официальных идеологических клише. Можно только приветствовать научную честность автора, который не стал удалять подобные пассажи, а опубликовал книгу и свой доклад без изменений.

Призыв Л.С. Клейна – понять обстоятельства создания книги с учетом эпохи, в которую она писалась, подкрепляется публикацией материалов, написанных в постсоветский период. Показательно в этом смысле сравнение того, как Клейн оценивал дискуссию Г.Ф. Миллера и М.В. Ломоносова в 1960 г. и в написанной в 2003–2004 гг. «Биографии Миллера». «Ломоносову удалось убедительно доказать, что выводы Байера и Миллера построены на зыблющихся основаниях. Но ему не удалось [...] доказать свои собственные положительные выводы по данному вопросу» (с. 22) – это 1960 г.,

что по форме существенно отличается от современного изложения автором того же вопроса: «Ломоносов [...] был предвзятым и никудышным историком, стремился подладить историю к политике и карьерным соображениям, и в их споре был, несмотря на частные ошибки, несомненно, кругом прав Миллер» (с. 240). Такое разительное несходство в оценках исчерпывающе прокомментировал (применительно к другому эпизоду) сам автор: «мне пришло в голову на языке советской исторической науки» (с. 95).

В «археологическом блоке» наиболее значительной представляется публикация совместной статьи Л.С. Клейна, Г.С. Лебедева и В.А. Назаренко о норманнских древностях Киевской Руси, впервые вышедшей в 1970 г. (см. [1]) и давно вошедшей в число классических публикаций по проблеме. Идеино с этой статьей тесно связаны и другие опубликованные в «Споре о варягах» работы «археологического блока». В них затронуты теоретические проблемы выявления миграции, а также вопросы этнической атрибуции вещей и комплексов в археологии. Автор (вслед за А.В. Арциховским) неоднократно подчеркивает важную роль археологии в решении «норманнской проблемы», данные которой свидетельствуют в пользу скандинавского происхождения варягов. Возможно, автору стоило бы заострить внимание на том, что археология не дает окончательного решения, так как вопросы, связанные с тождеством варягов и скандинавов, а также с происхождением термина «русь» решаются все же историками и лингвистами. Археологические же материалы привлекаются, скорее, как обоснование возможности подобного отождествления и реальности присутствия скандинавов в Восточной Европе в IX–X вв. Впрочем, понимание данного аспекта у автора имеется, и он скрупулезно собирает и анализирует соответствующую аргументацию в своей книге (с. 51–54, 57–59, 60–62 и др.).

Написанный в форме рецензий специальный раздел с критикой современного антинорманизма является одним из важнейших в книге. Л.С. Клейн не выходит (надо отдать ему должное) за рамки

принятой в научном сообществе этики дискуссий, несмотря на часто оскорбительный тон оппонентов. В «три итоговых тома антинорманизма», подлежащих критическому разбору, попали: хрестоматия А.Г. Кузьмина, сборник РИО и монография В.В. Фомина по варяжскому вопросу.

Л.С. Клейн подверг критике три основных аспекта хрестоматии Кузьмина. Во-первых, он совершенно верно указывает, что аргументы сторонников и противников норманнской теории подобраны Кузьминым произвольно (надо сказать, что такой подход характерен вообще для всех работ современных антинорманистов). Далее, Клейн обращает внимание на то, что конкретные аргументы в пользу скандинавского происхождения варягов не отвергаются, а лишь ставятся под сомнение в хрестоматии. Автор показывает, что эти сомнения при непредвзятом подходе легко снимаются. В-третьих, Клейн замечает, что в хрестоматии отсутствует какая-либо внятная позиция по вопросу происхождения варягов и термина «русь»: «По Кузьмину все наши-ствия годятся (иранцы-сарматы, западные славяне, кельты) лишь бы не шведы» (с. 209). Возможно, автору стоило бы подробнее остановиться именно на этом вопросе. Кузьмин совместно со своей ученицей Е.С. Галкиной абсолютизируют сюжет арабо-персидских источников о «трех видах русов» [2. С. 456–481], в котором, как это было давно показано, историческая действительность накладывается на фольклорную традицию [3]. Эти мифические виды они обнаруживают чуть ли не на всем пространстве Европы на протяжении I тыс. н.э., не заботясь о том, что в источниках эти «русы» известны под разными именами. В результате возникает сюрреалистическая картина того, как русы-аланы из причерноморских степей якобы переселяются к своим родичам русам-руянам на побережье Балтийского моря. При этом совершенно игнорируются как понятие «хозяйственно-культурный тип», который, конечно, существенно различался у кочевого и оседлого населения, так и данные источников.

Среди критических замечаний Л.С. Клейна по поводу сборника РИО стоит обратить внимание на разбор филологических построений его авторов, в особенности на подробную критику статьи Л. Грот (с. 214–215). Клейн блестяще показывает, что скандинавская семантика имени «Олег» не позволяет выводить его из славянских языков, где это имя как раз ничего не означает. Наличие же имени в еврейско-хазарской переписке первой половины X в. снимает все вопросы по поводу его аутентичности. Позиция В.В. Фомина разбирается Клейном подробно, по главам. Автор честно указывает на историографические достижения Фомина (с. 216) и демонстрирует, что попытки доказать южнобалтийское происхождение варягов и руси связаны с вольными интерпретациями источников и незнанием археологического материала.

В связи с этим стоит обратить внимание еще на один сюжет, который Л.С. Клейн не рассмотрел, но который является одним из столпов современного антиноormanизма. Речь идет о попытках придать реальный исторический смысл возникшей на рубеже XV–XVI вв. книжной (что показал В.Я. Петрухин [4]) версии происхождения династии Рюриковичей от императора Августа через мифического Пруса. Фомин верно замечает, что «появление августианской легенды было продиктовано притязаниями России на равное место среди европейских держав» [5. С. 424]. На этом бы и стоило остановиться. Далее же высказано спорное мнение о том, что данный сюжет опирался на некую традицию, поскольку иначе невозможно объяснить «непрестижное» родство в легенде русских князей с Прусом. Во-первых, стоит отметить, что в конечном итоге род Рюриковичей возводился к «престижному» Августу Кесарю. Во-вторых, отсылка к пруссам (которые и славянами-то, к слову, не были, что совершенно игнорируется) была обусловлена внешнеполитической конъюнктурой [4. С. 78]. В-третьих, Фомин не обращает внимания на то, что и сама легенда существовала в различных вариантах и каждый раз приспосабливалась к конкретным политическим потребностям. Попытки

обнаружить под августианской легендой какую-либо древнюю традицию наталкиваются на красноречивое молчание письменных источников с древности до XVI в., когда она в действительности возникает. Никакой «народной памятью» нельзя объяснить упоминание в НПЛ под 1204 г. Одоакра, будто бы вождя южнобалтийских русов [5. С. 428]. Можно предположить, что это имя появилось в летописи из византийских источников, не говоря уже о том, что племя ругиев, вождем которых был Одоакр, не имеет никакого отношения к русам. Фомин пишет, что Сигизмунд Герберштейн будто бы слышал о происхождении варягов с южной Балтики от мекленбургских славян и легенда эта восходит к IX в. [5. С. 432]. Но где доказательства? Между тем, Герберштейн не сообщает источников своей информации о тождестве Вагрии и варягов, а из контекста сообщения можно заключить, что он произвольно, полагаясь лишь на созвучие, отождествил географические объекты – город Вагрию и одноименный залив с Варяжским (Балтийским) морем русских летописей [6. С. 69]. Больше хоть каких-нибудь аргументов в пользу историчности августианской легенды в ее южнобалтийской части не представлено.

К сожалению, при издании книги Л.С. Клейна были допущены некоторые досадные оплошности. В частности, в ряде случаев имеются ошибки в датах, относящихся к XVIII–XX вв., немало опечаток замечено в инициалах, а также в ссылках на литературу. Другой пример подобного рода – исчисление возраста Г.Ф. Миллера на момент смерти 81 годом (с. 257), хотя в начале раздела о Миллере правильно указан год его рождения – 1705 (с. 241), а в конце – год смерти – 1783 (с. 257, правда, случилось это не «в начале года», как пишет автор, а 11 октября, см. [7. С. 442]). Сын Мономаха и Гиды Гаральдовны Мстислав/Гаральд назван внуком князя (с. 226). Но все это относится, как уже было сказано, к категории опечаток, а вот обширный библиографический список составлен скрупулезно и, за редкими исключениями, весьма точно. В целом количество и качество привлеченной автором литературы достойно высокой оценки, а

библиографический раздел книги (куда включены работы на русском, английском, немецком, французском, шведском, латинском и других языках, выходящие с XVIII в.) станет важным подспорьем для историографов и историков.

Л.С. Клейн, как и в других своих работах, часто выходит за рамки строго научного стиля, нередко прибегая к художественным описаниям и ярким эпитетам. Именно эта особенность авторского стиля делает его книги весьма привлекательными не только для историков-профессионалов, но и для широкой аудитории. Учитывая полемическую направленность книги против современных антинорманистов, идеи которых оказываются более популярными, живость авторского языка, доступность и ясность изложения при строгой научности содержания нельзя не приветствовать.

Разумеется, в рецензии отразить все аспекты многоплановой проблематики книги в полном объеме невозможно. Бесспорно, однако, что эта книга займет видное место среди литературы по варяж-

скому вопросу и даст верные ориентиры для того, чтобы разобраться в содержании обострившейся дискуссии.

© 2010 г. С.В. Соколов

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Клейн Л.С., Лебедев Г.С., Назаренко В.А. Норманнские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения // Исторические связи Скандинавии и России IX–XX вв. Л., 1970.
2. Славяне и Русь: Проблемы и идеи. Концепции, рожденные трехвековой полемикой в хрестоматийном изложении. М., 2001.
3. Петрухин В.Я. Три «центра» Руси: Фольклорные истоки и историческая традиция // Художественный язык Средневековья. М., 1982.
4. Петрухин В.Я. Сказание о призвании варягов в средневековой книжности и дипломатии // Древнейшие государства Восточной Европы. 2005 год. М., 2008.
5. Фомин В.В. Варяги и варяжская Русь. Китогама дискуссии по варяжскому вопросу. М., 2005.
6. Герберштейн С. Москва. М., 2007.
7. Советская историческая энциклопедия. М., 1966. Т. 9.

Славяноведение, № 2

Die grossen Lesemenäen des Mitropoliten Makarij. Uspenskij spisok. 1.–8. Mai / Hrsg. E. Weiher, S.O. Šmidt, A.I. Škurko. Unter Mitarbeit von Th. Daiber, V. Halapats, F. Keller, N. Kindermann, N.A. Kobjak, Ch. Koch, L.M. Kostjuchina, E. Maier, T. Mostrova, U. Müller, A.I. Pliguzov, E.I. Serebrjakova, E.V. Šul'gina, Ch. Voss, H. Warkentin, E. Weiher. Freiburg i. Br., 2007. Teil 1: Text. CX S. + 639 S.; Teil 2: kritischer Apparat. *XVIS. + *210 S. (= *Великие Минеи Четьи митрополита Макария. Успенский список* / Изд.: Э. Вайер, А.И. Шкурко, С.О. Шмидт. Текст подготовили: Э. Вайер, Х. Варкентин, В. Галапац, Т. Дайбер, Ф. Келлер, Н. Киндерманн, Н.А. Кобяк, Л. М. Костюхина, К. Кох, Е. Майер, Т. Мострова, У. Мюллер, А.И. Плигузов, Е.И. Серебрякова, К. Фосс, Э.В. Шульгина. 1–8 мая. Часть I: текст; Часть II: критический аппарат

Публикация Великих Миней Четиих (далее: ВМЧ) митрополита Макария в течение десяти лет осуществляется силами международного коллектива под руководством Э. Вайера в серии «Monumenta

Linguae Slavicae» (далее MLS). После издания всех трех томов на месяц март [1] (рецензию см. [2]) коллектив приступил к публикации майских текстов (апрельские тома были изданы Археологической ко-

миссией Императорской Академии наук [3]). Начальный майский том ВМЧ, содержащий чтения на первые восемь дней месяца, вышел в свет в 2007 г. В отличие от предыдущих изданий ВМЧ, опубликованных в MLS, первый майский том имеет пространную справочную часть, представляющую собой отдельный выпуск (том *LI серии MLS). «Указания подобного рода были представлены в издании мартовского комплекта редкими комментариями и передавали только небольшую часть того, что бросалось в глаза при сравнении текстов рукописи с предполагаемыми греческими (или латинскими) оригиналами и славянскими параллельными рукописями. В издании майского комплекта такие комментарии разработаны более подробно в виде критического аппарата, составляющего отдельно сброшюрованное приложение к текстовой части» (XXXVII; здесь и далее при ссылках на рецензируемое издание номера страниц указываются без дополнительных ссылок; в согласии с практикой издателей при цитировании справочного выпуска номер страницы указывается с астериском). Каждый выпуск, текстовый и справочный, имеет независимую пагинацию.

Первая часть майского тома предваряется издательским предисловием (на немецком и русском языках), в котором еще раз оговариваются принципы публикации текста, принятые в предыдущих томах ВМЧ (XXXIII–XXXVII): разделенный на слова текст печатается буква в букву, без графико-орфографических упрощений, строка в строку (с сохранением деления на столбцы), лист в лист. В подстрочных примечаниях помещаются палеографические комментарии, оговариваются исправления и лигатуры. В соответствии с принципами издания ранее опубликованных мартовских томов ВМЧ рецензируемое издание отражает «кодициологическую структуру» Успенского списка, в связи с чем «не заполненные текстом строки, столбцы и страницы были сохранены [...] и обозначены словами “leer” (“пустой”) и “Leerseite” (“пустая страница”) [...] Такая точная передача текста рукописи Успенского списка ведет к более объемному изданию по сравнению с изданием

Императорской Археологической Комиссии [...] Для нас [...] важно не только опубликовать тексты рукописи Усп., но представить последнюю как памятник русской письменности и культуры XVI в., а также облегчить дальнейшее исследование соотношений между Усп., Соф. и Цар. и, прежде всего, способа работы над этим компендиумом митрополита Макария» (XXXVI). Предисловие сопровождается подробным палеографическим описанием Успенского списка ВМЧ (Государственный исторический музей, Син. 994 второй половины XVI в.), который положен в основу издания (XXXIX–LII); описание выполнено Л.М. Костюхиной). В статье опубликованы образцы всех девяти почерков и вязи Успенского списка (LV–LXVII). В подробном исследовании Э.В. Шульгиной «Бумага и бумажные водяные знаки» (LXXIX–LXXXIX) обоснована датировка майского тома Успенского списка ВМЧ 1545–1547 гг. В приложении к статье опубликованы водяные знаки майского тома Успенского списка ВМЧ (XCI–XCVI). Вступительная часть первого выпуска завершается статьей Е.И. Серебряковой «Книжные украшения» (XCVII–CX), иллюстративная часть которой содержит публикации, в том числе цветные, многочисленных заставок, инициалов и концовок майского тома Успенского списка ВМЧ. Статьи Л.М. Костюхиной, Э.В. Шульгиной и Е.И. Серебряковой, написанные по-русски, сопровождаются пространными резюме на немецком языке, подготовленными Е. Майер. Благодаря вступительным статьям рецензируемое издание получило надежную кодико-логическую и палеографическую базу.

Содержание рецензируемого тома ВМЧ примечательно по многим причинам. Пожалуй, наибольший интерес для палеославистики представляет публикация слов Афанасия Александрийского на ариан, «из которых второе и третье публикуются впервые» (XXXVI; ср. [4]). Эти переводы относятся к одному из древнейших пластов древнеболгарской письменности. Так как в мае празднуется память прор. Иеремии, первый майский том ВМЧ содержит также фрагменты библейских книг, связанные с соответ-

Parallele: USbor» (*4). Между тем, судя по новейшему справочнику Климентины Ивановой [7], греческий текст апокрифа известен, его агиографический индекс – ВНГ 777 (см. также [8. № 225]). В ВМЧ содержится «пространна първична версия по Turdeanu 1977: 348–363, 442. Издаден няколкократно; вж. Попов 1872: 406–413 по Хлуд195» [7. С. 525]. Кроме того, ни в рецензируемом издании, ни в справочнике К. Ивановой не указан еще один опубликованный источник греческого оригинала славянского перевода «Повести», сведения о котором имеются в «Справочном томе» к Словарю русского языка XI–XVII вв., являющемся, в частности, одной из наиболее объемных библиографий древне- и старорусских письменных памятников с указанием их иноязычных оригиналов – «Paraleipomena Jeremioi / Ed. Robert A. Kraft, Ann-Elizabeth Purintum (Texts and Translations 1. Pseudoepigrapha series). Missoula (Mont.), 1972. P. 12–48» (см. [9. С. 378]).

Житие Афанасия Александрийского (157–160) также опубликовано в первом майском томе ВМЧ без указания на греческий оригинал, сведения о котором, однако, сообщаются в «Справочном томе» Словаря русского языка XI–XVII вв., в той рубрике, где речь идет о византийских источниках Успенского сборника [5]: «греч. частично соотносится с PG, 87 (3), 3084–3085 (л. 561–662)» [9. С. 378]. Кроме того, в этом Житии, содержащемся и в Успенском сборнике [5. С. 38–42], ясно выделяется первая часть, вероятно, изначально композиционно независимая от остального текста. Ее зачало: «Роуѣфинѣ, иже црковное писаніе писѣ. подобно что по прѣвѣтымъ временѣ. отрокѣ играющемъ... » (157), концовка: «...прилѣжити бо истинѣ. не можетъ ни вѣрацѣ» (158; см. также Успенский сборник [5. С. 38–39]). Этот текст, рассказывающий, в частности, и о том, как дети во время игры крестили оглашенных, представлен в качестве композиционно завершенного целого в Синайском патерике (XI в.) как слово № 278 [10. С. 328–332] (что также можно было бы сообщить в справочном томе ВМЧ). В свою очередь, это слово № 278 было включено в состав

Жития Афанасия Александрийского в версии Успенского сборника и ВМЧ как первая (вступительная?) часть. Точный греческий оригинал славянского перевода Синайского патерика опубликован болгарским исследователем Е.Д. Зашевым в виде факсимильного издания византийской рукописи XII в. [11]. Сопоставление издания Е.Д. Зашева со славянскими источниками показывает, что слово № 278 Синайского патерика [10. С. 328–332] и первая часть Жития Афанасия Александрийского в версии Успенского сборника [5. С. 38–39] и майского тома ВМЧ (157–158) имеет точное греческое соответствие [11. С. 329–332], не указанное в ВНГ. Это позволяет заполнить еще одну лауну в справочной части первой части майского тома ВМЧ, описывающей греческие оригиналы славянских переводов.

Как следует из приведенных выше примеров, универсальность критического издания ВМЧ в дальнейшем должна быть усилена не только за счет систематического указания агиографического индекса ВНГ, но и путем обращения к славистическим справочным изданиям. К ним относится, прежде всего, фундаментальный указатель Кл. Ивановой, который увидел свет в 2008 г. [7]. Сведения, содержащиеся в справочнике Кл. Ивановой, могут быть дополнены благодаря каталогу О.В. Творогова, преследующего аналогичные цели и выполненного на восточнославянском материале [12]. Универсализация справочного и критического аппарата майских томов ВМЧ за счет систематических отсылок к агиографическим индексам ВНГ [5], работам Кл. Ивановой [7] и О.В. Творогова [12] будет способствовать более продуктивному историко-филологическому изучению ВМЧ и, еще раз отметим это, обоснованному включению памятника «русской письменности и культуры XVI в.» (XXXVI) в широкий контекст культуры и письменности общехристианской. Не случайно в серии MLS за последние годы были опубликованы два сборника под редакцией Э. Вайера, посвященные изучению ВМЧ именно в таком аспекте [13] (см. также [14]). Наконец, сведения о греческих оригиналах славянских переводов могут содержаться и в

«Справочном томе» к Словарю русского языка XI–XVII вв. [9]. В свою очередь, работа германских ученых по установлению греческих источников славянских переводов, представленных в ВМЧ, имеет большое значение и для Словаря, в котором регулярно учитываются новейшие научные издания восточнославянских текстов и сведения об их иноязычных источниках.

При дальнейшей публикации ВМЧ необходимо активнее использовать опыт, накопленный российскими исследователями в работе и с оригинальными славянскими письменными памятниками, что позволит сделать справочную часть последующих томов ВМЧ информационно еще более насыщенной. Это можно показать на следующем примере. Первого мая (по старому стилю) в Русской Православной церкви празднуется память прп. Пафнутия Боровского. Его житие и чудеса, написанные учеником прп. Пафнутия Вассианом (Саниным), архиепископом Ростовским, опубликованы в рецензируемом издании по Успенскому списку (121–138) ВМЧ с разночтениями (*54–56). Сведений об истории и публикации текста в справочной части майского тома ВМЧ нет, хотя Житие прп. Пафнутия было издано [15] (см. [9. С. 298]). Хотя информация, имеющаяся в Справочном томе Словаря русского языка XI–XVII вв., не нашла отражения в справочной части майского тома ВМЧ, необходимо отметить, что рецензируемое издание предоставляет исследователям критическую публикацию Жития на основе более раннего списка (не позднее 1547 г., согласно Э.В. Шульгиной), чем тот, который указан в Справочном томе и который, в частности, используется в Словаре русского языка XI–XVII вв. В свою очередь, сведения о более раннем издании Жития прп. Пафнутия могли бы найти место в справочной части майского тома ВМЧ.

Лингвистическая значимость рецензируемого издания определяется в первую очередь лексическими особенностями представленных в нем текстов. Так, в Словах Афанасия Александрийского на ариан отмечены следующие лексемы, отсутствующие в исторических словарях славянских языков: *арионеистовный* (азъ ꙗко ꙗрионеистовный

въдѣ. когда придѣ. аще ꙗрионеистовный мене не уаю 276, ἀρειομανταί *118; неистовуются арианеистовный и 240, «lies арио-, οἱ Ἀρειομανταί» *106); *быш-ный* (все бышное сътворено ѣ 224, γενητόν *77; в Словаре русского языка XI–XVII вв. [16. Вып. 11. С. 26] описаны слова *небышное* (субстантивированное прилагательное), *небышный*, представленные примерами только из Слова на ариан по изданию А. Вайана [3]); *естование* (не науаѣт ѣстованіа его ни ество его здано авлаетъ [прор. Моисей в Св. Писании] 229; сплесканіе не науаѣт ѣстованіа 229); *злюмение* (и въты юншаеѣт злоумѣнїи 277, ἐν ταῖς κακονοίαις *119); *испервены* (съ двбрѣ оумѣ первѣе здаль ѣ и пвслѣдѣ еже. рвдиль ѣ реуе. да не... забоудѣ. испрѣвенон рѣ свои 233); *юношати* (и въты юншаеѣт злоумѣнїи 277, νεανειότης, вар. -εσθῆ *119). Интересно отметить фило-софский термин *сутьство*, перевод греческого φύσις ‘природа, естество’ (еже въ глаеть. ꙗко сътвори авлаѣт уакоє соѣство 232, τὸ κατὰ φύσιν *103; уакоꙗ во не своєю властію. но ноужєю соѣства. и не хотѣ оумираетъ 281; пвдобаше во тлѣннѣ соѣци плоти. оуже не встѣати ен пв своємоу соѣствѣ смѣртнѣ но... безъ стла [«lies безъ т-, ἄφθαρτον» *121] пребывати 281; пв соѣтѣствѣ вашєа волѣ. или вашѣ/ соѣства. и ѣства соѣтъ пвдо/вна уада 287, ὑμῶν φύσεως καὶ οὐσίας *124). Термин *сутьство* встречается только в Словах на ариан Афанасия Александрийского, насколько можно судить по данным славянских исторических словарей, картотекам Словаря русского языка XI–XVII вв. [16] и Словаря древнерусского языка XI–XIV вв. [17] (обе хранятся в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН), а также по Сводному словнику Словаря русского языка XI–XVII вв. [18].

В Житии Афанасия Александрийского отмечен отсутствующий в словарях глагол *съзлообразовати*, который будет представлен в готовящемся очередном, 29-м, томе Словаря русского языка XI–XVII вв.: *арианом же съзлообразоуци* 158; эта конструкция – дательный самостоятельный передана грамматически корректно в

Успенском сборнике: *злообразуюциемъ* [5. С. 40]; в справочной части рецензируемого издания различение прокомментировано неполно: «-циемъ USbor» (*65). По поводу еще одного примера из Жития Афанасия Александрийского нельзя уверенно сказать, имеем ли мы дело с одной или двумя лексемами, так как при отсутствии греческой параллели словоделение не является очевидным: (Пръвъѣи съвѣръ бы в никен. съшешемса тремъ стомъ. и весми на десате стъхъ ѡцъ ... на ариа пръзвѣтера. ... хѡлаѣѣ бѣ. слово тварь есть. и) етеросоущество (бѣа ѡцъ ... славацоу) (158). Выбор издателей Успенского сборника был иным – етеро соуцьство [4. С. 39]. Это различие не прокомментировано в справочной части рецензируемого издания, что необходимо было сделать, тем более, что лексема *етеросоущество* (*етеросоуцьство*) отсутствует в славянских исторических словарях. Основанием для правильного слитного написания, представленного в рецензируемом издании, являются редкие существительные *ἐτεροουσιότητος* и *ἐτεροουσία*, а также прилагательные *ἐτεροουσιος* и *ἀλλοουσιος* ‘обладающий иной сущностью (о второй ипостаси Св. Троицы)’ [19. Р. 77; 20], использованные впервые христианами авторами и именно в антиарианских контекстах.

Редкие слова отмечены и в Житии прп. Марка Афинского. Это, в частности, отсутствующее в словарях *въмьзнути* ‘угаснуть’ (*спаситгаса ѡни мон иже не въгнѣста в ноцнѣ бдѣннѣхъ* 153, οὐς ἐμάραναι αἱ νυκτεριναὶ ἀγρυπνίαι *61) и инновационная форма *пловква* (149). Слово *пловква* отражает аналогическое (по типу *а-основы) изменение исконного *пловскы*, -кѣве с основой на *-ѣ, засвидетельствованного в словарях единственным примером [16. Вып. 15. С. 100] (та же цитата в более полной форме с точной ссылкой на источник: «придохъ к немѹ. хотѣа кѹпити пловсков. то во дѣлаше старецъ. (φλασκίον) ПНЧ к. XIV, 145г.»; см. [17. Т. VI. С. 432]): *Тогда прѣахъ в" пловкѣвѣ тыквинѣ вода* (Житие прп. Марка Афинского, 149). Единственной фиксацией представлен в Словаре русского языка XI–XVII вв. глагол *распотитися*

[16. Вып. 22. С. 31], в Житии прп. Марка Афинского содержится еще один пример его употребления: «и *авѣе гадѣ мало распотнхса такоже в водѣ кѹпѣса*» (150).

Учитывая очевидную лингвистическую значимость ВМЧ, необходимо отметить, что рецензируемое издание отличается аккуратной и точной передачей славянского текста. Возможно, что дальнейшая работа с томом позволит выявить какие-либо серьезные просчеты или ошибки, пока же мне удалось заметить единственную явную ошибку, а скорее опечатку, в словоделении славянского текста: *ѡ вѣка бѣгоугодивъшнми* (вместо *бѣгѣ оугодивъшнми*) (4). Высокий уровень издания и частный характер сделанных замечаний заставляют признать, что авторский коллектив успешно справился со сложными эдиционными и исследовательскими задачами, предоставив читателям содержательный, текстологически и лингвистически достоверный материал по истории языка и письменности славянского средневековья. В завершение остается пожелать издателям дальнейшей успешной работы, а читателям – скорейшего выхода очередных томов.

© 2010 г. Р.Н. Кривко

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Die Grossen Lesemenäen des Mitropoliten Makarij. Uspenskij spisok / Hrsg. von E. Weiher, S.O. Šmidt, A.I. Škurko; 1.–11. März. Freiburg i. Br., 1997; 12.–25. März. Freiburg i. Br., 1998; 26.–31. März. Freiburg i. Br., 2001 (= MLS, tt. XXXIX, XLI, XLV).
2. Йовчева М. Труд, достойный своего оригинала // *Palaeobulgarica* = Старобългаристика. 2007. Год. XXXI. № 1. С. 77–86.
3. Великие Миние Четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Апрель. М., 1910. Тетр. 1. Дни 1–8; М., 1912. Тетр. 2. Дни 8–21; М., 1915. Тетр. 3. Дни 22–30.
4. *Vailant A.* Discours contre les Ariens de Saint Athanase. Sofia, 1954; *Лалева Т.* Така наречено четвърто слово на Атанасий Александрийски срещу арианите в превод на Константин Преславски // Старобългарска литература. 1990. Кн. 22.
5. Успенский сборник XII–XIII вв. / Изд. С. И. Котков. М., 1971.
6. *Bibliotheca hagiographica graeca* / Ed. F. Halkin. Bruxelles, 1957. Т. I–III.

7. *Иванова Кл.* Bibliotheca hagiographica Balcano-Slavica. София, 2008.
8. *Clavis Aprocryphorum Veteris Testamenti / Ed. J.-C. Haelewyvik.* Turnhout, 1992.
9. *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Справочный выпуск. М., 2001.
10. *Синайский патерик / Изд. В.С. Голышенко, В.Ф. Дубровина.* М., 1967.
11. ΛΕΙΜΩΝ ΠΝΕΥΜΑΤΙΚΟΣ. Pratum Spiritualis. Фототипно издание (cod. Florentinus Mediceus Laurentianus, Plut. X, 3) / Изд. Е.Д. Зашев. София, 2005.
12. *Творогов О.В.* Переводные жития в русской книжности XI–XV веков: Каталог. СПб., 2008.
13. *Abhandlungen zu den Grossen Lesemenäen des Mitropolitens Makarij.* Kodikologische, miszellenologische und testologische Untersuchungen. Bd. 1 / Hrsg. von Ch. Voss, H. Warckentin, E. Weiher. Freiburg i. Br., 2000; Bd. 2 / Hrsg. von E. Maier, E. Weyher. Freiburg i. Br., 2006 (= MLS, tt. XLIV, XLIX).
14. *Zanetti U.* Les «Grands Ménées» de Macaire de Moscou. Inventaire et sources grecques (1–11 mars) // *Analecta Bollandiana.* 1998. Vol. 116.
15. *Кадлубовский А.П.* Житие преп. Пафнутия Боровского, писанное Вассианом Саниным // Сб. Ист.-филол. об-ва при Ин-те кн. Безбородко в Нежине, 1899. Т. II.
16. *Словарь русского языка XI–XVII вв.* М., 1975–2088–. Вып. 1–28–.
17. *Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.* М., 1985–2008–. Т. I–VIII–.
18. *Осокина Е.А.* Электронный сводный словарь древнерусских памятников // URRL: <http://eslovník.ru/slovník/web/login.jsp>.
19. *Lampe G.W.H.* A Patristic Greek Lexicon. Oxford, 1982.
20. *Thesaurus Linguae Graecae* // URRL: <http://www.tlg.uci.edu>.

Славяноведение, № 2

В.Е. ТУМАНИН «“Historia – moje życie”»: Научное наследие Ежи Топольского». Казань, 2008. 240 с.

В настоящее время все более возрастает внимание российских историков к исследованиям по зарубежной историографии и методологии истории. Это обусловлено как критическим переосмыслением прежних идеологических и методологических принципов изучения исторических процессов, так и общей тенденцией интернационализации науки. Поэтому понятен интерес исследователей к трудам известного польского историка, историографа и специалиста в области методологии истории, до недавнего времени одного из признанных авторитетов польской исторической науки – Ежи Топольского (1928–1998), оказавшего заметное влияние на развитие исторической мысли в Польше в 1960–1980-е годы. В ряде работ как зарубежных, так и отечественных историков рассматривались отдельные положения его концепций, однако монография В.Е. Туманина является первым комплексным исследованием научного

наследия Е. Топольского и, несомненно, удачным опытом автора. В связи с этим уместно будет указать, что рецензируемая книга – первый значительный опубликованный труд молодого ученого. Думается, что перед автором стояла нелегкая задача, ибо выносимые на суд читателя суждения не имели в своем основании собственной многолетней исследовательской работы и зрелости умозаключений, которая приходит только с годами.

Однако Туманин успешно справился с поставленной задачей всестороннего анализа научного наследия Топольского. В целом удачной и обоснованной кажется структура работы, поскольку ученый предстает перед нами в трех ипостасях: как исследователь, историограф и теоретик исторической науки. Монография написана на базе широкого круга источников. В ней изучены многочисленные опубликованные работы Топольского, а также его неизданные труды. Для сбора

недостающего материала автор предпринял поездку в Польшу, где встречался с коллегами и учениками польского ученого. Изучение обширной исследовательской литературы позволило Туманину успешно ориентироваться в поставленных Топольским проблемах и проанализировать его труды в сопоставлении с тем вкладом в науку, который был внесен его предшественниками и современниками.

Анализ творческого пути Топольского автор начинает с характеристики теоретико-методологических концепций, которыми руководствовался в своих исследованиях польский ученый. В начале научной деятельности историк-медиевист Топольский обратился к историческому материализму, развивал и творчески интерпретировал положения марксизма применительно к исторической науке. Однако он не считал материализм единственно возможной концепцией объяснения исторических процессов и впоследствии, как подчеркивает Туманин, уделил немало внимания изучению западноевропейских моделей философии истории.

По мнению автора, для теории исторической науки существенное значение имели классификация Топольским источников на адресованные и не адресованные получателю информации, разработка им теории «внеисточникового знания», а также трактовка проблемы истины в историческом исследовании, введение понятия об историческом нарративе (целостном историческом документе).

Говоря о вкладе польского ученого в конкретно-исторические исследования, Туманин указал на его работы в области социально-экономической истории Польши и Европы Нового времени, в частности на труды о землевладении гнезненского архиепископства в XVI–XVIII вв. и о роли Гнезна в польской внутренней и международной торговле.

Топольский проявил большой интерес к проблеме генезиса капитализма в Европе, причем, как отмечал Туманин, польский исследователь полагал, что развитию капитализма способствовала экономическая активность дворянства, с особой силой проявившаяся в XVI в. Эта активность, согласно воззрениям

Топольского, существенно повлияла на «экономическую дифференциацию Европы» и на формирование в Речи Посполитой фольварочно-барщинной системы, которая в начале значительно повысила продуктивность помещичьего хозяйства, однако впоследствии привела страну к экономическому упадку.

В работах, посвященных политической истории Польши раннего Нового времени, Топольский предложил ее новую периодизацию, отказавшись от рубежей, определенных классической польской историографией. Характеризуя содержание отдельных этапов, он взял за основу сочетание трех составляющих развития – в экономике, политике и культуре, что позволило ему говорить о «золотом веке» (1501–1618), о периоде экономического и политического упадка (1618–1733) и о времени подъема в культурной и экономической сферах (1733–1795), стимулировавшего многие реформаторские начинания.

Говоря о наследии польского ученого как историографа, Туманин уделил главное внимание работам Топольского по польской историографии XX в., в развитии которой ученый отводил ведущую роль периоду после Второй мировой войны. Автор обращает внимание читателя на особый интерес, проявленный Топольским к изучению научного наследия своего учителя Я. Рутковского – видного польского историка первой половины XX в. В частности, влияние взглядов Рутковского проявилось в концепциях Топольского о причинах дисбаланса в экономическом развитии европейских стран к началу XVII в., о складывании фольварочно-барщинной системы в государствах к востоку от Эльбы и в вопросе о распределении общественного дохода в Польше в Новое время. Сюжет о взаимоотношениях с учителем в известной мере проливает свет и на некоторые личные черты Топольского, не порывавшего ни научных, ни человеческих связей с традициями предшествовавшего периода и их носителями в науке.

При несомненных достоинствах работы следует отметить некоторые недостатки. На мой взгляд, В.Е. Туманин не всегда достаточно критически подходит к анализу научных концепций Е. Топольского.

Излагая взгляды польского историка, автор дает свои комментарии, но зачастую они как бы служат доказательством тех или иных суждений самого Топольского или являются их иллюстрацией. Однако некоторые положения в рассматриваемых Туманиным концепциях Топольского, несомненно, требуют большего уточнения. Так, по словам автора, в отличие от подавляющей части историков для Топольского историческим источником является не только письменный документ, но «все, что может помочь воссозданию образа прошлого» (с. 54). Между тем, такое понимание источника в целом характерно для исследователей, занимающихся изучением социально-экономической истории и истории материальной культуры. Давая

высокую оценку творчества Топольского, Туманин приводит высказывания его учеников и единомышленников, обходя молчанием мнения многочисленных оппонентов.

Отмеченные недостатки не дают основания усомниться в высоком научном уровне монографии В.Е. Туманина и в обоснованности его главного вывода о важности изучения научного наследия Топольского, поскольку концепции польского ученого до сих пор сохраняют свою актуальность и способствуют лучшему пониманию исторических, историографических и историко-методологических проблем, стоящих перед современной наукой.

© 2010 г. О.С. Каушанова

Славяноведение, № 2

Kyrillische paraliturgische Lieder: Edition des handschriftlichen Liedguts im ehemaligen Bistum von Mukačevo im 18. und 19. Jahrhundert / Herausgegeben von Peter Žeňuch. Köln; Weimar; Wien, 2006. 984 S.

Кириллические паралитургические песнопения: Создание рукописных песенников в бывлом Мукачевском епископстве в XVIII и XIX веках / Сост. Петер Женюх

Эта книга, подготовленная известным словацким славистом, директором Института славистики Словацкой академии наук Петером Женюхом – плод его многолетнего труда по собиранию паралитургических текстов с пограничья *Slavia Romana* и *Slavia Byzantina*. Она напечатана в знаменитой славистической издательской серии «Bausteine zur Slavischen Philologie und Kulturgeschichte» (Reihe B: Editionen. Bd. 23), выпускаемой германским издательством «Böhlau Verlag». В значительной степени выход книги в свет стал возможен благодаря всесторонней помощи немецких славистов во главе с Хансом Роте, которые уже давно изучают раннее поэтическое творчество восточных славян, в том числе и сугубо репертуарную его часть XVII–XVIII вв. (см., например, [1]). Как подчеркивает сам П. Женюх, зна-

чительным подспорьем в его работе стало ценнейшее боннское собрание всевозможных копий многих из изученных им текстов (S. 9), с которым он смог детально ознакомиться во время полугодового пребывания в Германии в 2003–2005 гг. в качестве стипендиата Фонда Александра фон Гумбольдта (Фонд явился также спонсором данной публикации). В итоге исследовательскими усилиями П. Женюха было подготовлено настоящее объемное издание, явившееся продолжением вышедшего тремя годами ранее первого тома «*Monumenta Byzantino-Slavica et Latina Slovaciae*» [2] – обширного проекта, к реализации которого приступили Папский Восточный институт в Риме, Институт славистики Словацкой академии наук и Центр религий Восток–Запад Михала Лацка в Кошице.

Рассматриваемая книга состоит из трех основных частей – обширного введения, разделенного на ряд глав, библиографии и собственно «Каталога кириллических паралитургических песнопений и их вариантов». Сразу же обращает на себя внимание то, что составитель ставит своей основной целью с максимальной полнотой отобразить содержание известных ему на сегодняшний день кириллографических рукописных песенников, созданных на крайнем западном пограничье Восточной Славии, а также дополнить эту ценнейшую для гуманитариев различных специальностей базу данных многими текстовыми вариантами и параллелями, взятыми из аналогичных рукописей, происходящих в основном с сопредельных территорий. Уместен вопрос о точности географической атрибуции более 20 песенников, послуживших основой для «Каталога». Думается, в большинстве она не подлежит сомнению, за исключением нескольких случаев, например, знаменитого «Камянского Богогласника», принадлежавшего Ивану Франко (см. [3]). П. Женюх считает, что «Камянский Богогласник» создан в словацком регионе Спиш, точнее, в селе Каменка (S. 68–70), в то время как И. Франко определенно указывал, что рукопись эта получена им «із с. Кам'яної в Грибівськiм повіті» [4. С. 223], что на Лемковщине, в нынешнем Малопольском воеводстве Польши, неподалеку от г. Новы Сонч.

Паралитургическое народное творчество – огромная и пока малоизученная область народной культуры, с которой соприкасались и по сей день соприкасаются многие миллионы людей в разных странах мира. Восточная, Западная и Южная Славия наполнены паралитургическими народными сочинениями, паралитургической народной книжностью. В ходе многовекового исторического взаимодействия восточные, западные и южные славяне активно заимствовали из культурного арсенала каждого из славянских народов, а также наследия своих западных соседей. Этот процесс сказался и на паралитургическом народном творчестве восточных славян. Он особенно заметен в мультиэтническом регионе, который

П. Женюх избрал главной территорией для своего исследования – в границах бывшего Мукачевского епископства, кстати, весьма динамично менявшихся, причем особенно активно именно в XVIII и XIX вв. Все это в той или иной степени коррелировалось с этно-социальными и религиозными ориентациями местного населения, попытки разграничить которое стали особенно активными в начале XX в. (см., например, [5]). Выдающийся украинский этнограф В. Гнатюк даже считал, что в зоне наиболее тесных межэтнических контактов восточных и западных славян постепенно образовался своеобразный смешанный тип населения [6. С. 9–10]. Подобные особенности нашли свое отражение и в языке многих письменных памятников, созданных на территории бывшего Мукачевского епископства, в том числе кириллических паралитургических песенников, на что специально обращает внимание в рассматриваемом труде П. Женюх, планирующий в перспективе значительно расширить и углубить свою исследовательскую задачу в изучении религиозно-культурных традиций данного региона, представляя Словакию как своего рода «мост между Востоком и Западом» (S. 86). В сфере паралитургии подобное культурное посредничество словаков особенно очевидно, что хорошо заметно на примере первого словацкого католического песенника «Cantus Catholici» 1655 г. (подробнее см. [7]) и некоторых других источников [8. С. 28–33]. В главах «Культурно-исторические условия начала создания кириллических рукописных песенников» и «Лингво-историческая ситуация и возникновение кириллического рукописания» П. Женюх специально останавливается на этих вопросах.

Проблема принадлежности приводимых в «Каталоге» паралитургических текстов конкретной славянской культуре пронизывает весь труд П. Женюха, а обстоятельный ответ о собственно словацкой составляющей этого обширного наследия он дает уже позднее, например, в докладе «Výskum tradície cyrilskej paraliturgickej piesňovej tvorby 18. a 19. storočia v priestore bývalej Mukáčevskej eparchie» на Международной электронной конференции

«Книжная культура пограничья Славии Восточной и Западной» (ноябрь 2007) [9] и в только что опубликованной статье под весьма характерным заглавием «Patria cyrilské paraliturgické piesne do kontextu slovenskej kultury?» [10. S. 97–107].

Высоко оценивая публикацию П. Женьюха, которому одному из первых в мировой науке удалось создать и обнародовать обширную целостную базу данных паралитургических кириллографических текстов, представленных в рукописных песенниках, созданных на крайнем пограничье Восточной и Западной Славии, хотелось бы высказать несколько пожеланий и замечаний. Они касаются прежде всего весьма важных моментов, связанных с палеографическими особенностями рукописей, использованных автором в работе. Стоит ли говорить, что каждая из них уникальна и потому содержит много новой, в том числе чисто графической информации, позволяющей сделать целый ряд существенных выводов, прежде всего касающихся сложнейшего процесса межкультурной коммуникации славян, принадлежащих к миру традиции как *Slavia Orthodoxa*, так и *Slavia Romana* или же воплощающих оба их вместе. Последнее особенно заметно на множестве сохранившихся документальных примеров XVIII–XIX вв., имеющих отношение именно к бывшему Мукачевскому епископству, Мукачевской епархии. К сожалению, в рассматриваемой книге П. Женьюха этим вопросам уделено минимум внимания и в ней даже не воспроизведено хотя бы единичных образцов письма исследованных рукописей. Представляется также необходимым специальное рассмотрение необычайно важного вопроса о роли русского литературного языка в культурной и религиозной жизни населения бывшего Мукачевского епископства. Наши собственные наблюдения позволяют говорить, что на его территории влияние русского литературного языка стало заметно ощущаться довольно рано. Со второй половины XIX в. на нем все чаще делаются даже надмогильные надписи, а сейчас русскоязычные паралитургические песнопения вошли в состав современных карпатских рукописных паралитурги-

ческих сборников-песенников, широко бытующих в городах и всях всего словацко-польско-украинского межграницья. Их продолжают переписывать как грекокатолическое (в меньшей степени), так и православное население – прямые потомки тех, кто два и три столетия назад создавал здесь аналогичные сборники, кто, по мнению епископа Андрея Бачинского (1732–1809), управлявшего Мукачевской епархией в период ее «золотого века», обеспечивал «содержание крепчайшее союза Рода и Народа нашего» (цит. по фотокопии оригинала рукописного послания Андрея Бачинского [11. P. 54]).

© 2010 г. Ю.А. Лабынцев,
Л.Л. Щавинская

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Verse und Lieder bei den Ostslaven 1650–1720: Incipitarius. I. Anonyme Texte / Zusammengestellt von Franz Schäfer und Joachim Bruss. Herausgegeben von Hans Rothe. Köln; Wien, 1984.
2. *Žeňuch P., Cyril Vasil' SJ*. Cyrillic Manuscripts from East Slovakia Slovak Greck Catholics: Defining Factors and Historical Milieu. Roma; Bratislava; Košice, 2003.
3. Інститут літератури ім. Т.Г. Шевченка НАН України. Відділ рукописів. Ф. 3. Од. зб. 4784.
4. *Франко І.* Карпаторуська література XVII–XVIII віків / *Франко І.* Збір. тв. у 50-ти томах. Київ, 1981. Т. 32.
5. *Húsek J.* Národopisná hranice mezi slováky a karpatorusy. Bratislava, 1925.
6. *Гнатюк В.* Русини Пряшівської епархії і їх говори // Записки наукового тов. ім. Шевченка. Львів, 1900. Т. XXXV–XXXVI.
7. Cantus Catholici und des Kirchenlied des 17. Jahrhunderts in Mitteleuropa. Bratislava, 2002.
8. *Зосим О.* К проблеме связи украинского и словацкого духовного песенного творчества XVII–XVIII вв. // Київське музикознавство. Київ, 1998. Вип. 1.
9. www.knizhkult.narod.ru/Zenuch.htm
10. *Slavia Slovaca*. 2008. Roč. 43. Čís. 2.
11. A munkácsi görögkatolikus püspökség lelkészszégeinek 1806. évi összeírása. Nyíregyháza, 1990.

Появление научного сборника «Нация – церковь – государство», без сомнения, является заметным событием в области изучения взаимосвязей этнонациональных и конфессиональных процессов в Центральной Европе. В основу тома легли материалы одноименной конференции, состоявшейся 14–15 ноября 2005 г. в словацком местечке Часта-Папиерничка. В этой представительной встрече приняли участие историки и теологи не только из Словакии, но также из соседних Чехии и Австрии. В качестве составителя выступила известный братиславский историк, сотрудница Института истории САН Татьяна Ивантышынова.

Сборник открывает вступительная статья Т. Ивантышыновой «Национальная и конфессиональная идентичность в современную эпоху», где в краткой форме на примере традиционного католическо-протестантского соперничества в словацкой среде обосновывается актуальность поднятых в сборнике вопросов. Основными целями публикации, по словам составителя, является привлечение внимания научной общественности к теоретическим проблемам изучения истории церкви и освещение целостной картины соотношения национальной и конфессиональной идентичностей на примере Словакии.

Следует подчеркнуть, что хотя Т. Ивантышынова неоднократно именует книгу коллективной монографией, ее структура (степень взаимосвязанности статей, форма оглавления) гораздо более точно отвечает представлениям именно о научном сборнике. Основные статьи тома разделены на четыре разновеликих раздела, созданных по тематическому и хронологическому принципам: теологические аспекты модернизации; церковь и нация в многонациональной Габсбургской монархии; церковь в государствах-преемниках Австро-Венгрии; тоталитарная власть и церкви после 1945 г.

В предварающем основные темы богословском разделе помещены статьи

М. Миколашика («Архиепископское управление по обучению и воспитанию», Вена) и М. Коцура («Двуязычная гимназия им. К.С. Льюиса», Братислава). Если первый автор постарался обзорно осветить философско-теологический взгляд на секуляризационный процесс, то второй представил экуменическое эссе «О религиозной и национальной идентичностях с библейско-исторической точки зрения».

Раздел, посвященный церковно-национальным взаимоотношениям в монархии Габсбургов, открывает статья Д. Шкварны (Ун-т им. Матая Бела, Банска-Бистрица) «Два мира в одной церкви: к вопросу протестантской унии». Внимание ученого привлекла идея создания церковной унии между лютеранами и кальвинистами, получившая популярность в начале 40-х годов XIX в. Д. Шкварна анализирует как собственно конфессиональные, так и отчетливо проступающие этнонациональные аргументы сторонников и противников унии, осуществление которой еще более бы укрепило мадьяризаторский лагерь, ослабив роль словаков в церковной жизни.

В материале Т. Ивантышыновой рассмотрен жизненный путь словацкого теолога, поэта и публициста Йозефа Подградского (1823–1915). Религиозные взгляды этого деятеля эволюционировали от лютеранства к православию, что, впрочем, не нашло отклика у современников.

Текст И. Гануша (Масариковский ун-т, Брно) посвящен выбору религиозной идентичности во второй половине XIX в. Свои наблюдения он построил преимущественно на западноевропейском материале, тем самым несколько отойдя от магистральной тематики сборника. Известный словацкий историк Р. Голец (Ун-т им. Я. Коменского, Братислава) представил на суд читателя обширную статью «Словацкие католики между нацией и государством в 1848–1918 гг.», наглядно освещающую неоднозначность процессов в словацком католицизме в этот период. В тексте Д. Кодаевой (Ин-т истории САН,

Братислава) рассмотрена судьба видного словацкого национального деятеля, евангелического пастора Юра Яношки (1856–1930), позитивный след которого заметен во всех сферах его жизнедеятельности.

Третий раздел сборника открывается статьей М. Трапла (Ун-т им. Ф. Палацко-го, Оломоуц), посвященной культурной политике в государствах, возникших после 1918 г., особенно в Чешских землях. К статье М. Трапла примыкает пространный текст его коллеги Ф.Х. Галаса «Секуляризация в первой Чехословацкой Республике и Святой престол», который посвящен непростым отношением между молодым государством и Ватиканом до заключения между ними в 1928 г. *modus vivendi*.

М. Михела (Ин-т истории САН, Братислава) посвятил свою статью Свято-Стефановской традиции в Словакии в течение межвоенного периода, придя к выводу, что культ первого венгерского короля св. Стефана (Иштвана), характер которого постепенно трансформировался из церковного в подчеркнuto венгерский национальный, максимально осложнил его бытование в условиях Чехословакии. В статье М. Соколовой (Ин-т политических наук САН, Братислава) раскрывается позиция евангелической церкви аугсбургского исповедания в Словакии по вопросу распространения в словацких землях после 1918 г. общин чешскобратской евангелической церкви. Молодой историк И. Сваткова (Ун-т им. Я. Коменского, Братислава) дополнила сборник кратким очерком истории реформатской церкви на территории в Словакии в 1918–1938 гг. Бывший преподаватель Университета им. Я. Коменского Ш. Швагровский проследил в своей статье историю проникновения православия в Богемию и Моравию и роль в этом епископа Горазда (Матея Павлика, 1879–1942). В тексте М. Голака (Ин-т политических наук САН, Братислава) представлена попытка оценки словацкого политического католицизма в первой Чехословацкой Республике.

Четвертый, заключительный раздел сборника примечателен сразу несколькими ценными темами. В частности, Я. Пешек (Ин-т истории САН, Братислава) в своей

статье уделил внимание послевоенным словацко-венгерским спорам в кальвинистской среде на территории Словакии. Авторитетный исследователь довел повествование до 1992 г., когда реформатская церковь пополнила свою структуру двумя чисто словацкими сеньоратами (при наличии семи сеньоратов с преимущественно венгерской паствой). Коллега по Институту истории и частый соавтор Я. Пешака М. Барновский (к сожалению, скончавшийся через несколько месяцев после выхода рецензируемого сборника) представил обобщающую статью «Греко-католическая церковь и словацко-русинские/украинские отношения в XX столетии». Как и в предыдущих своих публикациях, М. Барновский наглядно проиллюстрировал соперничество русинов и словаков в Пряшевской и частично Мукачевской униатских епархиях, сопровождавшееся в течение окончившегося века полной сменой ролей обоих этносов в церковной жизни. Если еще в межвоенный период греко-католические верхи подчеркивали русинский характер своей конфессии, к концу XX ст. греко-католическая церковь в Словакии стала преимущественно словацкой по этническому составу верующих. В статье Н. Кметя (Ин-т политических наук САН, Братислава) проанализированы непростые взаимоотношения, складывавшиеся между католической церковью и чехословацким государством в период социализма. Статья «Религия как интеграционный и дезинтеграционный фактор в локальном сельском обществе» этнолог З. Бенюшкова (Ин-т этнологии САН, Братислава) органично дополнила доминирующие исторические сюжеты взглядом на предмет своей научной дисциплины.

Сборник снабжен именным указателем, сведениями об авторах с указанием почтовых и электронных адресов, а также указателем сокращений. В отдельных частях книги встречаются иллюстрации с образцами религиозного искусства.

Несмотря на различную ценность отдельных текстов (при превалировании высокого профессионального уровня) сборник «Нация – церковь – государство» является заметным вкладом в изучение крайне актуальной темы.

© 2010 г. *М.Ю. Дронов*

ПАМЯТИ ГЕННАДИЯ ГРИГОРЬЕВИЧА ЛИТАВРИНА
1925–2009

Банальная графа любой анкеты «место рождения» у Геннадия Григорьевича выглядела экзотичнее, чем у кого бы то ни было: село Абай Уймонского аймака Ойротской автономной области Западно-Сибирского края (ныне Усть-Коксинского района Алтайского края). В 1998 г., когда очередная всероссийская конференция византинистов проходила в Барнауле, наши хозяева устроили для Литаврина индивидуальную поездку в родное село. Там в честь земляка-академика хотели создать персональный музей, но Геннадий Григорьевич категорически это запретил – очень характерный для него жест.

Итак, Литаврин родился 6 сентября 1925 г. в глухом горном селе. По деревне уже на его памяти асфальтовым катком прокатилась коллективизация, вызванный ею голод; потом террор: совсем незадолго до смерти Геннадий Григорьевич вдруг вспомнил эпизод из своего детства, как солдаты вели по улице их сельского фельдшера. Литаврин говорил: «Той же участи (репрессиям) подверглись мой дед по матери, несколько моих учителей, директор совхоза, начальник политотдела и т.д. и т.п.». Но наперекор всему дух дышит, где хочет.

Село было русским, а вокруг жило коренное алтайское население. Много лет спустя, работая над проблемой средневековых владов («Восстание болгар и владов в Фессалии в 1066 г.», 1956; «Влахи византийских источников X–XIII вв.», 1972), над вопросами славяно-протоболгарских отношений («Славяне и протоболгары: традиции и реальность», 1986; «Славяне и протоболгары до встречи в Подунавье», 1987; «Телец и его славянские союзники», 1997; «Славяне и протоболгары: от хана Аспаруха до князя Бориса – Михаила», 2001), Литаврин всегда во время научных обсуждений вносил и персональную нотку: он очень хорошо знал специфику взаимоотношений, складывающихся между оседлым и кочевным населением, изнутри представлял себе, с каким кризисом сталкивался кочевник при переходе к оседлости. У него не было ни грана пренебрежения к алтайцам, напротив, он всегда рассказывал, что сызмальства завидовал их вольному и суровому образу жизни. «Мои родители и мы сами часто общались с алтайцами, – вспоминал Геннадий Григорьевич. – Я не раз пользовался гостеприимством алтайцев, которые предоставляли нам место в своей юрте».

Лишившись в раннем детстве способности действовать правой рукой, Литаврин тем не менее был человеком «крестьянского» склада: увечье не мешало ему до 73 лет проводить каждое лето на

диком валдайском озере, среди первозданной природы и на полном самообеспечении. Всежизненный литавринский интерес к истории крестьянства был, возможно, обусловлен опытом юности. Он вспоминал: «Пришлось освоить искусство пахоты, боронования, посева проса из лукошка, а затем и молотбы цепом». Для многих из его коллег-аграрников вспашка была схоластической абстракцией – Литаврин же чувствовал ее «изнутри». «Некоторые исследователи, – писал он, – производя свои подсчеты, недостаточно учитывают реальные условия жизни и труда крестьянина [...] Даже в недавнем прошлом, при использовании отвального плуга, дневной нормой пахоты [...] считалось 0,25 га [...] Нельзя не принимать во внимание, что [...] к пахоте добавлялось двойное боронование (до и после посева), да самый посев рукой из лукошка еще более удлинял страданный путь крестьянина по его полю» («Византийский Временник. 59». 2000. С. 13). Именно интерес к истории болгарского и византийского крестьянства стоял у него в главе угла. С этой темы он когда-то начал («Крестьянство Западной и Юго-Западной Болгарии в XI–XII вв.», 1956), к ней вернулся в зрелом возрасте («Zur Lage der byzantinischen Bauerschaft im X–XI Jahr. (Strittige Fragen)», 1978; «OPISTHOTHELEIA: К вопросу о наделении крестьян землей в Византии X–XI вв.», 1978; «Становление крестьянства в южнославянских и западнославянских странах до конца XII в.», 1985; «Family Relations and Family Law in the Byzantine Countryside of Eleventh Century: An Analysis of the Praktikon of 1073», 1990; «Парик и арендатор», 1991; «Особенности социальной структуры византийского крестьянства в IX–XII вв.», 1992; «К изучению проблемы доходности крестьянского хозяйства в Византии в X–XI вв.», 2000; «Уплата налога с полученной от фиска земли не делала крестьянина ее собственником», 1999; «Малооцененное свидетельство о необычном случае парикии», 2008) ею же собирался и закончить: все последние годы он работал над монографией «Крестьянин и власть в конце IX – начале XII в.». В интервью 2003 г. он говорил, что завершить книгу – его главная мечта. Ей были посвящены в буквальном смысле слова последние часы его жизни. Монография составляла то, что давало ему силы, он периодически вручал нам дискету с очередной финальной версией, каждый раз все более обширной, приговаривая очень спокойно, что в случае чего – именно с нее надо печатать книгу. В его компьютере осталось более 200 страниц текста, и неперенным долгом коллег было бы опубликовать этот труд. Но вернемся к биографии Литаврина.

Утрата способности действовать правой рукой спасла Геннадия от почти неминуемой гибели на войне: из тридцати мальчиков литавринского класса в живых осталось двое. После получения аттестата зрелости в 1942 г. он сам стал учителем русского языка и литературы в сельской школе, а в 1946 г. поступил в МГУ на исторический факультет.

По словам Литаврина, он впервые увидел нерусское слово в тексте в двадцатилетнем возрасте. Да и вообще знание иностранного языка воспринималось тогда в СССР с подозрительностью. То же относится и к той исторической дисциплине, которую выбрал Литаврин. Следует помнить, что византиноведение (как и славистика), уничтоженное в СССР в конце 1920-х годов, начало возрождаться лишь в середине 1940-х, когда живых носителей научной традиции практически не осталось. Все начиналось с нуля, и поставленный руководить византиноведением академик «из бывших» Е.А. Косминский сам был специалистом по средневековой Англии.

Литаврин твердо знал, что главное – идти за источником. Не знаю, формулировал ли он это таким образом уже тогда – может, и нет, но откуда у него, в отличие от многих других, родилось убеждение в необходимости не только выучить все основные западные языки, не только в совершенстве овладеть латынью (он преподавал ее на истфаке в 1954–1955 гг.) и древнегреческим, но и самостоятельно разбираться в византийских рукописях? К этому «всепобеждающее учение» совершенно не располагало. Литаврин же впоследствии публиковал с рукописей византийские тексты – «Будапештская рукопись писем Феофилакта Болгарского», 1965; «Советы и рассказы Кекавмена», 1972; «Византийский медицинский трактат XI–XII вв.» (по рукописи Cod. Plut. VII. 19 Библиотеки Лоренцо Медичи во Флоренции), 1971 и даже эпиграфику – «Бронзовая пластинка из Херсонеса с именем Анастаса», 1978 (в соавт.), а также много переводил: «Три письма Пселла Катакалону Кекавмену», 1969; Константин Багрянородный «Об управлении империей», 1989; Феофилакт Ифест «Слово к багрянородному государю Константину», 1994; «Патриарх Фотий – наставник болгарского царя Михаила», 1994; «Свод древнейших письменных известий о славянах», т. 1–2 (в соавт.), 1994–1995; «Приемы киевской княгини Ольги в Константинополе императором Константином VII Багрянородным», 2000 и т.д.

Однако мы опять забежали вперед. Литаврин окончил исторический факультет в 1951 г. и был принят в аспирантуру, где и занялся темой, на много лет определившей сферу его научных занятий: византийско-болгарские отношения. Защищенная в 1954 г. кандидатская диссертация «Борьба болгарского народа против византийского ига – XI–XII вв.» впоследствии легла в основу монографии

«Болгария и Византия в XI–XII вв.» (1960). Средневековая история Болгарии оставалась любимым детищем Геннадия Григорьевича: «Налоговая политика Византии в Болгарии» (1956); «Темпове и специфика на социално-икономическото развитие на България в сравнение с Византия (от края на VII до края на XII в.)» (1970); «Армянский автор XI столетия о Болгарии и болгарях» (1972); «Народы Балканского полуострова в составе Византийской империи в XI–XII вв.» (1981); «По поводу нового исследования об образовании Второго Болгарского царства» (1980); «К вопросу о народном характере восстания в Болгарии в 1186 г.» (1981); «Условия развития болгарской культуры в XI–XII вв.» (1981); «Формирование этнического самосознания болгарской народности (VII – 1-я четв. X в.)» (1982); «Формирование и развитие Болгарского раннефеодального государства (конец VII – начало XI в.)» (1985); «Место Второго Болгарского царства в истории средневековой Европы» (1985); «Введение христианства в Болгарии (IX – начало X в.)» (1988); «К дискуссии о договоре 716 г. между Византией и Болгарией» (1995); «Этническое самосознание болгар в конце XIV – начале XV в. (в соавт.)» (1995); «Ethnische und politische Sympathien der Bevölkerung der Grenzgebiete zwischen Byzanz und Bulgarien in der ersten Hälfte des 14. Jahrhunderts» (1996); «Феофилакт Болгарский между Охридом и Константинополем» (1999) – этот список можно продолжать долго. Труды Литаврина по болгаристике заслуженно оценены: он был избран иностранным членом Болгарской Академии наук (1989), награжден орденом Кирилла и Мефодия I степени (1971), стал лауреатом международной премии имени Кирилла и Мефодия (1984). Все самые значительные работы Литаврина переведены на болгарский язык. При этом его научная концепция далеко не всегда совпадала с той, что господствовала в болгарской науке: например, Геннадий Григорьевич отстаивал тезис о том, что византийские власти не проводили в завоеванной Болгарии никакой эллинизации, поскольку «ромейская» идентичность не включала национального компонента. Столь же принципиально полемизировал он и с греческой, и с румынской националистической историографией. Но мы опять забежали вперед.

В 1955 г. Литаврин был принят в сектор истории Византии Института истории, а при разделении последнего в 1968 г. на две части присоединился к Институту славяноведения и балканистики, где в 1983 г. возглавил отдел истории Средних веков (руководил им до 2002 г.). За это время сотрудниками Отдела под руководством и при активном участии Литаврина были подготовлены и выпущены в свет коллективные труды, посвященные раннеславянской государственности (1985), христианизации славян и Руси (1987), этническому самосознанию славян в эпоху Средневековья (1989; 1995), древнейшим письменным источникам по истории славян (1991; 1995), взаимоотношениям Османской империи со странами региона (1984; 2001), а также ряд выпусков сборника «Славяне и их соседи». В 1987 г. он встал также и во главе центра истории византийской цивилизации в Институте всеобщей истории. Впрочем, административные размежевания никак не отразились на его научных штудиях, которые всегда оставались междисциплинарными.

Основу интересов Литаврина составляли византийские и болгарские источники X–XII вв. Прежде всего его занимала история византийского общества и государства в этот период. Данной теме посвящена монография «Византийское общество и государство в X–XI вв.: Проблемы истории одного столетия» (1977), а также множество статей, частично соединенных позднее под одной обложкой в сборнике «Византия и славяне» (1999). Уже после выхода сборника Литаврин посвятил этой теме такие свои работы, как «Два судебных решения константинопольского судьи Евстафия Ромея (сер. XI в.)» (2000); «Михаил Пселл и теория об идеальном государе» (2008); «К вопросу о значении налога натурой в Византии X в.» (2008); «Феофилакт Болгарский (Охридский) и пастырский долг» (2009).

Работа над главами трехтомной «Истории Византии» (1967) побудила Литаврина заняться также и более поздним периодом («Особенности византийского и болгарского феодализма в XII–XIV вв.», 1972; «Проблемы симбиоза в латинских государствах, образованных на территории Византии», 1976; «Провинциальный византийский город на рубеже XII–XIII вв.», 1976; «Некоторые соответствия в организации экономики византийского и османского города XV–XVI вв.», 1981; «Особенности международной обстановки в XIV–XV вв.», 1984). И все же более долговременным оказалось обращение Геннадия Григорьевича к источникам раннего периода: со второй половины 1970-х годов в сферу его интересов попали такие темы, как зарождение славянской этничности («Этническое самосознание славян в VII–X вв.», 1978; «Славяне Мисии и Малой Скифии до прихода протоболгар Аспаруха», 1979; «Древняя славянская этническая общность» (в соавт.), 1982; «Этносоциальная структура славянского общества в эпоху поселения на Балканах (VI–VII вв.), 1987 и т.д.) и государственности («Проблема образования раннефеодальных славянских государств в советской историографии», 1976; «К проблеме образования Болгарского государства», 1981; «Особенности становления раннефеодальных славянских государств», 1984; «Славинии

VII–IX вв. – социально-политические организации славян», 1984; «Восточноримская империя в V–VI вв.», 1985; «Византийское государство в VII–XII вв.», 1985; «Свидетельство патриарха Никифора о пленных рабах-византийцах у славян», 1996), а также история христианизации славян («Византия и славяне до и после принятия ими крещения», 1996; «Константин VII Багрянородный о храмах Далмации», 2008).

Наконец, еще одной сферой приложения сил всегда оставались для Литаврина русско-византийские отношения (именно древнерусской историей он всегда мечтал заниматься) и проблемы Северного Причерноморья. Помимо статей, позднее собранных под одной обложкой, переработанных и синтезированных в книгу «Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII в.)» (2000), можно назвать такие работы, как «Новые материалы о происхождении Владимира Мономаха» (в соавт.) (1962); «Отношения Древней Руси и Византии в X – первой половине XIII в.» (в соавт.) (1967); «Новые сведения о Северном Причерноморье (XII в.)» (1972); «Особенности русско-византийских отношений в XII в.» (1974); «Культурные связи Древней Руси и Византии в X–XII вв.» (1976); «Моноваты – в Крыму или на Кавказе?» (1978); «Русско-византийские связи в середине X в.» (1986); «Восстание в Херсоне против византийской власти в 1016 г.» (1998); «Малоизвестные свидетельства о походе князя Игоря на Константинополь в 941 г.» (1999).

Склонный в своем академическом письме к суховатому стилю, наполнявший сноски бесконечной полемикой и ссылками на литературу, Литаврин все равно всегда шел от источника; о том, насколько живо он воспринимал средневековые тексты, можно судить по единственной его популярной книжке «Как жили византийцы» (1974). В ней нет ни одного положения, которое не было бы взято прямо из источников, и не было для автора большей обиды, чем предположение, что он опирался на существующую историографию.

Сподобившись всех возможных почестей и постов, став доктором исторических наук (1973), членом-корреспондентом (1987), а затем и действительным членом РАН (1994), членом бюро Отделения истории (1991); получив ордена «Знак Почета» (1986) и Дружбы (1997), удостоившись Государственной премии (1996), сделавшись президентом Национального комитета византинистов России и вице-президентом Международной ассоциации византинистов, главой российско-болгарской комиссии историков и т.д. и т.д., Геннадий Григорьевич совершенно не переменился. Бывало, я просил у него какие-то книги или даже (стыдно вспоминать теперь!) тяжелые словари – и он безропотно приносил их из дому, чтобы помочь начинающему коллеге. Он совершенно не считал для себя зазорным спросить мнение молодых при переводе какого-нибудь трудного места в источнике. Величайшее чувство собственного достоинства сочеталось в нем с невероятной уважительностью по отношению к другим. Он радовался, когда с ним не соглашались, и сам приглашал оппонента опубликоваться, чтобы удобнее было дискутировать. Вообще, Геннадий Григорьевич не утратил способности и желания усваивать новое до самого конца: достаточно сказать, что он отважно овладел компьютером, уже когда ему перевалило за семьдесят пять. А до этого говорил, что ему достаточно того компьютера, который на плечах.

Литаврин обладал громадным чувством ответственности. Он ощущал личную вину за то, что происходило вокруг – например, в 1968 г., пренебрегая опасностью, просил у чешских коллег прощения за советское военное вторжение. Встав во главе отечественной византинистики в 1987 г., когда старая система организации науки зашаталась, он возглавил также и подготовку XVIII Международного конгресса византинистов в Москве (задуманного в совершенно иных условиях), и так надорвался на этой работе, что накануне открытия конгресса, в августе 1991 г., слег в больницу от нервного истощения и нашел в себе физические силы появиться лишь на заключительной церемонии, уже перед самым путем. Но благодаря ему конгресс все же состоялся. Написание статей для бесконечных юбилейных сборников в честь коллег утомляло, но Геннадий Григорьевич никогда не отказывался, считая невозможным обидеть кого бы то ни было. Он воспринимал сообщество коллег как единую «res publica litterarum» и очень остро переживал разобщение в нашем цехе. Литаврин до последних недель жизни скрупулезно вычитывал от корки до корки каждый том «Византийского Временника»: уже будучи ответственным редактором журнала (с 1987 г.) он не гнушался корректорской работой, так же, как и за пятьдесят лет до этого, когда был ответственным секретарем редколлегии. Он никогда не перекладывал на чужие плечи то, что считал своим долгом, даже когда положение и возраст уже могли бы освободить его от рутинных обязанностей. Это был человек изумительной порядочности и деликатности. За тридцать один год постоянного сотрудничества, в течение которых мне довелось быть его аспирантом, учеником, подчиненным, коллегой и соавтором, я не припомню, чтобы мы хоть когда-нибудь друг на друга обижались или раздражались.

В нашем последнем разговоре, за неделю до смерти, Геннадий Григорьевич сказал: «Мозг – такой же орган, как и любой другой. Если тренировать его каждый день – он будет работать без-

отказно». И правда, общаясь с ним, совершенно не замечалось, что перед тобой 84-летний старец. Он мгновенно заиграл разговором, освещался улыбкой, расцветал мыслью. Все помнил и все сопрягал. Таким он и останется в памяти.

© 2010 г. С.А. Иванов

Память о Геннадии Григорьевиче Литаврине, выдающемся ученом и человеке удивительных качеств, навсегда сохранится в наших сердцах.

Дирекция и Ученый совет Института славяноведения РАН, редколлегия и редакция журнала «Славяноведение», друзья и коллеги.

ПАМЯТИ ЛЮДОЛЬФА МЮЛЛЕРА (1917–2009)

22 апреля 2009 г. в Тюбинге скончался Людольф Мюллер, выдающийся ученый, один из наиболее видных представителей немецкой славистики второй половины XX в., известный разносторонностью и широтой своих научных интересов, простирающихся от древности до нашего времени, д-р философии и теологии, исследователь истории, истории церкви, литературы и культуры Древней Руси, русской классической литературы, переводчик русских религиозно-философских текстов и русской поэзии на немецкий язык.

Л. Мюллер родился 5 апреля 1917 г. в селе Шёнзее (Западная Пруссия) в семье евангелического пастора. Окончив в 1935 г. классическую гимназию, приступил к изучению теологии и философии в Лейпцигском университете. С миром Восточной Европы и славянства соприкоснулся, когда, будучи студентом, приехал по обмену в 1937 г. в Венгрию и попал в Реформатскую высшую теологическую школу в городке Шарошпатак, знаменитого тем, что в XVII в. здесь протекала деятельность Яна Амоса Коменского, фигура которого произвела столь сильное впечатление на Л. Мюллера, что, вернувшись в Германию, он разыскал Д. Чижевского, преподававшего славистику в университете г. Галле, и под его руководством выучил свой первый славянский язык – словацкий. С 1939 г. Л. Мюллер был призван в армию и прослужил шесть лет солдатом-связистом, конец войны встретил в Италии, где попал в американский плен. За годы военной службы он освоил три языка: во Франции – французский, в России – русский, в Италии – итальянский. Но с наибольшим интересом Л. Мюллер знакомился с русской культурой. Во время тяжелых боев под Ржевом он написал, сидя во дворе за грубо сколоченным деревянным столом, стихотворение в прозе «Матушка Русь» (текст см.: *Мюллер Л.* Понять Россию: историко-культурные исследования. М., 2000. С. 20–21). Именно в военные годы возникла у него, возможно, под влиянием Бердяева, Толстого и Достоевского и, не в последнюю очередь, Чижевского, та очарованность Россией, которую ученый пронес через всю жизнь.

Еще во время войны Л. Мюллер принял решение продолжить университетское образование на отделении славистики. В Гёттингене, где преподавал М. Браун, Л. Мюллер усовершенствовал знание русского языка. Вскоре он последовал за Д. Чижевским в Марбургский университет, где их научное сотрудничество продолжалось до 1949 г. После защиты докторской диссертации (1949) Л. Мюллер читал лекции и вел семинарские занятия по истории православной мысли в Византии и России, курсы по древнерусской литературе и русской литературе XVIII и XIX вв.

С 1953 г. он возглавлял кафедру славянской филологии в университете г. Киля, а с 1962 г. вплоть до выхода в отставку в 1982 г. – аналогичную кафедру в университете Тюбингена. С 1973 г. Л. Мюллер состоял действительным членом Гейдельбергской Академии наук, в том же году стал членом редколлегии международного журнала «*Russia Mediaevalis*», с 1981 г. – редактором серии «Источники и исследования по истории русской духовной жизни» (*Quellen und Studien zur russischen Geistesgeschichte*).

Итогом многолетних научных изысканий Л. Мюллера стали снижавшие ему международную известность труды о творчестве митрополита Илариона «Похвала Владимиру Святому и Исповедание веры митрополита Илариона» (1962) и «Сочинения митрополита Илариона» (1971), книги «К проблеме иерархического статуса и юридической зависимости русской церкви до 1039 г.» (1959), «Достоевский: его жизнь – его творчество – его завещание» (1982), «Герои и святые раннего русского Средневековья» (1984), «Крещение Руси» (1987), «Слово о полку Игореве» (1989) и др. Выполненный ученым перевод «Слова» на немецкий язык равно отвечает требованиям как филологической точности, так и поэтической выразительности. Л. Мюллеру принадлежит в высшей степени значительная и оригинальная работа об иконе Андрея Рублева «Троица», в которой он выступает как искусствовед-богослов, раскрывающий догматическое содержание шедевра русского религиозного искусства («“Троица” Андрея Рублева», 1990).

Последний крупный труд ученого – перевод-реконструкция «Повести временных лет» (2001). Филологическое (славистическое) и теологическое образование позволяло ему анализировать многие сложнейшие проблемы истории литературы Slavia Orthodoxa с широким использованием богатого исследовательского аппарата целого ряда научных дисциплин, имеющих в Германии уже долгую традицию. Для научного метода Л. Мюллера характерно сочетание разных подходов к изучаемому тексту – от собственно текстологического до историко-церковного и историко-культурного.

Людольф Мюллер – крупнейший в Европе специалист по творчеству В. Соловьева. Ученый выступил также как истолкователь и переводчик его философского наследия (часть из которого многократно переиздана в Германии) и как один из редакторов немецкого собрания сочинений В. Соловьева.

Любимым занятием Л. Мюллера в области славистики были стихотворные переводы русской лирики. Он перевел на немецкий язык около 700 стихотворений, весь корпус стихов Тютчева и В. Соловьева, «Реквием» Ахматовой и цикл «Стихотворения Юрия Живаго» из романа Пастернака. Дар проникновения в тайну поэтического слова на чужом языке и умение воссоздать ее на языке родном заслужили ученому репутацию мастера поэтического перевода.

По случаю своего 75-летия Л. Мюллер получил от российского посла в Бонне приветственное послание, в котором выражалась признательность за то, что было сделано ученым для распространения знаний о русской литературе и философии в Германии. А в 1993 г. ученый был награжден орденом «За заслуги» Федеративной Республики Германии, как отмечено в одном из пунктов обоснования для вручения высокой награды, за «активное участие в развитии германо-русского сотрудничества».

© 2010 г. *Л.И. Сазонова*

CONTENTS

ARTICLES

<i>Semyonov I.G.</i> (Machachkala). On the Relationships Between Russia and Khazaria in 9 th – First Half of 10 th Centuries	3
<i>Lukin P.V.</i> (Moscow). «Elders» or «Seniors»? On the Terminology of Slavic «Tribal Nobility»	12
<i>Florya B.N.</i> (Moscow). Moscow Agreement Between Russia and Rzecz Pospolita and A.L. Ordin-Nashchokin's Foreign Policy Plans	31
<i>Artamonov V.A.</i> (Moscow). Ukrainian Cossacks Between Peter I and Carl XII During Poltava Period of the Northern War 1708–1709	38
<i>Efimova V.S.</i> (Moscow). On the Meaning of So Called Punctuation Marks in the Ancient Slavic Copies of the Homiletic Texts	55

COMMUNICATIONS

<i>Ivanov S.A.</i> (Moscow). Mythological Convoy of «The Legend of Sovius» Within the Judean Chronograph	63
<i>Bardach J.</i> (Warsaw). III Lithuanian Statute and Its Projections	72
<i>Sazonova L.I.</i> (Moscow). Medieval Motif of Virgin's Miracle in Nikolay Gogol's «Portrait»	79

PUBLICATIONS

<i>Bortnikova A.V.</i> (Lutsk). Charters of Magdeburg Rights to the Town of Lutsk, 15 th –16 th Centuries	88
---	----

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

<i>Sokolov S.V.</i> Л.С. Клейн. Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон	105
<i>Kryvko R.N.</i> Die grossen Lesemenäen des Mitropoliten Makarij. Uspenskij spisok	109
<i>Kashanova O.S.</i> В.Е. Туманин. «Historia – moje życie»: Научное наследие Ежи Топольского	115
<i>Labyntsev Yu.A., Shehavinskaya L.L.</i> Kyryllische paraliturgische Lieder: Edition des handschriftlichen Liedguts im ehemaligen Bistum von Mukačevo im 18. und 19. Jahrhundert / Herausgegeben von Peter Žeňuch	117
<i>Dronov M.Yu.</i> Národ – cirkev – štát.	120

OBITUARIES

<i>Ivanov S.A.</i> In Memoriam of Gennady Grygorievich Litavrin (1925–2009)	122
<i>Sazonova L.I.</i> In Memoriam of Ludolf Müller (1917–2009)	126

Сдано в набор 03.12.2009 Подписано в печать 05.02.2010 Формат бумаги 70 × 100^{1/16}

Цифровая печать. Усл. печ.л. 10,4 Усл.кр.-отт. 3,6 тыс. Уч. изд.л. 12,1 Бум.л. 4,0

Тираж 335 экз. Зак. 20

Учредители: Российская академия наук, Институт славяноведения РАН

Издатель: Академиздатцентр «Наука», 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский проспект, 32а. Телефон 938-01-20

E-mail: zhurslav@mail.ru

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»», 121099, Москва, Шубинский пер., 6

ПОДПИСКА-2010

ВТОРОЕ ПОЛУГОДИЕ

ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ

- 1 Российские и зарубежные газеты и журналы
- 2 Книги и учебники

ПРЕС
1 РОС
И З
ГАЗ
И Ж
ТОМ

УВАЖАЕМЫЕ ПОДПИСЧИКИ!

Журналы Российской академии наук можно выписать в любом почтовом отделении России по объединенному Каталогу Федерального управления почтовой связи (ФУПС). Академические журналы объявлены в этом каталоге в разделе “АПР”